

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
Государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования города Москвы
«Московский городской педагогический университет»
(ГБОУ ВПО МГПУ)

Литовский эдукологический университет

РУСИСТИКА И КОМПАРАТИВИСТИКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Выпуск VII

Книга 1
Лингвистика

Москва
2012

УДК 81
ББК 81я43
Р 88

*Печатается по решению
Редакционно-издательского совета ГБОУ ВПО МГПУ*

Ответственные редакторы:

Е.Ф. Киров (Москва), *Г. Кундротас* (Вильнюс) (лингвистика)

Редакционная коллегия:

Е.И. Белова (Вильнюс), *И.А. Беляева* (Москва), *С. Власова* (Вильнюс),
Е.Ю. Геймбух (Москва), *А.В. Громова* (Москва), *С.А. Джанумов* (Москва),
В.В. Кириллов (Москва), *М.Б. Лоскутникова* (отв. редактор, литературоведение,
Москва), *Г. Петкевич* (Вильнюс), *М. Романенкова* (Вильнюс),
Д. Сабрамене (Вильнюс), *Л. Сельмистрайтис* (Вильнюс)

Рецензенты:

В.Г. Костомаров — д-р филол. наук, профессор, академик РАО,
О.А. Радченко — д-р филол. наук, профессор.

Р 88   **Русистика и компаративистика:** сб. науч. ст.: В 2-х кн.
Вып. VII / Отв. ред.: Е.Ф. Киров, Г. Кундротас. – Кн. 1:
Лингвистика. – М.: МГПУ, 2012. – 200 с. – (Научное издание.)

Сборник научных статей «Русистика и компаративистика» (Кн. 1. Лингвистика) является результатом научного сотрудничества Московского городского педагогического университета и филологического факультета Литовского эдукологического университета (Вильнюс). Сборник содержит также статью ученого из Каунасского педагогического университета.

Статьи сборника посвящены многоаспектному описанию языков разных систем, но большая часть сборника посвящена русскому языку. Книга содержит и мемориальную часть, посвященную профессору Г.М. Богомазову.

Для специалистов-филологов, преподавателей, аспирантов, студентов, учителей-словесников и всех интересующихся проблемами русистики и компаративистики.

ISBN 978-5-243-00306-3

© ГБОУ ВПО МГПУ, 2012

© Lituovas educatio universitetas, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо введения	5
Фразеология	
<i>Абрашина Е.Н.</i> Типы значений фразеологизмов: проблема формирования и разграничения	7
<i>Русецкая Й.</i> Человеческое тело в языке: концептуализация соматизмов (на материале русского и литовского языков)	13
Грамматика	
<i>Беляева М.В.</i> Высказывания открытой и закрытой структуры в устном дискурсе (на материале немецкого и русского языков).....	27
<i>Йонушас Й.</i> Наиболее характерные случаи употребления отглагольных существительных в профессиональном тексте на русском и литовском языках.....	36
<i>Девятова Н.М.</i> Конструкции с предлогом <i>сродни</i> в системе русского сравнения.....	47
Лингвоконцептуальный анализ языка и текста	
<i>Гейбмух Е.Ю.</i> Специфика интертекстуальных связей в лирической прозаической миниатюре.....	57
<i>Качанова А.А.</i> Опыт изучения коммуникативно-языковой личности в научном освещении	65
<i>Трухановская Н.С.</i> К понятию концептуальной метонимии	72
Памяти профессора кафедры русского языка и общего языкознания МГПУ Г.М. Богомазова	
<i>Богомазов Г.М., Спиридонова Е.Ю.</i> О количественной оценке связи грамотности с другими проявлениями языковых способностей учащихся	81
<i>Ганиев Ж.В.</i> Лингвистический «вкус эпохи» (середина XX века)	132
<i>Киров Е.Ф.</i> Графика русского языка до и после Кирилла	140
<i>Гребенкова Ю.М.</i> Закономерности перехода от одноуровневой к двухуровневой фонологической системе в языковом сознании ребенка	175
<i>Кундротас Г.</i> Общие и индивидуальные средства звучащей речи (на материале литовского языка).....	182
Коротко об авторах	197

CONTENTS

Introduction	5
Phraseology	
<i>Abrashina E.N.</i> Types of Idioms: a Problem of Formation and Differentiation	7
<i>Ruseckaya I.</i> Human Body in Language: a Conceptualization of Somatic Units (on a Material of Russian and Lithuanian Languages).....	13
Grammar	
<i>Belyaeva M.V.</i> Statements of Open and Closed Structure in Oral Discourse (on the Basis of German and Russian Languages).....	27
<i>Ionushas I.</i> The Most Characteristic Usage of the Verbal Nouns in Russian and Lithuanian Professional Text	36
<i>Devyatova N.M.</i> Construction with a Preposition “Srodni” in the System of Russian Comparison	47
Linguoconceptual Analysis of Language and Text	
<i>Geymbukh E.Yu.</i> Specificity of Intertextual Relations in Lirical Prose miniatures.....	57
<i>Kachanova A.A.</i> The Experience of the Study of Lingvistic-Communicative Personality in the Scientific Light	65
<i>Trukhanovskaya N.S.</i> On Conceptual Metonymy.....	72
In Memory of Professor of Department of the Russian Language and General Linguistics the G.M. Bogomazov	
<i>Bogomazov G.M., Spiridonova E.Yu.</i> About the Quantitative Assessment of Communication of Literacy with Other Forms of Manifestation of Language Abilities of Pupils.....	81
<i>Ganiev Zh.V.</i> The Linguistic “Taste of Epoch” (Mid-Twentieth Century).....	132
<i>Kirov E.F.</i> Russian Graphics before and after Kirill	140
<i>Grebenkova Yu.M.</i> Regularities of Transition from Single-Level to Two-Level System in Language Consciousness of Child	175
<i>Kundrotas G.</i> Universal and Individual Means of Sounding Speech (Based on the Material of the Lithuanian Language).....	182
About Authors	197

ВМЕСТО ВВЕДЕНИЯ

Настоящий сборник научных трудов стал уже седьмым по счету, при этом нечетные выпуски сборника публикуются в Москве (издание МГПУ), а четные — в Вильнюсе (издание Литовского эдукологического университета). Представленное научное издание — часть важного международного проекта сотрудничества ученых разных стран.

Книга 1 «Лингвистика» «Русистики и компаративистики» (выпуск VII) включает работы ученых из Вильнюса, Каунаса и Москвы. Значительная часть работ книги посвящена сопоставлению и противопоставлению аспектов и особенностей разнотипных языков. Такой подход и формирует компаративную составляющую в анализе языков, однако в качестве основания для сравнения по преимуществу используется русский язык, что и заявлено в самом названии сборника.

Особый раздел составляют статьи, посвященные памяти профессора кафедры русского языка и общего языкознания МГПУ Геннадия Михайловича Богомазова, который и сам участвовал как автор в предыдущих выпусках «Русистики и компаративистики». В книге приведена большая статья Г.М. Богомазова (в соавторстве), которая была обнаружена магистрами МГПУ при анализе архива ученого, безвременно ушедшего от нас. Сюда же включена и статья мемуарного плана, передающая лингвистический «вкус эпохи» середины XX века.

В данном случае редакторы сборника творчески подошли к своей работе и поместили несколько больших статей, позволяющих полно изложить очень важные в научном отношении и оригинальные концепции, посвященные особенностям функционирования двухуровневой фонологической системы в русском языке, происхождению русского письма, функционированию общих и индивидуальных характеристик звучащей речи.

Особый интерес в сборнике научных работ по компаративистике представляет также публикация статьи на литовском языке, который использовался как исходная основа в компаративистских исследованиях с самого начала возникновения этого направления в лингвистике.

*В.Г. Костомаров,
О.А. Радченко*

ФРАЗЕОЛОГИЯ

Е.Н. Абрашина

ТИПЫ ЗНАЧЕНИЙ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ И РАЗГРАНИЧЕНИЯ

В статье рассматривается проблема формирования значения фразеологизма, дифференциации часто смешиваемых в лингвистической литературе фразеологически связанного значения и фразеологического значения на основе выявления их специфических свойств. Анализируются особенности фразеологических единиц с компонентами, выраженными конкретно-предметной лексикой, участвующими в формировании фразеологического образа, внутренней формы фразеологической единицы.

Ключевые слова: компоненты значения фразеологизма; фразеологически связанное значение; фразеологическое значение.

Проблема формирования значения фразеологизма — это проблема фразеологической номинации, которую принято считать косвенной номинацией. Языковые знаки при этом ярко проявляют свою асимметричную природу, выражая не только свойственное им значение, но и другое, которое каким-то образом связано с первым. Фразеологические единицы являются знаками косвенной номинации именно потому, что они называют реалии действительности посредством ряда слов (т. е. единиц другой системы), играющего роль опорного словосочетания, значение которого мотивирует значение фразеологизма.

Выделяя вслед за В.В. Виноградовым три типа фразеологизмов по степени семантической спаянности, слитности значений их компонентов: фразеологическое сращение, фразеологическое единство и фразеологическое сочетание, мы дифференцируем эти типы в первую очередь с точки зрения особенностей их значения.

Поскольку в лингвистической литературе наблюдается смешение понятий «фразеологически связанное» и «фразеологическое» значение, необходимо разграничить эти значения и выявить их специфические свойства. Фразеологически связанным и фразеологическим

значением обладают единицы разных уровней языка: лексического и фразеологического (слово и фразеологическая единица). Фразеологически связанное значение традиционно рассматривается в языке как один из типов несвободного лексического значения и, как конструктивно ограниченное (или обусловленное) и синтаксически обусловленное, является принадлежностью слова как ведущей номинативной единицы языка (см. работы В.В. Виноградова, Н.М. Шанского, Д.Н. Шмелева и др.). Так, Д.Н. Шмелев считал, что «фразеологически закрепленное слово сигнализирует об определенном словосочетании, т. е. словосочетание, в котором оно выступает, является синтагматически связанным. Это — связанность опять-таки не на синтаксическом, а на лексическом уровне, связанным словосочетание является не как синтаксическая единица, а как сочетание конкретных слов, т. е. как единица лексическая» [3: с. 265–266]. В.В. Виноградов отмечал, что «бывают устойчивые фразеологические группы, в которых значения слов-компонентов обособляются гораздо более четко и резко, однако остаются несвободными. Например: *щекотливый вопрос, щекотливое положение, щекотливое обстоятельство* и т. п. (при невозможности сказать *щекотливая мысль, щекотливое намерение* и т. п.)... В самом деле, большая часть слов и значений слов ограничены в своих связях внутренними, семантическими отношениями самой языковой системы. Эти лексические значения могут проявляться лишь в связи со строго определенным кругом понятий и их словесных обозначений» [1: с. 159].

Фразеологически связанное значение обнаруживается в словосочетании, каждый компонент которого служит средством выражения одного понятия. Например, в словосочетании *трескучий мороз* слово *трескучий* имеет значение «очень сильный» (разг.), а слово *мороз* употребляется в прямом номинативном значении — «холод»; в словосочетании *закадычный друг* слово *закадычный* имеет значение «близкий, душевный (о друге, приятеле, о дружеских приятельских отношениях)», а слово *друг* — «человек, который связан с кем-нибудь дружбой». В словосочетании, где один из компонентов имеет фразеологически связанное значение, сохраняются те же грамматические категории (специфичные для каждого слова

как лексико-грамматической единицы); синтаксические связи (согласование, управление, примыкание); отношения (атрибутивные, объектные, обстоятельственные) и те же синтаксические функции, что и в структуре словосочетания, компонентом которого являются слова со свободным лексическим значением.

Фразеологическое значение присуще не лексеме, а нескольким модифицированным лексемам, которые образуют качественно иное языковое объединение — фразеологическую единицу. Трансформация лексических значений компонентов в процессе фразеологизации свободного словосочетания приводит к тому, что слова-компоненты перестают функционировать в качестве автономной номинации, превращаясь в одну или несколько сем сложного по своей структуре фразеологического значения, например, во фразеологизмах, образованных по модели атрибутивного словосочетания, типа *белый свет* — «земля, мир, вселенная; жизнь», *вавилонское столпотворение* — «полная неразбериха, крайний беспорядок, сутолока», *красный петух* — «пожар».

Во фразеологических единицах модифицируются грамматические категории, утрачиваются внутренние синтаксические связи, а семантическая слитность обуславливает функционирование всей единицы в роли одного члена предложения. Итак, фразеологически связанное значение (ФСЗ) и фразеологическое значение (ФЗ) имеют различное содержание и формальные средства его выражения:

- ФСЗ присуще слову, а ФЗ — фразеологическим единицам.
- ФЗ отличается от ФСЗ большей степенью отвлеченности, абстрактности.
- ФЗ, в отличие от ФСЗ, имеет больший объем смыслового содержания.
- ФСЗ реализуется в соединении слова-выразителя ФСЗ со строго определенной лексемой или с их семантически четко ограниченным кругом, причем всегда образуется простое, двусловное словосочетание. ФЗ реализуется в контексте и через контекст, в котором фразеологическая единица имеет более широкую семантическую сочетаемость, образуя в соединении с другой лексемой словосочетание из двух компонентов, один из которых — фразеологизм.

- В структуре словосочетания со словом, имеющим ФСЗ, грамматические категории присущи каждому в отдельности слову как единице морфологического уровня, а в структуре фразеологической единицы грамматические категории присущи всей единице в целом, причем их функционирование имеет ряд ограничений, обусловленных спецификой семантики единицы.

- В структуре словосочетания с компонентом, имеющим ФСЗ, проявляются реальные, живые подчинительные связи, а во фразеологической единице, обладающей ФЗ, эти связи утрачиваются.

- В составе словосочетания со словом, имеющим ФСЗ, каждый компонент, независимо от типа значения, является отдельным членом предложения, а фразеологическая единица, независимо от компонентного состава, выполняет синтаксическую функцию одного члена предложения.

Наличие специфических признаков, характеризующих ФСЗ и ФЗ, свидетельствует о необходимости четкой дифференциации этих понятий.

Одним из основных признаков фразеологического значения, наряду с целостностью и идеоматичностью, является образность, не только определяющая предметно-понятийное содержание фразеологизма, но и формирующая его экспрессивно-эмоциональные качества. Словосочетание, лежащее в основе фразеологического сращения и фразеологического единства, переосмысливается полностью, а не покомпонентно, поэтому трудно говорить о семантически главенствующем компоненте фразеологизма, как это делается по отношению к свободному словосочетанию. Однако это не значит, что семантика слов-компонентов никак не отражается на семантике самой фразеологической единицы. Компоненты участвуют в формировании фразеологического образа, той внутренней формы фразеологической единицы, которая мотивирует связь между предметом названия, т. е. денотатом, и понятием об этом предмете — сигнификатом.

Во фразеологии современного русского языка широко представлены единицы с компонентами, выраженными конкретно-предметной лексикой. Как отмечает Л.В. Ковалева, «осмысленная денотативная ситуация, отражающая реальную связь явлений окружаю-

щей действительности, служит начальным этапом процесса фразеологизации» [2: с. 24]. Словосочетания с наименованиями предметов материальной культуры являются богатым источником образных ассоциаций, так как предметы могут быть охарактеризованы с самых разных сторон — формы, размера, цвета, местоположения и т. д. При этом исследуются фразеологизмы типа *пороховая бочка*, *последняя спица в колеснице*, *снимать стружку*, *метать петли*, *вить веревки*, *строить воздушные замки*, где *бочка*, *спица*, *стружка* и др. — слова с конкретно-предметной семантикой.

Среди лексических компонентов с конкретно-предметным значением есть много слов, которые редко встречаются в лексической системе современного русского языка, так как утратились или постепенно утрачиваются те реалии действительности, которые они обозначали, или эти слова были вытеснены другими словами в процессе развития языка. К историзмам и архаизмам относятся: *лясы* (*бальясы*) — деревянные фигурные столбики для украшения лестничных перил (*точить лясы* — заниматься пустыми разговорами в ущерб делу, болтать вздор, пустяки); *баклуши* — заготовки для деревянной посуды (*бить баклуши* — бездельничать); *торба* — мешок, сума (*носиться как с писаной торбой* — уделять незаслуженно много внимания); *ветрило* — парус (*без руля и без ветрил* — без ясного направления и определенной цели в жизни) и др.

Одной из особенностей рассматриваемых фразеологических компонентов является их способность к варьированию. Могут варьироваться слова-синонимы: *родиться в сорочке* (*рубашке*), *тюрьма* (*острог*) *плачет* (*по ком*); слова, семантически объединенные: *ни гроша* (*алтына*, *копейки*, *полушки*) *за душой*, *пятое колесо в телеге* (*колеснице*); слова, ассоциативно связанные: *висеть на волоске* (*ниточке*), *жить как за каменной горой* (*стеной*) и др.

Другим важным свойством фразеологических компонентов является избирательность их состава. С точки зрения их семантики они делятся на два неравных по объему тематических класса: 1) существительные, обозначающие предметы, относящиеся к миру природы, т. е. естественные предметы (камень, гора, туча и т. п.); 2) существительные, обозначающие предметы, сделанные

руками человека, т. е. искусственные предметы (так называемые «артефакты»). Класс артефактов делится на ряд лексико-тематических групп, основными из которых являются: постройки и части построек (дом, окно, стены, дверь, ворота), мебель (стол, стул, ложе), орудия и инструменты (кочерга, вилы, топор, молот), средства передвижения (машина, телега, сани) и др. Высокая фразеологическая активность таких слов-компонентов связана с их распространенностью, с высокой степенью их функциональности. Фразеологизмы с конкретно-предметным значением компонентов вызывают интерес у исследователей и с точки зрения выявления в них национальной специфики быта, особенностей жизни народа, как источник культурологической информации.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Об основных типах фразеологических единиц в русском языке / В.В. Виноградов // Виноградов В.В. Избранные труды. Лексикология и лексикография. – М.: Наука, 1977. – С. 140–161.
2. *Ковалева Л.В.* Фразеологизация как когнитивный процесс: автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Л.В. Ковалева. – Воронеж, 2004. – 39 с.
3. *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка) / Д.Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.

E.N. Abrashina

Types of Idioms: a Problem of Formation and Differentiation

The paper focuses on the formation of idioms. The paper deals with the difference between phraseological and idiomatic meanings, which are commonly confused in linguistic literature.

The paper analyzes the features of phraseological units whose components are expressed by words with a concrete meaning and which are involved in the formation of idiomatic image.

Key words: components of idioms; phraseology; phraseological meaning; idiomatic meaning.

ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ТЕЛО В ЯЗЫКЕ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ СОМАТИЗМОВ (на материале русского и литовского языков)

В статье рассматривается принцип концептуализации окружающей действительности через посредство лингвокультуропепта «тело», а также особенности концептуализации соматизмов в русском и литовском языках.

Анализируются соматические фразеологизмы с компонентом «голова», «ухо», «глаз», «нос», «рот», «язык» (как основные органы восприятия окружающей среды) с частичным привлечением литовских соответствий.

Ключевые слова: соматизмы; концептуализация; фразеологическое поле; микрополе; прямое значение; метонимическое значение; метафорическое значение; русский язык.

Понять человеческое тело — значит понять природу самого человека. Тот факт, что в центре внимания человека находится он сам, обуславливает его постоянное стремление описывать окружающий мир по образу и подобию своему (поразительно, но даже Бога в иконописи человек рисует в виде очеловеченного телесного существа). Большинство исследователей отмечает, что особое место в системе фразеологии занимает соматическая фразеология. Как считает М. Горды, «знания, получаемые через тело и фиксируемые соматической фразеологией, обнаруживают единство психической, душевной и телесной конституции человека» [3: с. 118]. Чем же является тело? Так, например, семантика лексемы *тело* в Толковом словаре русского языка определяется как: «организм человека или животного в его физических формах, часть этого организма, исключая голову и конечности» [6: с. 793]. Более того, тело — «это преимущественно мясо и то, что имеет мясную консистенцию, а также кожа, остальное — это вещества промежуточного характера» [9: с. 139]. В словаре литовского языка *тело* определяется как «организм человека или животного» (лит.: „žmogaus ar gyvulio organizmas“) [12].

В настоящем исследовании принимаем понимание *тела* как организма в его нормальной (здоровой) физической форме. Телес-

ные изменения в болезненных состояниях исключены из объекта нашего анализа. Соматизм определяем как наименование «части тела человека или животного».

Итак, фразеополе с компонентом-соматизмом современного русского и литовского языков создают наименования 59-ти частей тела человека в русском языке, и наименования 94-х частей тела в литовском языке. Выделенным фразеологизованным частям тела в русском языке соответствуют следующие соматизмы (77 лексем): голова — *голова*; *башка*; бок — *бок*; борода — *борода*; бровь — *бровь*; волос — *волос*; глаза — *глаза*; *очи*; *зенки*; глотка — *глотка*; горло — *горло*; грудь — *грудь*; губа — *губа*; жир — *жир*; жила — *жила*; *жилка*; живот — *живот*; *брюхо*; затылок — *затылок*; зеница — *зеница*; зуб — *зуб*; кишка — *кишка*; кожа — *кожа*; *шкура*; легкие — *легкие*; колено — *колени*; кость — *кость*; кровь — *кровь*; лицо — *лицо*; *морда*; *рыло*; *харя*; лоб — *лоб*; *чело*; локоть — *локоть*; лопатка — *лопатка*; мозг — *мозг*; нервы — *нервы*; нога — *нога*; *ножка*; ноготь — *ноготь*; *коготь*; *ноготок*; *коготок*; нос — *нос*; нутро — *нутро*; палец — *палец*; печенка — *печенка*; плечо — *плечо*; поджилки — *поджилки*; пот — *пот*; потроха — *потроха*; пояс — *пояс*; пузырь — *пузырь*; пята — *пята*; *пятка*; ребро — *ребро*; рот — *рот*; рука — *рука*; *лапа*; сердце — *сердце*; слезы — *слезы*; слюна — *слюна*; скелет — *скелет*; спина — *спина*; *хребет*; стопа — *стопа*; тело — *тело*; и устаревшая лексема *плоть*; ус — *ус*; уста — *уста*; ухо — *ухо*; утроба — *утроба*; череп — *череп*; шея — *шея*; щеки — *щеки*; язык — *язык*. (В русском, как и литовском, языке отмечен квазисоматизм «горб», который порождает немногочисленные фразеологизмы типа «Горбатого могила исправит». К квазисоматизмам следует отнести русские и литовские лексемные типы «хромой», «кривой», «глухой», «слепой».) В литовском языке выделенным фразеологизованным частям человеческого тела соответствуют следующие соматизмы (473 лексем): *akis* (рус.: глаз) — *akis*; *alkūnė* (рус.: локоть) — *alkūnė*; *ausis* (рус.: ухо) — *ausis*; *barzda* (рус.: борода) — *barzda*; *bamba* (рус.: пуп, пупок) — *bamba*; *blauzda* (рус.: голень, икра) — *blauzda*, *staibis*, *stibyna*, *stibynas*, *pinkuolė*, *stybra*, *stilba*, *stebenska*, *kinka*, *kiška*; *blauzdikaulis* (рус.:

большая берцовая кость) — *blauzdikaulis, stibikaulis, blazdakaulis, blauzkaulis, stibykaulis, stibinkaulis, stibynkaulis, šeivakaulis, stibikas, stiblys, stibuklis, stilbys*; *blužnis* (рус.: селезёнка) — *blužnis*; *burna* (рус.: рот) — *burna*; *dantis* (рус.: зуб) — *dantis, garankštis (krūminis dantis)*; *delnas* (рус.: ладонь) — *delnas*; *galva* (рус.: голова) — *galva, *daba*; *gerklė* (рус.: горло, глотка) — *gerklė, čerkšlė, gagarinė, gamarija, gamarinė, gargalynė, garmalinė, gomurinė, kakarinė, kakarynė, kvyklynė, lėrlė, lielė, koserė, kosiurė, kosurė, ryklė, stemplė, žiaunos*; *gysla* (рус.: жила) — *gysla, gyslėlė, ginsla, gyslė*; *gyvnagis* (рус.: телесная ткань под ногтем) — *gyvnagis, gyvuonis*; *inkstas* (рус.: почка) — *inkstas, išliežis* (рус.: часть тела между пальцами) — *išlyžis, tarpupirštis*; *juosmuo* (рус.: поясница, талия) — *juosmuo, pusiaujas, apjuostas, juosta, pusiau, strėnos, srėnos*; *kaklas* (рус.: шея) — *kaklas*; *kakta* (рус.: лоб) — *kakta*; *kaulas* (рус.: кость) — *kaulas, kabakštas, šonkaulis, griaučiai, grėdai, griobai, griobliai, grobai, groblai, kriauklai, skeletas*; *kelis* (рус.: колено) — *kelis, kelėnas, kelienas, kelienis, klupstis, klupstas, kluptis*; *kepenys* (рус.: печень, печенка) — *kepenys, jeknos, aknos, jakna, jaknos, jekna, kepena, kepenos*; *kiaušeliai* (рус.: семенная железа) — *kiaušiai, kiaušiai, kiaušiniai, pautai, inkstai*; *kirkšnis* (рус.: крестовый свод) — *kirkšnis*; *koja* (рус.: нога) — *koja, kanopa, pusnaga, *kapka, posnaga, naga, kavaišos, kavalšės, kavalšys, kebekšlės, kebekštės, kekšės, kepės, kepšės, kėžos, kybeklai, kibelkos, klišės, pinkulės, pinkuolės, šlubės, akėčios, balžienai, balžienos, batai, bulkenos, gegnės, kakaruškos, kaušenos, kėženos, klumpės, kojėnos, kojėnos, kulbenos, ližės, rogės, šatros, vazonai, žagrės, žirgės, žirklės*; *kraujas* (рус.: кровь) — *kraujas, kraujis, *juka*; *kremzlė* (рус.: хрящ) — *kremzlė*; *kryžkaulis* (рус.: крестцовая кость) — *kryžius, strėnkaulis*; *krumplys* (рус.: верхняя часть второго сустава пальца, зубец) — *krumplys*; *krūtinė* (рус.: грудь) — *krūtinė, kriūtinė, krūtis, papas*; *kulšnis* (рус.: лодыжка, щиколотка) — *kulšnis, kulkštėna, kulkština, kulkštymas, kulkštinas, gurnas, nikstas*; *kulnas* (рус.: пятка) — *kulnas, kulnis, pentis, užkulnis, užpentis, atapentė, užpentė*; *kumštis* (рус.: кулак) — *kumštis, kumsčia, kumščia, kumstė, kumštė*,

* Здесь и далее заимствованное слово из др. языка-источника.

kumstis, *kūlokas; *kūnas* (рус.: тело) — *kūnas*; *kupra* (рус.: горб) — *kupra*, *kukštera*, *kukurė*, *kukuris*, *kumblinas*, *kumbrina*, *kromas*, *kupeŭys*, *gūbrys*, *gubrys*, *kūbrys*, *kumbrys*; *lašiniai* (рус.: жир, сало) — *lašiniai*, *spirgai*, *spirginys*, *riebalai*, *riebulas*, *riebulai*, *riebuliai*, *riebuma*, *taukai*, *taukas*; *liemuo* (рус.: туловище) — *liemuo*, *stuomuo*, *stomuo*, *stuobas*, *stuobris*, *stuomas*; *liežuvis* (рус.: язык) — *liežuvis*; *lūpa* (рус.: губа) — *lūpa*; *mentė* (рус.: лопатка) — *pečiomentė*, *mentikaulis* (*plokščias trikampis kaulas viršutinėje nugaros dalyje* (*scapula*)); *mėsa* (рус.: мясо) — *mėsa*, *mėsa*, *meisa*; *nagas* (рус.: ноготь) — *nagas*, *naga*; *nervas* (рус.: нерв) — *nervas(-ai)*, *nervos*; *nosis* (рус.: нос) — *nosis*; *nykštys* (рус.: большой палец) — *nykštys*, *nykštė*, *nykštis*, *ninkštis*; *nugara* (рус.: спина) — *nugara*, *pakala*, *pakalas*; *oda* (рус.: кожа) — *oda*, *kailis*, *skūra; *paakiai* (досл. рус.: под глазами) — *paakiai*; *padas* (рус.: подошва) — *padas*, *rapadė*, *rapėdė*; *pakaklė* (досл. рус.: под шеей) — *apykaklė*, *apkaklė*; *pakaušis* (рус.: затылок) — *pakaušis*; *pakinklis* (рус.: задняя часть коленного сустава) — *pakinkis*, *kenklė*, *lenkmuo*, *linkis*, *kinklė*, *linkmuo*, *pakinklė*, *pakinka*, *pakinkė* (*užpakalinė kelio sąnario dalis*); *pakulnė(-is)* (досл. рус.: под пяткой) — *pakulnis*; *pakūnė* (рус.: чирей, нарыв) — *pakūnė* (*paviršinis odos sluoksnis, epidermis*); *panagė(-is)* (рус.: место под ногтем) — *panagis*, *panagys*, *panagutė* (*vieta po nagu*); *rapilvė* (рус.: место под животом, подбрюшина) — *rapilvys* (*kūno plotas ties pilvu*); *paslėpsnis* (рус.: пах) — *paslėpsna*, *slėpsnos*; *pasubinis* (рус.: вульг. под задницей) — *pasubinys*, *parūrys*, *pašikinė*, *pašikinys*, *pašiknyš*; *paširdis* (досл. рус.: под сердцем) — *paširdžiai*, *prieširdis*, *širdies pakarūklas*, *širdies pasaitas*; *pašonė* (рус.: под боком) — *pašonė(-is)*; *pažastis* (рус.: подмышка) — *paražarstė*, *paražastė*, *pažakstė*, *pažarstys*, *pažastys*, *petys*; *pečiai* (рус.: плечо, плечи) — *petis*, *petė*; *pėda* (рус.: ступня, стопа) — *pėda*, *pėdas*; *pilvas* (рус.: живот) — *pilvas*, *bemberė*, *bemberys*, *bliunkis*, *dūblys*, *vėdaras*, *vėderas*; *pirštas* (рус.: палец) — *pirštas*, *kipčiai*, *knabliai*, *pinakliai*; *plaštaka* (рус.: кисть (руки)) — *plaštaka*, *gniaužtas*; *plaučiai* (рус.: лёгкие) — *plaučiai*; *plaukas* (рус.: волос) — *plaukas*, *ašutas*, *kartis*, *karčiai* (*arklio plaukas*), *šerys*, *šeriai*; *prakaitas* (рус.: пот) — *prakaitas*; *pūslė* (рус.: пузырь) — *pūslė*;

ranka (рус.: рука) — *ranka*, *bračnagė, *brančnagė*, *letena*, *lopa*; raumuo (рус.: мускул, мышца) — *raumuo*; riešas (рус.: запястье) — *riešas*, *riešelis*, *čiurnis*, *rietas*; rietai (рус.: бедро, ляжка) — *rietas*, *rietai*; sąnarys (рус.: сустав) — *sąnaris*, *narys*; seilė (рус.: слюна) — *seilė*; sėdmenys (рус.: ягодичцы) — *sėdmenys*, *sėdynė*, *pasturgalis*, *strengalis*, *užpakalis*, *šnek.*: *ažačia*, *pakalys*, *paskas*, *paskuigalis*, *pastargalis*, *sėdenė*, *sėdyba*, *sėdima*, *sėdimoji*, *sėdynė*, *strėnugalis*, *strėngalis*, *stubergalis*, *užpakalė*, *užupakalis*, *juok.*, *menk.*: *diršė*, *dugninė*, *dugnolis*, *dvišakumas*, *kakarykštė*, *patursys*, *raumenė*, *skeltuma*, *skersoji*, *stuplys*, *sturplis*, *vasarošiltė*, *zėza*; *menk.*, *prk.*: *ašaka*, *dugnas*, *dugnolis*, *anas* (*antras*, *kitas*, *pirmas*) *galas*, *kerpė*, *pūdymas*, *skliautai*, *stepera*, *vlg. menk.*: *pirdagalis*, *pirdė*, *raukas*, *raukinalė*, *raukinė*, *raukynė*, *riukšė*, *rūka*, *rukė*, *rukšė*, *sproklė*, *subinalė*, *subinavas*, *subingalis*, *šniaukė*, *šniukštė*, *tarm.*, *menk.*, *vlg.*: *subinė*, *šikinė*, *šikna*, *sl.*, *prk.*: *čvikas, *dūlė, *petelnė, *pūčka, *rūra; skrandis (рус.: желудок) — *skrandis*, *kindziukas, *skilvys*, *viduriai*, *dūbliai*, *vėdarai*, *vėderai*; smegenys (рус.: мозг) — *smegenys*, *smagenys*; spenys (рус.: сосок) — *spenys*, *kaka*, *tešmuo*, *tešmuva*; sprandas (рус.: затылок, шея) — *sprandas*, *kartis*, *kaklas*, *sketerius*, *sprandava*, *sprandokaulis*, *ketera*, *ketira*, *sketerius*, *sketerė*, *pakarpa*, *pakarpė*, *pelekas*; stuburas (рус.: позвоночник, позвоночный столб) — *stuburas*, *nugarkaulis*, *nugarokaulis*, *nugurkaulis*, *stuburkaulis*; širdis (рус.: сердце) — *širdis*, *širdė*; šlaunis (рус.: бедро) — *šlaunis*, *kulšis*, *kulšė*, *kumpis*, *šlunkas, *šlunkas*, *šlankas*, *kyvalka*; šonkaulis (рус.: ребро) — *šonkaulis*, *grobas*, *griobas*, *groblas*, *krauklas*, *kriauklas*, *perpinas*, *šonikaulis*, *žiobras*, *virbalas*, *riba, *ribkaulis*, *ziebras, *žėbras — *griaučiai*; šonas (рус.: бок) — *šonas*, *pašonė*; tarpkojis (досл. рус.: промежуток между ногами) — *tarpkojis*, *tarpukojis*, *klynas, *šakumas*, *tarm.*: *dvišakymas*, *dvišakuma*, *dvišakumas*, *šakymas*, *šakuma*, *šaktarpis*, *šakumtarpis*, *tarpkiškis*, *tarpkojis*, *tarprietis*, *tarpšakis*, *tarpukiškis*, *tarpukojis*, *tarpušakis*, *terpukiškis*, *žargtai*, *žirglės*, *žirgtai*, *žirklės*, *žirklos*; tulžis (рус.: желчь) — *tulžis*; ūsas (рус.: ус) — *ūsas*; veidas (рус.: лицо) — *veidas*, *snukis*; virkštelė (рус.: пуповина) — *virkštelė*; žandas (рус.: челюсть) — *žandas*; žarna (рус.: кишка) — *žarna*, *grobas*, *dugnolis*,

akloji žarna, aklinė žarna, tuščioji žarna, viengalinė žarna, viengalis grobas, dvylikapirštė žarna, skinstgrobis, „plonoji žarna“, šikinžarnis, subingrobis, šikingrobis.

Следует отметить, что синонимические ряды стилистического характера образуют преимущественно зоонимы в значении соматизмов. В русском языке к ним относятся: *рука* — *лапа*, *лицо* — *морда*, *рожа*, *рыло*, *харя*, *спина* — *хребет*, *ноготь* — *коготь*. В литовском языке *koja* — *kanopa* (рус.: *нога* — *копыто*), *oda* — *kailis*, *skūra* (рус.: *кожа* — *шкура*), *ranka* — *letena* (рус.: *рука* — *лапа*), *veidas* — *snukis* (рус.: *лицо* — *морда*, *рыло*) и т. д. (за исключением общенной лексики и сексизмов). В связи с совпадением определенных особенностей поведения людей и зверей некоторые соматизмы используются в семантической мотивированности, например, в соматическом фразеологизме (далее СФ): *крутить носом* — «мотивированной движением от чувства брезгливости при неприятном запахе: первоначально, вероятно, связано с наблюдениями за поведением зверей» [2: с. 408–409]. Следовательно, разделять такого рода соотнесенность не имеет смысла, поэтому объектом нашего исследования являются и все эти лексемы.

Так, метафоризированными аналогами физического состояния человека, описываемыми при помощи соматических ощущений (через лингвокультуроцепт «тела»), являются эмоции, которые базируются на лингвокультуроцепте «душа». Тем не менее концептуализация, структурирование объективной реальности происходит преимущественно по схемам и лекалам тела человека, реже животного, еще реже «тела» растения, поскольку понимание так оязыковленных реалий представляется человеку наиболее легким и полным (*нос корабля*, *крыло здания*). В данном направлении исследования нами выделяется фразеополе «внешний мир — через тело человека», которое включает в себя микрополя: голова (*волосы*, *ухо*, *лицо*, *лоб*, *глаз*, *нос*, *усы*, *борода*, *рот*, *зуб*, *язык*); шея (*горло*, *глотка*); туловище (*плечи*, *рука*, *пальцы*, *живот (брюхо)*, *пуп*, *бок*, *спина*); ноги (*нога*, *пятки*, *колени*); внутренние органы (*кишки*, *печень*, *жилы*, *мускулы*). В данном фразеополе человек концептуализирует окружающую действитель-

ность, а также самого себя через тело, а именно — в «соотношении» с органом определенной части (области) тела. Поэтому мы выделяем не только «области» тела, но и соответствующие этой области органы в соотношении «человек – область тела – орган (тела)».

Так, например, область головы «физической» в целом метафоризируется в таких фразеологических единицах, как: «*Думать головой*», «*Голова варит*» и др., в таком понимании голова является органом интеллектуальной деятельности, управляющим человеком. Предполагаемое поле ФЕ, связанных с умом и головой, может быть построено по линии «Ум – полуум – не-ум». Центральной сферой данного поля является микрополе СФ, характеризующих человека как умного: «*Светлая голова*» (лит. соотв. “*Gera galva*” (букв. перевод «Хорошая голова»)); «*У него не голова, а Дом Советов*»; «*О двух головах*»; «*Семи пядей во лбу*»; «*Голова варит*» (лит. соотв. “*Galva dirba*” (букв. перевод «Голова работает»)) и др. Примечательно, что вполне употребительный СФ «*Голова работает*» не отмечен в русских словарях.

Поле соматических фразеологизмов, связанных с человеческим ухом, включает в себя как минимум два микрополя: основное связано со слуховой модальностью человека, т. е. его способностью воспринимать информацию, а также с ухом как физическим органом, способным испытывать боль.

В первое из вышеобозначенных микрополей входят выражения типа: «*Все уши прожужжат/прогудеть*» (лит. соотв. „*Ausis išzytī/ išūžti/ išzurzti/ praūžėti/ praūžti/ prazytī/ užūžti/ užzytī*“ (букв. перевод «Уши прожужжат/прогудеть»)/ „*Ausis prikulti/ prikurkti/ uždaužyti/ užkulti*“ (букв. перевод «Уши прибить»)); «*Ухо режет*»/ «*Резать ухо (слух)*» (лит. соотв. „*Ausys plyšta*“ (букв. перевод «Уши разрываются»)); «*У стен есть уши*» (лит. соотв. „*Sienos turi ausis*“); «*Слушать одним ухом*» (лит. соотв. „*Viena ausimi (klausyti)*“); «*В одно ухо влетело — в другое вылетело*» (лит. соотв. „*Pro vieną ausį įėjo, pro kitą išėjo*“ (букв. перевод «Через одно ухо вошло, через другое вышло»)) и др.

Второе микрополе мотивировано физическим состоянием ушей: они могут испытывать боль, торчать излишне и т. д. В число

СФ, входящих в данное микрополе, включаются такие: «*[Все] уши оборву (кому-л.)*»; «*Тащить/тянуть... за уши (кого-л.)*» (лит. соотв. „*Тempti už ausų*“); «*Притягивать/притянуть за уши*» и т. д.

Поле соматических фразеологизмов с лексемой «глаза» включает в себя два микрополя: 1) микрополе физического восприятия информации посредством зрения; 2) микрополе метафорического понимания лексемы «глаз/глаза».

В состав первого микрополя войдут такие выражения, как: «*Есть глазами*» (лит. соотв. „*Valgyti akimis*“; „*Gerti akimis*“ (букв. перевод «пить глазами»); „*Akimis nužvelgti*“ (букв. перевод «Глазами осмотреть»)); «*Бить по глазам*» (лит. соотв. „*Aki režti*“ (букв. перевод «Глаз резать»), „*I akis kirsti*“ (букв. перевод «В глаза врезать»)); «*Высмотреть все глаза*» (лит. соотв. „*Akus ištyso bežiūrint*“ (букв. перевод «Глаза растянулись»)); «*Глаза лупить*»/«*Вылупить глаза*» (лит. соотв. „*Akis sprogina*“ (букв. перевод «Глаза навывкате»)); „*Akis balinti*“ (букв. перевод «Смотреть сильно открытыми, «белыми» глазами»); «*Гляди глазами*» (лит. соотв. „*Abiem akimis žiūrėti*“ (букв. перевод «Обоими глазами смотреть»)/ „*Akių pasiklausk*“ (букв. перевод «У глаз спроси»)); «*Краем глаза*» (лит. соотв. „*Viena akim*“ (букв. перевод «Одним глазом»)); «*Переводить глазами*» (лит. соотв. „*Akis nukreipti*“); «*Поднимать/поднять глаза*» (лит. соотв. „*Akis mesti (mestelėti)*“ (букв. перевод «Глаза бросить (подбросить»)); «*Сверлить глазами*» (лит. соотв. „*Persmeigti akimis*“ (букв. перевод «Проколоть глазами»)); «*Стрельнуть глазами*» (лит. соотв. „*Aki mesti*“ (букв. перевод «Глаз бросить»)); «*Стоять перед глазами*» (лит. соотв. „*Akyse stovėti*“ (букв. перевод «В глазах стоит»)); «*Бросаться в глаза*» (лит. соотв. „*Kristi į akis*“); «*В глаза не видел*» (лит. соотв. „*Akyse nėra matęs*“); «*Водить глазами*» (лит. соотв. „*Akimis vedžioti*“); «*Впиваться глазами*» (лит. соотв. „*Akimis įsisiurbti*“); «*Встать перед глазами*» (лит. соотв. „*Prieš akis atsistoti*“); «*Глядеть в глаза*»/«*Смотреть в глаза*» (лит. соотв. „*Žiūrėti į akis*“); «*Глядеть чужими глазами*» (лит. соотв. „*Svetimomis akimis žiūrėti*“); «*Смотреть другими глазами*» (лит. соотв. „*Žiūrėti kitomis akimis*“); «*Сгинь с глаз*» (лит. соотв. „*Dink iš akių*“); «*Куда*

глаз достаёт»; «Куда ни кинешь глазом» (лит. соотв. „*Kur tik akys užmato*“); «Куда ни кинь глазом» (лит. соотв. „*Kur tik akį beužmesi*“); «Исчезнуть из глаз» (лит. соотв. „*Dingti iš akių*“); «имеющий глаза, да увидит» и др.

В состав второго микрополя, включающего метафорическое понимание лексемы «глаз/глаза», войдут такие СФ, как: «Пускать пыль в глаза» (лит. соотв. „*Į akis miglą leisti (dūmus rūsti)*“ (букв. перевод «В глаза туман пускать (дым дуть)»)); «С глазу на глаз» (лит. соотв. „*Prie keturių akių*“ (букв. перевод «В присутствии четырех глаз»)); «Глаза в глаза» (лит. соотв. „*Akis į akį*“); «Вскидывать глазами» (лит. соотв. „*Akį mesti*“ (букв. перевод «Глаз бросать»)); «Вырасти в глазах» (лит. соотв. „*Akyse iškilti*“ (букв. перевод «В глазах вырасти/ подняться»)); «Глаза на лоб лезут» (лит. соотв. „*Akys lenda iš kaktos*“ / „*Akis išvertė*“ (букв. перевод «Глаза вывернул»)); «Глаза разбегаются» (лит. соотв. „*Akys verda*“ (букв. перевод «Глаза кипят»)); «Глаза разогрелись» (лит. соотв. „*Akys sužibo*“ (букв. перевод «Глаза засверкали»)); «Глазам больно» (лит. соотв. „*Akys bijo*“ (букв. перевод «Глаза боятся»)); «Потупить глаза» (лит. соотв. „*Akis nuleisti*“ (букв. перевод «Глаза опустить»)); «Строить глазки» (лит. соотв. „*Akimis šaudyti*“ (букв. перевод «Глазами стрелять»)); «Выплакать глаза» (лит. соотв. „*Akis išverkti*“); «Высмотреть глаза» (лит. соотв. „*Akis pražiūrėti*“); «Глаза блестят» (лит. соотв. „*Akys blizga*“); «Глаза бы мои не видели» (лит. соотв. „*Geriau akys mano butų netačiusios*“); «Своими глазами» (лит. соотв. „*Savo akimis*“); «Для отвода глаз» (лит. соотв. „*Dėl akių*“ (букв. перевод «Ради глаз»)); «Дурной глаз» (лит. соотв. „*Pikta akis*“ (букв. перевод «Злой глаз»)); «Замазать глаза» (лит. соотв. „*Akis dumti*“ (букв. перевод «Глаза задымить»)/ „*Akis muilinti*“ (букв. перевод «Глаза намыливать»)); «В глазах потемнело» (лит. соотв. „*Akyse aptemo*“); «Стрелять глазами» (лит. соотв. „*Akimis šaudyti*“); «Хоть глаз выколи» (лит. соотв. „*Nors į akį durk*“ (букв. перевод «Хоть пальцем в глаз коли»); «Мозолить глаза» (лит. соотв. „*Lįsti į akis*“ (букв. перевод «Лезть в глаза»)); «Метаться в глазах» (лит. соотв. „*Į akis kristi*“ (букв. перевод «В глаза падать»));

«На глаз» (лит. соотв. „*Iš akies*“ (букв. перевод «С глаза»)/ „*Aki metus*“ (букв. перевод «Глаз бросить/ глянуть»)); «Не смыкать глаз» (лит. соотв. „*Akių nesudėti*“); «Глаза горят» (лит. соотв. „*Akys dega*“); «Глаза на лоб лезут» (лит. соотв. „*Akys ant kaktos virsta*“ (букв. перевод «Глаза на лоб выкатываются»)); «Глаз набум» (лит. соотв. „*Igdusi akis*“ (букв. перевод «Опытный глаз»)/ „*Išmiklinta akis*“ (букв. перевод «Тренированный глаз»)); «Глаза открываются» (лит. соотв. „*Akys atsiveria*“); «Глаза проглядеть, просмотреть» (лит. соотв. „*Akis pražiūrėti*“); «Глаза слипаются» (лит. соотв. „*Akys limpa*“); «Искры из глаз посыпались» (лит. соотв. „*Kibirkštis iš akių pasipylė*“); «Колоть глаза» (лит. соотв. „*Vadyti akis*“); «Куда глаза глядят» (лит. соотв. „*Kur akis mato*“); «Ласкать глаз» (лит. соотв. „*Aki glosto*“); «Большими глазами» (лит. соотв. „*Išverstomis akimis*“ (букв. перевод «Вывернутыми глазами»)); «Делать большие глаза» (лит. соотв. „*Akis išsprogdinti*“ (букв. перевод «Глаза навывкате»)); «В глазах замутилось» (лит. соотв. „*Akyse pažaliavo*“ (букв. перевод «В глазах позеленело»)); «В глазах рябум» (лит. соотв. „*Akyse tavaruoja (raibsta)*“); «В глазах темнеет» (лит. соотв. „*Akyse aptemo*“); «Протереть глаза» (лит. соотв. «*Akis prasikrapštyti/ prasiirinti*»/ „*Akis atverti*“ (букв. перевод «Глаза открыть»)); «Прятать глаза» (лит. соотв. „*Akis sukti į šalį*“/ „*Neturėti kur akių dėti*“ (букв. перевод «Не иметь куда глаза девать»)); «Пуце глаза» (лит. соотв. „*Kaip savo akį*“ (букв. перевод «Как свой глаз»)); «Радовать глаза» (лит. соотв. „*Akis džiūginti*“; „*Akis raganyti*“ (букв. перевод «Глаза попасти»)); «Разуй глаза» (лит. соотв. „*Akis atsikrapštyk*“ (букв. перевод «Глаза расковыряй»)); «Растерять глаза» (лит. соотв. „*Akys rāmeti*“); «С глаз долой» (лит. соотв. „*Iš akių*“); «С пьяных глаз» (лит. соотв. „*Akis užsipylęs*“ (букв. перевод «Глаза залитые»)); «У семи нянек дитя без глазу» (лит. соотв. „*Tarp trijų auklių vaikas be galvos*“ (букв. перевод «Между трех нянек ребенок без головы»)); «Ускользать/ускользнуть от глаз (сгинь с глаз» (лит. соотв. „*Dingti iš akių (išnykti)*“ (букв. перевод «Исчезнуть с глаз»)); «Хлопать глазами» (лит. соотв. „*Akis vartyti*“ (букв. перевод «Глазами воротить»)); «Щупать глазами» (лит. соотв. „*Vedžioti akimis*“

(букв. перевод «Водить глазами»)); «Закрывать глаза навеки» (лит. соотв. „Akis užmerkti amžiams (amžinai)“); «Не верить своим глазам» (лит. соотв. „Savo akimis ne[pa]tikėti“); «Не отрывать глаз» (лит. соотв. „Neatitraukti akių, akių nenuplėšti“); «Не показывать глаз» (лит. соотв. „Akių nerodyti“); «Одним глазом» (лит. соотв. „Viena akimi“); «Открыть глаза» — (лит. соотв. „Atverti akis“); «Перед глазами» — (лит. соотв. „Prieš akis“); «Плюнуть в глаза» (лит. соотв. „Spjauti į akis“); «Провожать/проводить глазами» (лит. соотв. „Akimis lydėti“); «Продирать (протира́ть)/продрать глаза» (лит. соотв. „Akis praplėšti (prakrapštyti, pratrinti)“); «Ради прекрасных глаз» (лит. соотв. „Už gražias akis“ (букв. перевод «За красивые глаза»)); «Ни в одном глазу»; «Ему хоть плюй в глаза — все Божья роса» и нек. др.

Фразеологическое поле, включающее в качестве доминанты соматизм «нос», также может быть структурировано по принципу функции местоположения носа на лице человека и ее метафорического преобразования. Основное микрополе образуют СФ со значением расположения носа, а также частично с его обонятельной функцией. К таковым относятся СФ типа: «Бросаться [ударять] в нос»; «Себе под нос»; «Совать... под нос»; «Сыт, пьян и нос в табаке» (кто-л.); «Сытый, пьяный и нос в табаке»; «Сопли в три ручья; Течет из носа в три рубля»; «В нос» (лит. соотв. „Į nosį“); «С гилькин нос»; «Короче воробыного носа».

Второе микрополе СФ с метафоризированным представлением о носе включают в себя значительно большее количество выражений: «[И] носу/носа не казать... / показывать...»; «Водить за нос»; Заруби себе/ у себя на носу»; «На носу»; «Вешать нос <на квинту>»; «Воротить нос»/ «Крутить носом»; «Высушить нос»; «Держать нос по ветру»; «Задирать нос»; «Натянуть нос»; «Нос не дорос»; «Тыкать в нос»; «Совать нос»; «Утереть нос»; «Уткнуть нос»; «Из-под самого носа»; «Комар носа не подточит»; «Не видеть дальше своего носа»; «С носом оставить»; «И носом не ведет»; «Клевать носом»; «Носом к носу»; «Под самым носом»; «Висеть на носу»; «Ковырять в носу»; «Кровь из носу»; «Насандалить нос».

Язык является основным органом в коммуникации человека, поэтому центральным микрополем СФ такого типа является система высказываний, передающих семантику говорения. К числу таких СФ относятся следующие: «*Язык без костей*»; «*Держать язык за зубами*»; «*Чесать языки; чесать языком*» (лит. соотв. „*Prūda išlakti liežuvii*” (букв. перевод «Пруд вылакать языком»)); «*Языком молот/молотить*»; «*Языком трепать/болтать*»; «*Боек на язык*»; «*Приходить на язык*»; «*Просится на язык*»; «*Попадать на язык*»; «*Развязывать язык*»; «*Распускать язык*»; «*Слаб на язык*»; «*Черт дернул за язык*»; «*Язык заплетается*»; «*Язык плохо подвешен*»; «*Язык развязывается*»; «*Язык ломаешь*»; «*Язык хорошо подвешен*»; «*Язык чешется*»; «*Не сходить с языка*»; «*Давать волю языку*»; «*Чесать язык*»; «*Русским языком говорить*».

Ко второму микрополю, связанному с молчанием, отказом от говорения или с его запретом, относятся СФ типа: «*Держать язык на привязи*»; «*Держать язык за зубами*»; «*Придержаться язык*»; «*Прикусить язык*»; «*Проглотить язык*»; «*Связывать язык*»; «*Отсохни у меня язык*»; «*Тупун тебе на язык*»; «*Язык отнялся*»; «*Язык прилип к гортани*»; «*Язык проглотил*»; «*Без языка*»; «*Вертится на языке*»; «*Тянуть за язык*»; «*Укоротить язык*»; «*Язык не поворачивается*»; «*Наступать на язык*».

Третье микрополе, включающее в себя соматизм «язык», образуют немногочисленные СФ со значением характеристики, качества человека, любящего (или не любящего) поговорить, включая остроумные речи: «*Длинный язык*»; «*Злые языки*» (лит. соотв. „*Gyvate gela skaudžiai, pikto žmogaus liežūvis dar skaudžiau*” (букв. перевод «Змея жалит больно, язык злого человека еще больнее»)); «*Язык хорошо подвешен*»; «*Остер на язык*»; «*Острый язык*».

В силу малочисленности не образуют микрополе такие фразеологические уникалии, как: «*Эзопов язык*»; «*Высунув язык*» и «*Как за язык повешен*»; «*Находить общий язык*» vs. «*говорить на разных языках*» — и совсем в особом значении «*Как корова языком слизала*».

Из проведенного анализа следует, что почти все соматические фразеологизмы, включающие в себя определенный орган тела, ха-

рактируются переносным значением данного соматизма (метонимическим или метафорическим), реже — прямым значением. Более того, как верно отмечает В.Н. Телия, «язык окрашивает через систему своих значений и их ассоциаций концептуальную модель мира в национально-культурные цвета. Он придает ей и собственно человеческую — антропоцентрическую интерпретацию, в которой существенную роль играет и антропометричность, т. е. соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия «масштабами» мира, его образами, эталонами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно определенных стереотипов» [7: с. 135]. К тому же соотношение тела с культурой, его роль в познавательной деятельности вызывает особый интерес к языковой фиксации испытаний человеческого тела. «Тело наше, — пишет Бергсон, — является только частью непрестанно возрождающегося нашего воображения, частью, всегда присущей или, вернее, проходящей в каждой минуте» [8: с. 9]. Более того, именно фразеология (идиоматика) образует своеобразный идиоэтнический пласт понимания (интерпретации) другой (чужой) культуры. Эти знания или же представления, получаемые через понимание фразеологии (идиоматики), придают культуре каждого народа самобытность, благодаря чему становится возможным отличить одну культуру от другой.

Литература

1. *Баранов А.Н.* Объяснительный словарь русской фразеологии / А.Н. Баранов, Д.О. Добровольский. — М.: Эксмо-пресс, 2009. — 629 с.
2. *Бирих А.К.* Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова. — СПб.: СПбГУ, 1998. — 324 с.
3. *Горды М.* Человеческое тело: окультуренная телесность во фразеологии современного русского и польского языков / М. Горды // Слово. Фраза. Текст. — М.: Языки славянской культуры, 2002. — 411 с.
4. *Зимин В.И.* Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь / В.И. Зимин, А.С. Спирин. — 3-е изд., стереотип. — Ростов н/Д: Феникс; М.: Цитадель-трейд, 2006. — 544 с.

5. *Молотков А.И.* Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. – М.: Русский язык, 1986. – 543 с.
6. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
7. *Телия В.Н.* Русская фразеология: семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты / В.Н. Телия. – М.: Наука, 1996. – 284 с.
8. *Bakke M.* Ciało otwarte: filozoficzne reinterpretacje kulturowych wizji cielesności / M. Bakke. – Poznań, 2000. – 182 s.
9. *Paluch A.* Etnologiczny atlas ciała ludzkiego i chorób / A. Paluch. – Wrocław, 1995. – 184 s.
10. *Lipskienė J.* Lietuvių kalbos somatiniai posakiai / J. Lipskienė. – V., 1979. – 355 psl.
11. *Paulauskas J.* (atsak. red.) Frazeologijos žodynas. – 1- asis leid. – Vilnius: Lietuvių kalbos institutas, 2001. – XVIII. – 886 psl.
12. URL: <http://www.lkzd.lki.lt/Zodynas/Visas.asp>.

I. Ruseckaya

Human Body in Language: A Conceptualization of Somatic Units (on a Material of Russian and Lithuanian Languages)

The article looks into conceptualization of our world through the “linguaculturocept” body and into special features of somatic vocabulary in the Russian and Lithuanian languages.

The article analyses somatic phraseological units with components “head”, “ear”, “eye”, “nose”, “mouth” and “tongue” in the Russian language and their equivalents in the Lithuanian language.

Key words: somatic vocabulary; conceptualization; body; phraseological field; metonymical meaning; metaphorical meaning; the Russian and Lithuanian languages.

ГРАММАТИКА

М.В. Беляева

ВЫСКАЗЫВАНИЯ ОТКРЫТОЙ И ЗАКРЫТОЙ СТРУКТУРЫ В УСТНОМ ДИСКУРСЕ (на материале немецкого и русского языков)

Статья посвящена открытой и закрытой структуре в синтаксическом оформлении устного дискурса на материале немецкого и русского языков.

Ключевые слова: открытая и закрытая структура; устный дискурс; синтаксическое оформление.

Говоря о синтаксисе устного дискурса, мы имеем в виду прежде всего синтаксическую организацию высказываний с позиций паратаксиса и гипотаксиса. Уже давно отмечено, что устная разговорная речь, являясь одной из форм устного дискурса, характеризуется линейным (поступательным) построением высказываний, что приводит к преобладанию построений, развертывающихся «вширь», а не «вглубь», т. е. увеличивается удельный вес паратаксиса по сравнению с гипотаксисом. Высказывания формируются при этом циклами (речевыми сегментами), подобно тому, как бусины нанизываются на нить. Тем самым обеспечивается относительная автономность компонентов высказывания, их подвижность внутри сложного целого, возможность включения дополнительной, ассоциативно возникающей информации. Такое синтаксическое взаимодействие характерно для русской разговорной речи, что отмечается многими известными исследователями (Е.А. Земская, О.А. Лаптева, О.Б. Сиротина и др.). Приведем примеры:

(1) *В переднюю нужен коврик / ноги вытирать* // (в переднюю нужен коврик, чтобы вытирать ноги).

(2) *Я устала / еле ноги волочу* // (Я так устала, что еле ноги волочу) [2].

Нечто подобное отмечается и в немецком устном дискурсе. В.Г. Адмони, например, заметил, что разветвленные струк-

туры гипотаксиса в речи преобразуются в более линейные схемы [1: с. 37], а немецкий лингвист К. Баумгертнер сформулировал эту особенность немецкого разговорного синтаксиса следующим образом: «Wo die Schriftsprache unterordnet, ordnet die Umgangssprache nebeneinander» — «Там, где письменный язык использует подчинение, разговорный язык использует сочинение» (перевод наш. — М.Б.) [3: S. 85], например:

(3) *Ja, die Sportmöglichkeiten sind dort sehr gut, ,s heißt für die Fortgeschrittenen, für Anfänger würde ich das nicht so empfehlen, höchstens an niedrigen Bergen, flachen Hängen.*

(4) *Es kann aber auch abgegeben werden von einem Spieler zum andern, ,s aller-- allerdings nicht notwendig, aber besser ist es, da können die an-- anderen, also die gegnerischen Spieler nicht so gut angreifen [10].*

Паратаксис является более распространенным типом связи в синтаксисе немецкоязычного устного дискурса не только в силу вариативности сочинительной и подчинительной связи, когда осуществляется выбор между осмыслением событий как одноранговых или разноранговых, но и при употреблении подчинительных конструкций. Имеется в виду, что в немецком устном дискурсе наблюдается увеличение доли сочинительных связей за счет полипредикативных высказываний, в которых наступает несоответствие между смысловым и линейным аспектами. Было замечено, что типичные для подчинения сложные смысловые отношения могут передаваться структурами с сочинительным объединением компонентов, при этом подчиненные по смыслу компоненты необязательно должны иметь структурно-формальный признак подчиненности в виде положения финитного глагола в конце предложения [6: S. 19]. Таким образом, возникают построения, которые, по сути, не могут называться ни сложносочиненными, ни сложноподчиненными.

Представляется, что правильное говорить в данном контексте о полипредикативных высказываниях открытой и закрытой структуры (подобные структуры хорошо известны в русском языке). При этом ясно, что сложносочиненное предложение соотносимо с высказыванием открытой структуры, а сложноподчиненное —

с высказыванием закрытой структуры. Полипредикативные высказывания открытой структуры характерны как для русского, так и немецкого устного дискурса. Это синтаксические построения, компоненты которых находятся в одинаковых логико-синтаксических отношениях, причем этот ряд может быть продолжен, но он и легко распадается, поскольку его компоненты связаны между собой лишь внешними по отношению к самим структурам факторами. Конструкции открытой структуры характеризуются синтаксическим параллелизмом, структурно-семантической независимостью компонентов друг от друга.

В русскоязычном устном дискурсе к открытым структурам можно отнести построения типа:

(5) *Ну я с вечера пришел на ток на подслух / послушал значит / слышу вроде бы там сел / вроде бы там сел / но а сидишь уже сразу / в ушах-то звенит / во-от / и потом еще главное сел / вроде подслух / все / сижу / и вдруг ну вот буквально вот знаешь вот такое вот ощущение / вот ну / кто-то есть что-то* [2].

Открытой структурой характеризуются немецкие полипредикативные высказывания с союзами **und**, **und dann**, а также бессоюзные полипредикативные высказывания, например:

(6) *Und dieser Großvater hatte eine goldene Uhr mit einem Springdeckel **und dann** nahm er mich auf den Schoss **und** wurd **dann** drauf gedrückt **und dann** sprang die Uhr auf **und** wieder zu **und** wieder auf...* [8: S. 10].

Данные примеры наглядно иллюстрируют возможности открытой структуры. Предикативные единицы в их составе как бы нанизываются одна на другую (принцип сегментного построения, типичный для разговорных конструкций). Подобные цепочки легко могут быть продолжены, отсюда и название — построения открытой структуры.

Поскольку процесс квантования устной речи носит субъективный характер, высказывания открытой структуры, соотносимые со сложносочиненным предложением, в устной речи часто трудно отграничить от высказываний открытой структуры, соотносимых со сверхфразовым единством, так как их основные

признаки совпадают. Видимо, можно отказаться от подобной дифференциации в устном дискурсе и различать высказывания либо открытой, либо закрытой структуры.

Полипредикативным высказываниям закрытой структуры присущ иной тип объединения компонентов, чем полипредикативным высказываниям открытой структуры. Полипредикативные высказывания закрытой структуры — это такие синтаксические построения, в которых отчетливо выделяются две или несколько внутренних групп, находящихся в различных логико-синтаксических отношениях, причем признак закрытости структуры не нарушается, если один из взаимодействующих компонентов расширяется за счет дополнительных речевых сегментов.

Закрытость структуры при этом обеспечивается рядом средств, ведущим из которых является одно- или двунаправленная смысловая зависимость. Она может эксплицироваться союзами и относительными словами, незамещенной валентной позицией или не эксплицироваться вовсе, оставаясь латентной. Однако в таких полипредикативных высказываниях всегда есть структурно или семантически главные и зависимые компоненты. Приведем фрагменты устного дискурса в русском и немецком языках:

(7) *Быстро до метро добежали / вымокли все-таки // (Хотя быстро до метро добежали, но вымокли все-таки; Быстро до метро добежали, но вымокли все-таки).*

(8) *Зайду в аптеку / аспирин мне нужен (Зайду в аптеку, потому что аспирин нужен). Вот такую мне шубу хочется / женщина прошла (Вот такую мне шубу хочется, в которой женщина прошла) [2].*

(9) *Es war in der alten Zeit ein sehr gastfreies Haus und wenn die Gäste etwas zu lange blieben, kam er am Abend um zehn Uhr mit einer Laterne herunter [8: S. 33].*

Данные высказывания распадаются на две смысловые части: одна выступает в качестве основного смыслового компонента, а другая помогает раскрыть какие-то дополнительные нюансы номинируемой ситуации с помощью конкретизации, разъяснения и т. д. Так, в примере (7) семантически главным компонентом можно считать вторую часть: *вымокли все-таки*, а первая часть

содержит дополнительную информацию, поясняющую, несмотря на что произошло данное событие. В примере (8) главным семантическим компонентом является первая часть: *zайду в аптеку*, а вторая — разъясняет причину действия, описанного в первой части высказывания.

В примере (9) главным семантическим компонентом является первая часть: *es war in der alten Zeit ein sehr gastfreues Haus*; далее следует разъяснение, почему дом был гостеприимным, и структурно эта часть соединена с последующей частью высказывания сочинительным союзом *und*, во второй части присутствует отношение подчинения между последующими сегментами: *wenn* (подчинительный союз) *die Gäste etwas zu lange blieben, kam er am Abend um zehn Uhr mit einer Laterne herunter*. Так осуществляется тесная структурно-семантическая спаянность всех компонентов высказывания, опирающаяся на однонаправленную смысловую зависимость одного компонента от другого.

В немецком устном дискурсе при логико-семантической зависимости одного компонента полипредикативного высказывания от другого отношения подчинения, передаваемые союзами, относительными союзными словами или местоимениями, могут не поддерживаться соответствующим порядком слов в зависимой предикативной единице. Происходит ослабление строгой синтаксической связи, которая осуществляется дублирующими друг друга синтаксическими средствами.

Порядок слов — одно из основных средств проявления в немецком синтаксисе структурной синсемантии, т. е. несамостоятельности предикативной единицы в составе полипредикативного высказывания. Поскольку в устной речи высказывания порождаются путем присоединения к уже произнесенному фрагменту новых речевых сегментов, важным является, каким образом осуществляется это присоединение и какова синтаксическая форма присоединяемого компонента.

Порядок слов в последующей предикативной единице, будь это подчиненная или расположенная постпозитивно к зависимой единице главная предикативная единица, соответствует порядку

слов автосемантического (независимого) предложения. В результате ослабления и разрыхления структурно-синтаксической спаянности компоненты полипредикативного высказывания объединены сочинительной (паратаксической) связью, т. е. расположены в ряду как синтаксически одноранговые конститuentы без формального выражения синтаксической зависимости одного от другого, проявляющейся прежде всего в определенном порядке слов.

Тенденция к паратаксическому объединению компонентов наблюдается в полипредикативных высказываниях закрытой структуры с причинно-следственными, временными, условными и идентифицирующими отношениями, однако употребительность таких синтаксических структур в немецкоязычной речи различна. Обратимся к примерам:

(10) *Und das is überhaupt kein Argument, weil das is auch wieder 'ne reine Ausflucht* [5: S. 35].

Полипредикативное высказывание (10) состоит из двух предикативных единиц, о зависимом характере второй предикативной единицы свидетельствует подчинительный союз **weil**, вводящий обычно придаточное предложение и обуславливающий его структурную синсемантию. Здесь же грамматическое значение подчинения передается только с помощью одного союза.

(11) *Wenn wir unser Auskommen haben, unsere Familie ist versorgt* [5: S. 154]

(12) *Und als ich mein erstes Tor geschossen hab, ich hatte damals im Sturm gespielt* [5: S. 65].

В данных полипредикативных высказываниях: в первом случае (11) — с условным придаточным (союз **wenn**), во втором (12) — с придаточным времени (союз **als**) — зависимая предикативная единица занимает препозитивное положение по отношению к главной предикативной единице: подчинительный союз содержится в первой предикативной единице, при этом она имеет порядок слов структурно синсемантического предложения. Главная предикативная единица по правилам грамматики должна быть также синсемантической по своей структуре, но в устной речи побеждает принцип поэтапного осмысления высказывания, принцип «нанизывания» сегментов

речи, вследствие чего структура высказывания формируется на одной синтаксической линии.

(13) *In der Therapiegruppe ist eine, mit **der** verstehe ich mich großartig, **die** lebt in Scheidung und hat einen Sohn* [9: S. 62].

В отличие от относительных предложений, главная часть которых может быть синсемантической или потенциально автосемантической, а зависимая часть с относительными местоимениями *der, die, das* — всегда структурно синсемантична, в разговорных полипредикативных высказываниях (13) при тех же характеристиках главной части зависимая часть потенциально автосемантична, т. е. имеет структурно независимый характер.

В устном дискурсе в немецком языке, как следует из приведенных примеров, на задний план может уходить отчетливое разграничение между гипотаксисом и паратаксисом, что представляется нам одним из существенных признаков синтаксиса устного общения в целом.

Более последовательно, пожалуй, данная тенденция прослеживается в употреблении полипредикативных высказываний с относительными местоимениями, поскольку синтаксические скрепы — относительные местоимения или наречия — могут в речи употребляться и как самостоятельные компоненты в автосемантических структурах, тем самым способствуя установлению одноранговых отношений и в сложных высказываниях, например:

(14) *...dann hat er einen ganzen Schwarm Lehrlingen mit — Lehrlinge — /alle im weißen Kittel / **die** lass man laufen, mir Rundstücke zu besorgen!* [7: S. 25].

Если в русском языке порядок слов не имеет значения грамматического маркера и поэтому не является существенным грамматическим признаком в структурировании различных типов высказываний, то в немецком языке именно порядок слов является одним из существенных маркеров паратаксиса и гипотаксиса. По этому признаку можно классифицировать полипредикативные высказывания устного дискурса.

Наряду с паратаксисом в чистом виде обнаруживаются, как уже было отмечено, конструкции, по сути выражающие подчинительные

смысловые связи, но построенные по принципу паратаксиса. Встречаются также и полипредикативные высказывания, занимающие, по нашему представлению, промежуточное положение между полипредикативными высказываниями с сочинительной связью и полипредикативными высказываниями с подчинительной связью их компонентов. К таким построениям мы относим полипредикативные высказывания, эксплицитно выражающие подчинительные отношения между своими частями, но реализующие при этом тенденцию к разрыхлению структуры (выделены жирным части высказывания, ведущие к разрыхлению структуры):

(15) *Und so hab ich erreicht, dass ich eine Etage bekam **mit 5 Zimmern drin*** [5: S. 52];

(16) *...und hab gesagt, nun lasst mich jetzt mal etwas, dass ich mal schlafen kann **während der Proben*** [10].

При этом говорящий рематизирует вынесенный за рамку компонент высказывания, выделяя его как коммуникативно наиболее значимый. Разрыхление структуры такого типа можно обозначить как **правостороннее перестроение структуры** (по аналогии с левосторонним перестроением, под которым понимается вынос в препозицию тематического элемента [4]), характерное для устной речи, смысл которого заключается также и в том, чтобы уменьшить объем речевых сегментов, участвующих в построении высказывания.

Наблюдение над употреблением в речи полипредикативных высказываний позволяет определить правостороннее перестроение структуры как тенденцию к компрессии рамки. Выстраивается синтаксический алгоритм, по которому возможен выбор: либо возникает структура с полной рамочной конструкцией в зависимой предикативной единице, либо структура с компрессией рамочной конструкции, разрыхлением синтаксической конструкции высказывания. В большинстве случаев употреблений предпочтение будет отдано второй конструкции, так как компрессия рамки позволяет уменьшить объем речевых сегментов, что, в свою очередь, облегчает (упрощает) умственные затраты на построение высказывания, т. е. приводит в итоге к экономии умственных усилий говорящего.

Литература

1. Адмони В.Г. Пути развития грамматического строя в немецком языке / В.Г. Адмони. – М.: Высшая школа, 1973. – 175 с.
2. Виноградов С.П. Культура русской речи / С.П. Виноградов, О.В. Платонова. – 1999. – URL: <http://www.i-u.ru/biblio/archive/graudina>
3. Baumgärtner K. Zur Methode umgangssprachlicher Syntax / K. Baumgärtner // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur. – Halle (Saale), 1957. – Bd. 79. – H. 2. – S. 77–87.
4. Erben J. Deutsche Syntax. Eine Einführung / J. Erben. – Bern [Frankfurt/Main, New York]: Peter Lang Ver., 1984. – 128 S.
5. Runge E. Bottroper Protokolle / E. Runge. – Frankfurt/Main: Suhrkamp Verl., 1975. – 593 S.
6. Schulz G. Bottroper Protokolle. Parataxe und Hypotaxe / G. Schulz // Linguistische Reihe. – München, 1973. – Bd. 17. – 94 S.
7. Sperlbaum M. Proben deutscher Umgangssprache / M. Sperlbaum. – Tübingen: Max Niemeyer Verl., 1975. – S. 23–89.
8. Wackernagel-Jollis B. Untersuchungen zur gesprochenen deutschen Standardsprache: Beobachtungen Verknüpfung spontanen Sprechens / B. Wackernagel-Jollis. – Göppingen: Kümmerle, 1971. – 267 S.
9. Wander M. Guten Morgen, du Schöne. Protokolle nach Tonband / M. Wander. – Berlin: Der Morgen, 1980. – 264 S.
10. Das Archiv für gesprochenes Deutsch (AGD). – URL: ids-mannheim.de

M.V. Belyaeva

**Statements of Open and Closed Structures in Oral Discourse
(on the Basis of German and Russian Language)**

The paper deals with complex statements of open and closed structure and their functioning in the oral discourse. The article describes the features of these constructions mainly in the German oral discourse.

Key words: complex statement; open and closed structure; oral discourse.

НАИБОЛЕЕ ХАРАКТЕРНЫЕ СЛУЧАИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ОТГЛАГОЛЬНЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В ПРОФЕССИОНАЛЬНОМ ТЕКСТЕ НА РУССКОМ И ЛИТОВСКОМ ЯЗЫКАХ

В статье рассматриваются тенденции употребления отглагольных существительных в профессиональной речи. Опираясь на описательный метод, а также на сравнительный анализ употребления отглагольных существительных в литовском и русском языках, автором подчеркивается распространённость и важная роль отглагольных существительных в техническом языке. Выявляются закономерности функционирования отглагольных существительных и их соответствие меняющимся потребностям технического языка. В статье анализируются несколько характерных случаев употребления отглагольных существительных, а также возможности их перевода на литовский язык.

Ключевые слова: отглагольные существительные; профессиональная речь; научно-технический стиль.

Существует немало лингвистических исследований, связанных с отглагольными существительными, поскольку данные словообразования, сохраняя отдельные семантические характеристики производных слов, находятся в своеобразной «синкретической зоне» существительного и прилагательного, т. е. лексическое значение отглагольных существительных включает как значение глаголов действия или состояния, от которых они образованы, так и значение существительного. Большое внимание в специальной литературе уделяется функционированию производных существительных научно-технического стиля профессиональной речи, определяемому номинативностью, стремлением необходимую информацию передать более простыми формами синтаксической конструкции.

Актуальность исследуемой проблемы предопределена необходимостью более глубокого изучения лексико-грамматических особенностей научно-технического стиля. Целью данной статьи является рассмотрение отглагольных существительных русского

языка и их соответствий при переводе на литовский язык в профессиональном тексте.

Задачи исследования:

- определить словообразовательное значение отглагольных существительных;
- отобрать наиболее характерные для русского профессионального текста отглагольные существительные и их соответствия в литовском тексте;
- рассмотреть особенности перевода русских отглагольных существительных на литовский язык в профессиональном тексте.

Объект исследования: отглагольные существительные профессионального текста (в области механики).

Методы исследования: описательный, сравнительный, а также количественный анализ.

Функционально-стилистические особенности научно-технического текста

Особенности функциональных стилей определяются лингвостилистическими факторами и стилистическими элементами, которые в определённом контексте приобретают стилистическое значение и участвуют в создании стилистического колорита контекста, текста. Исследователями подчёркивается, что в каждом из основных стилей существуют характерные для данного стиля принципы отбора элементов и их взаимодействия [6: с. 168]. Для научно-технического стиля характерны особенности, определённые логикой научного изложения мысли и строгой логикой повествования. По словам Ю.А. Бельчикова, предназначение научно-технического стиля состоит в передаче точной, объективной научной информации, концепций, теорий, различных явлений, изложение материала в научных и научно-популярных целях, а также в передаче научно-технической информации [2: с. 35]. Стиль научно-технических текстов характеризуется ясностью, точностью и лаконизмом изложения мысли, чему служит использование точной и однозначной терминологии.

Наиболее характерной чертой языка данного стиля является логичность изложения. Этим качеством должно обладать любое

сложное высказывание. Однако для научно-технического текста характерна подчёркнутая, строгая логичность. Все его части тесно связаны по смыслу, выводы вытекают из фактов, изложенных в тексте.

Другим типичным признаком научно-технического стиля можно считать точность. Смысловая точность достигается тщательным подбором слов, использованием слов в их прямом значении, употреблением терминов и специальной лексики.

Ещё одна характерная черта научно-технического стиля — объективность. В текстах научно-технического стиля излагаются теории, факты, описываются различные явления, эксперименты и их результаты. Всё это требует количественных и качественных характеристик. Таким образом, объективность научного стиля обуславливает отказ от использования языковых средств, несущих эмоциональные оттенки: не используются междометия, частицы, передающие чувства и переживания, эмоционально окрашенная лексика и экспрессивные модели предложения; приоритет отдаётся нейтральному порядку слов [11: с. 146].

Необходимо упомянуть и другие характерные особенности данного стиля: определённая, однозначность, диалогичность, абстрактность и др.

Функционально-стилистическое разделение (стратификация) языка обычно воспринимается через лексику и синтаксис; морфология не представляется лингвистам стилеобразующим уровнем языка [9: с. 59].

Научно-технический стиль включает информационную плоскость функционирования научно-технических текстов, в которой преобладают различные научно-технические языковые жанры. Научно-технический стиль предназначен не индивидуализированному адресату, а широкой аудитории [3: с. 57]. Для научно-технического текста характерны следующие особенности: синтаксическая законченность предложения, множество аналитических конструкций, частое использование клише. На лексическом уровне для научно-технического стиля характерно использование терминов всех типов, отличительными признаками которых яв-

ляется однозначность, точность, экономичность, стилистическая нейтральность.

В терминологии выделяются две неравные части: специальная терминология и научно-популярная терминология. В научно-техническом стиле можно выделить следующие группы терминов:

- простые термины — существительные;
- сокращённые термины;
- сложные термины;
- составные (многокомпонентные) термины;
- термины-глаголы;
- термины-прилагательные.

В научно-технической литературе вышеуказанные термины распространены благодаря большому количеству существительных с абстрактным значением, требующих более точного определения с помощью прилагательных и причастий, позволяющих передать более точную информацию.

Поскольку исследуемым объектом являются отглагольные существительные, необходимо более глубоко проанализировать само понятие существительного глагольного происхождения. В.В. Виноградов отмечает, что грамматические отношения между именем существительным и глаголом наиболее удачно отражены формулой А.А. Потебни: «В русском языке, как и в других сродных, по направлению к нашему времени увеличивается противоположность имени и глагола» [5: с. 56]. Следует обратить внимание на то, что формула А.А. Потебни действительна для всех именных частей речи, однако наиболее продуктивными и многочисленными среди них являются имена существительные и прилагательные. Ярче всего антитеза глаголу выражена в имени существительном [5: с. 56]. В отличие от глагола у существительных приставки, если они не подчёркнуты соотносительными с ними суффиксами (например, в словах *заречье*, *приморье*), часто тяготеют к слиянию с основой (например, *огород*, *прибыль*, *убыток*).

Обычно в отглагольных существительных, не имеющих суффиксов со значением действия *-вани(е)*, *-ани(е)*, *-ени(е)* и даже *-к (а)*, приставка ассимилируется корнем и теряет свою мор-

фологическую индивидуальность: например, *сомкнуть* – *смыкать* – *смычка*.

Существительные оказывают влияние на синтаксический строй научно-технического языка, обуславливают явные изменения во всей синтаксической структуре; глагол в этом отношении не столь распространён, как имя существительное. Существительное (чаще — отглагольное), являясь структурно-семантическим центром номинативной конструкции, не обладает категориями залога, лица, времени, наклонения, поэтому конструкции с данными существительными более обобщённо выражают действие, процесс [4: с. 63].

Следует отметить, что в научно-технических текстах очень распространены отглагольные существительные, выполняющие функцию термина: *ощущение, представление, управление* и др. Отглагольные существительные распространены в резюме научных работ, так как их грамматические и стилистические особенности позволяют использовать отглагольные существительные в различных контекстах. Однако слишком частое использование слов данной лексической группы для поддержания динамичности, живости как литовского, так и русского языка делают текст некорректным в стилистическом отношении [10: с. 286]. Необоснованное использование отглагольных существительных вызывает смешение значений падежей, кроме того, значение конструкций с отглагольными существительными, не обладающими категориями времени, залога, лица, часто носит неопределённый характер [10: с. 286].

В качестве иллюстрации сформулированных выше положений проанализируем два предложения научно-технического текста:

1. *Сборка изделия или его составных частей, имеющих соединения, у которых допуск на определенный размер меньше допуска, установленного в принятой системе допусков и посадок.*

2. *Продавливание низкочастотных гармоник в центре профиля путем фильтрования для внедрения коротковолновой части профиля, которая при измерении может рассматриваться как шероховатость.*

В первом предложении десять существительных (из них шесть отглагольных), пять прилагательных, два причастия.

Во втором предложении из десяти существительных — четыре отглагольных, два прилагательных и два глагола. Данные примеры подтверждают номинативный характер научно-технического языка, на который оказывают влияние широко распространённые отглагольные существительные.

В.П. Даниленко считает, что для терминологической и терминологизированной лексики, в которой используются словообразовательные суффиксы и другие аффиксы, характерны следующие особенности:

- использование суффиксов, продуктивных в общелитературной речи;
- формирование фонда словообразовательных средств терминологических слов.

К первой группе относятся суффиксы, наиболее характерные для образования слов общелитературной и профессиональной речи: *-ни(е)*, *-к(а)*, *-ость*, *-изна*, *-ство*, *-ец*, *-ник*, *-щик*, *-тель* и др. (например, *выдавливание*, *озерность*, *горение*). Ко второй группе относятся слова, образованные с помощью суффиксов *-фикация*, *-ор*, *-аж*, *-изм*, *-ия*, *-изация* и др. (например, *электрификация*, *азотизация*, *кристаллизация*) [8: с. 111].

В научной литературе суффиксация, или способ словообразования с помощью суффиксов, является продуктивным и характеризуется как способ слово- или формообразования, когда «новое слово образуется с помощью присоединения суффикса к корню» (например, *глубокий* + *-ин* + *-а* — *глубина*, *вязкий* + *-ость* — *вязкость*) [12: с. 206].

Суффикс как основная единица суффиксации может быть определён с различных сторон. Наиболее точно суффикс определяется следующим образом:

- как служебная морфема, находящаяся после корня и определяющая словообразовательное и (или) грамматическое значение;
- как аффикс, находящийся перед окончанием и выполняющий функцию образования новых слов и (или) их грамматических форм.

С точки зрения происхождения, А.Н. Тихоновым в современном русском языке выделяются русские (например, *-к(а)*, *-ни(е)*,

-ость, -ств(о), -тель, -чик и др.) и заимствованные (например, -аж, -атор, -аци(я), -изм и др.) суффиксы. В литовском языке суффиксы также разделяются, с точки зрения происхождения, на литовские и заимствованные.

В научно-технических текстах при образовании существительных суффиксальным способом выделяются следующие продуктивные суффиксы со значениями:

- а) обладателя глагольных особенностей: *-тель, -ник, -щик*;
- б) абстрактного, обобщённого характера: *-изм, -ость*;
- в) орудия действия, инструмента, устройства, называющие различные приборы, механизмы, предназначенные для выполнения определённых процессов, действий: *-ка, -к(а), -ник, -ор, -тель и -тор*;
- г) процесса: *-(из)ация, -к(а), -ни(е), -овк(а) и -фикаци(я)*.

Суффиксальный способ образования, как и другие способы словообразования с помощью аффиксов, при образовании терминов отличаются более строгой семантической специализацией словообразовательных морфем и моделей.

Некоторые особенности перевода

отглагольных существительных на литовский язык

В теории перевода очень важным является понятие эквивалентности. Эквивалентность объясняется как «обеспечение относительного соответствия содержания, смысла, семантической и функционально-коммуникативной информации оригинального текста и перевода» [5: с. 18]. Возможны два способа перевода отглагольных существительных: прямой (когда отглагольное существительное языка-оригинала имеет соответствие в языке перевода) и перевод с трансформациями (фонетическими, морфологическими, синтаксическими и лексическими). Поскольку в данной работе анализируется не текст в целом, а лишь отглагольное существительное как его отдельный компонент, мы будем опираться лишь на прямой способ перевода.

Для научно-технических текстов важны соответствия в переводе отглагольных существительных с суффиксом *-ение*. В литовском языке соответствия данным существительным образуются

с помощью суффиксов *-imas*, *-umas*: *давление* — *spaudimas*; *закругление* — *suapvalinimas*; *изменение* — *pakitimas*; *сотрясение* — *sukrėtimas*; *управление* — *valdymas*; *расположение* — *išsidėstymas*.

Встречаются конструкции, в которых используются отглагольные существительные со значением характера действия:

...*полнотой всего многообразия технологических процессов обработки металлов давлением, методов их расчёта...*

...*negalima išsamiai išnagrinėti visų metalų apdirbimo spaudimo būdu technologinių procesų, jų skaičiavimo metodų...*

Отглагольные существительные с суффиксом *-ние* встречаются реже, чем существительные с суффиксом *-ение*. Чаще всего такие отглагольные существительные переводятся с использованием суффиксов *-imas/-umas*: *вытягивание* — *ištraukimas*, *прессование* — *presavimas*, *требование* — *reikalavimas* и т. д.

Довольно часты соответствия перевода русских отглагольных существительных с суффиксом *-к(а)*. Такие существительные обычно переводятся с использованием суффиксов *-imas*, *-umas*: *загрузка* — *įkrovimas*, *калибровка* — *kalibravimas*, *отливка* — *liejimas* и т. д.

Отглагольные существительные на литовском языке, используемые в конструкциях, обозначающих характер действия (*suvirinimo būdu* — *способом сварки*, *formavimo būdu* — *способом формирования* и т. п.), в русском языке также используются в словосочетаниях с компонентами *методом*, *способом*. Среди анализируемых отглагольных существительных часты случаи, когда окончание *-к(а)* переводится на литовский язык окончаниями *-ė*, *-a*. Можно утверждать, что суффиксальным отглагольным существительным языка оригинала в литовском языке соответствуют существительные с суффиксами *-imas/-umas*, *реже -inys*, *-iklis*, *-lė*, *-klas*, а также существительные, образованные с помощью флексий.

В профессиональном языке достаточно продуктивным суффиксом является суффикс *-ация*. В литовском языке ему соответствует суффикс *-acija*: *концентрация* — *koncentracija*, *кристаллизация* — *kristalizacija*, *рекомендация* — *rekomendacija* и т. д. Можно найти примеры и в связном тексте:

- При этом общими рекомендациями являются следующие: ...

Bendros rekomendacijos šiuo klausimu yra tokios: ...

- *Вследствие того, что крупнозернистой первичной кристаллизации...*

Kadangi stambiagrūdę pirminę kristalizaciją...

Изменение морфологической характеристики, т. е. использование при переводе другой части речи, оказывает влияние на трансформацию, изменение синтаксической структуры предложения. Возможны и другие приёмы трансформации — описательный перевод и опущение. При описательном способе отглагольные существительные переводятся с помощью словосочетаний. Например, *омывание* — *padengimas muilu*, *создание* — *pastangų dėjimas* и т. д. Опущение отглагольного существительного при переводе обуславливает изменение синтаксической структуры предложения:

При холодной формовке оформление детали обычно расчлениют на переходы, последовательно изменяющие форму заготовки.

Detalė paprastai šaltai formuojama, atliekant perėjimus, nuosekliai pakeičiančius ruošinio formą.

С опущением отглагольного существительного структура предложения усложняется. Такое предложение переводится сложным с деепричастным оборотом, тогда как в оригинале оно является простым с распространёнными частями предложения:

Возможность воздействия обработкой давлением на расположение волокон, а следовательно, и на служебные свойства деталей, можно иллюстрировать следующим примером.

Kaip gali, apdirbant spaudimo būdu, kitaip išsidėstyti pluoštas, taip pat pasikeisti ir detalių darbinės savybės, parodo toks pavyzdys.

Проведённый анализ показал, что во многих случаях отглагольные существительные в языке перевода эквивалентны.

Выводы

- Отглагольные существительные русского языка могут быть разделены на две группы: обозначающие отвлечённые наименования действий и называющие обладателей глагольных особенностей.

- Можно утверждать, что в профессиональном тексте по механике наиболее часто используемыми и продуктивными

являются отглагольные существительные с суффиксами *-ение, -ство, -атор, -емость, -ник, -ок, -тель, -чик*.

Данным отглагольным существительным в литовском языке соответствуют слова с суффиксами *-imas/-umas*. Реже в литовском языке используются производные слова с суффиксами *-iklis, -inys, -lė, -klas* и т. п.

- Сравнение оригинального текста с его переводом на литовский язык позволяет утверждать, что распространены два способа перевода — прямой и с трансформациями. Однако наиболее частым и точным соответствием русскому отглагольному существительному в литовском языке является также отглагольное существительное.

- При использовании различных методов перевода русские отглагольные существительные могут переводиться на литовский язык с помощью глаголов и глагольных форм — причастий и деепричастий. Поскольку в научно-техническом тексте отглагольные существительные очень распространены, необходимо находить их эквиваленты как в литовском, так и в русском языке.

Литература

1. *Dalskis A.M.* Konstrukcinių medžiagų technologija / N.N. Dubininas, E.A. Makarovas. – K.: Mokslas, 1979. – 629 p.
2. *Бельчиков Ю.А.* Практическая стилистика русского языка / Ю.А. Бельчиков. – М.: Аст – Пресс, 2002. – 424 с.
3. *Брандес М.П.* Редпереводческий анализ текста / М.П. Брандес, В.И. Проворотов. – М.: НВИ-Тезарус, 2003. – 224 с.
4. *Буре Н.А.* Основы научной речи / Н.А. Буре, М.В. Быстрых, С.А. Вишнякова. – М.: Академия, 2003. – 272 с.
5. *Виноградов В.В.* Русский язык / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1986. – 604 с.
6. *Граудина Л.К.* Культура русской речи / Л.К. Граудина, Е.Н. Ширяев. – М.: Айрис Пресс, 1998. – 304 с.
7. *Дальский А.М.* Технология конструкционных материалов / А.М. Дальский, И.А. Арутюнова, Т.М. Барсукова. – М.: Машиностроение, 1977. – 664 с.

8. Даниленко В.П. Русская терминология / В.П. Даниленко. – М.: Наука, 1977. – 246 с.
9. Митрофанова О.Д. Научный стиль речи: проблемы обучения / О.Д. Митрофанова. – М.: Русский язык, 1985. – 128 с.
10. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь. – М.: Высшая школа, 1977. – 424 с.
11. Розенталь Д.Э. Современный русский язык / Д.Э. Розенталь. – М.: Айрис Пресс, 2002. – 448 с.
12. Тихонов А.Н. Словообразование / А.Н. Тихонов // Современный русский язык. – В.: Мокслас, 1985. – С. 204–210.

I. Ionushas

The Most Characteristic Usage of the Verbal Nouns in Russian and Lithuanian Professional Text

The aim of the paper is to investigate the usage of the nouns in the professional language. Based on the principle of descriptive analysis, an attempt is made to distinguish the important role of the verbal nouns in the technical language, and its relation to the actual changing practical patterns in the context of different texts representing the technical language. The noun performs an important function in the grammatical discourse. The functions of the verbal nouns are different, and so there is no reliance on stylistic expression possibilities applied in them. Definitions expressed with the help of the verbal nouns mostly reflect essential content of scientific thinking. The paper presents some new aspects of the usage of the verbal nouns and their translation possibilities, as well as some details about translation peculiarities of the professional text.

Key words: verbal noun; professional language; scientific-technical style.

КОНСТРУКЦИИ С ПРЕДЛОГОМ *СРОДНИ* В СИСТЕМЕ РУССКОГО СРАВНЕНИЯ

В настоящей статье рассматриваются конструкции с предлогом *сродни* и их место в системе русского сравнения. Отношение к близким по значению конструкциям обусловлено особенностями реализации логической модели сравнения, объясняющей текстовые реализации конструкции. Специфика конструкции связывается также со значением такого компонента модели, как общий признак сравнения.

Ключевые слова: логическая модель сравнения; сравнительная конструкция; диктумно-модусная организация сравнительной конструкции.

Сравнительная система русского языка представлена разнообразными сравнительными конструкциями, различия которых объясняются особенностями реализации в них логической модели сравнения, диктумно-модусной организацией сравнительной конструкции, выраженностью / невыраженностью в ней такого компонента логической модели сравнения, как признак сравнения, характером сравнительной парадигмы сравнительной конструкции.

Интерес к конструкциям с предлогом *сродни* объясняется тем, что они не составляли отдельного предмета исследования, поэтому выявление их сравнительной семантики представляет актуальную синтаксическую задачу.

Программа исследования сравнительных конструкций русского языка реализована в нашей монографии [2]. Отношения единиц в сравнительной системе русского языка определяются особенностями реализации логической модели сравнения, диктумно-модусной структуры, определяющими семантико-грамматические особенности и текстовые функции отдельной сравнительной конструкции.

Логическая модель сравнения — это идеальный конструкт, находящий выражение в отдельной сравнительной конструкции. Логическая модель сравнения включает четыре компонента: объект

и эталон сравнения, компаративную константу, показатель сравнительного отношения [5]. Например: *Этой же осенью Левитан написал «Осенний день в Сокольниках». Это была первая его картина, где серая и золотая осень, печальная, как тогдашняя русская жизнь, как жизнь самого Левитана, дышала с холста осторожной теплотой и щемила у зрителей сердце* (К. Паустовский).

Объект сравнения в приведенном примере *осень*, эталон сравнения — *тогдашняя русская жизнь, жизнь самого Левитана*, компаративная константа (общий признак сравнения), *печальная*, показатель сравнительного отношения — союз *как*.

Сравнительная конструкция в наших работах изучается как диктумно-модусная структура. Диктумно-модусное содержание конструкции определенным образом «распределяется» между ее компонентами. Диктум конструкции выражается объектом, эталоном сравнения, компаративной константой. Информацию о модусе сравнительной конструкции несет показатель сравнительного отношения. В конструкциях с союзом КАК союз несет информацию о разных значениях модуса конструкции: перцептивном («я вижу»), ментальном («я знаю»), «все знают». Например:

Я счастлив, как брошенный дом (В. Соколов) — ментальный модус («все знают»);

И ночь была почти такая же, как та (И. Бунин) — ментальный модус («я знаю»);

Не позабудь, что приду я — рыжей. / Рыжей, как этот кленовый лист, / Рыжей, как тот, что в лесах повис (М. Цветаева) — перцептивный модус («я вижу»).

Особенность конструкций с предлогом *сродни* состоит в том, что предлог несет информацию не только о модусе сравнительной конструкции, но и об общем признаке сравнения, или компаративной константе. Признак сравнения оказывается невыраженным. Информацию о таком признаке также несет предлог *сродни*. В следующем примере модус сравнительной конструкции может быть представлен как ментальный и эксплицирован при помощи модусной рамки «все знают»:

*Любовь дурачеству сродни: / Деля весь свет между собою, //
Они, мой друг, вдвоем одни / Владеть согласно стали мною¹*
(А.С. Пушкин).

Исследование конструкций с предлогом *сродни* связано с определением их места в системе русского сравнения — отношения к близким по значению конструкциям со сравнительными предикатами, выявлением семантико-грамматических особенностей конструкции.

В системе сравнения такие единицы ближе всего к конструкциям со сравнительными предикатами *быть похожим, иметь сходство²*, что отмечают и толковые словари русского языка, объясняя значение предлога *сродни* через обращение к предикатам *сходно, похоже*: «*Сродни* — предлог с дат. п. То же, что *сходно* с кем-, чем-нибудь, *похоже* на кого-что-н. *Страсть сродни безумию. Старый человек сродни больному. Такое отношение сродни безответственности*» (Словарь Ожегова).

Мы, однако, исходим из того, что каждая из единиц передает сравнительный смысл по-особому, т. е. имеет свои семантико-грамматические особенности.

В отличие от конструкций с предикатом *быть похожим* сравнение с предлогом *сродни* может быть выражено не только простым предложением, но и предложением со сравнительным оборотом. Например:

Мужчина должен быть сильным, у десантников утренняя разминка сродни тренировке спортсмена-профессионала (А. Хохлов) — простое предложение.

Зима подгоняла — это само собой, но и помимо того подхватил ее опьяняющий порыв, сродни любовному, какой бывает у девочки, когда только одного она и видит во всем свете, только к одному и влечется, а вся остальная жизнь — как кружная дорога, чтобы переполниться тоской (В. Распутин) — конструкция со сравнительным оборотом.

---

¹ В работе большинство примеров с предлогом *сродни* взяты нами из Национального корпуса русского языка.

² Мы вслед за «Коммуникативной грамматикой русского языка» [4] используем термин «предикат» для единиц, предназначенных для обозначения предикативного признака.

Одно из отличий конструкций с предлогом *сродни* от конструкций с предикатом *быть похожим* состоит в объеме сравнительной парадигмы. Парадигма сравнительной конструкции с определенным показателем сравнения зависит от способности выражать разные типы сравнения — образное, логическое, эталонное [1; 5]. Различие типов сравнения в первую очередь связано с характером соотносимых объекта и эталона сравнения. В образном сравнении объект и эталон сравнения принадлежат к разным онтологическим классам, в логическом — к одному классу. Особенность эталонного сравнения проявляется в том, что в нем объект сравнения сравнивается с нормой его существования.

Конструкция с предлогом *сродни* может выражать разные типы сравнения, однако частотность их различная. Чаще других встречается логическое сравнение, реже сравнение образное, эталонное сравнение представлено незначительно. Например:

Хотя многие понимали, что Сталин, как деспот, сродни Гитлеру, огромную роль сыграла национальная идея (Капица, Тамм, Семенов) — логическое сравнение.

Содержание научных центров сродни благотворительности, однако это необходимый атрибут современности (А.И. Басов) — образное сравнение.

Но ему нравилось, что он из хорошего дома, имеет состояние, то есть большой капитальный дом с управителем, сродни не последним людям и, сверх того, обладает осанкой (А.В. Архипов) — эталонное сравнение.

Последний пример представляет разновидность эталонного сравнения, где объект сравнивается с классом, к которому принадлежит (о типологии разных типов сравнения см. [3]).

Одно из отличий конструкций с предлогом *сродни* от конструкций с предикатом *быть похожим* объясняется спецификой диктумно-модусной структуры, объясняющей отсутствие изобразительной текстовой реализации, т. е. неспособности выражать перцептивный модус (о минимальных текстовых фрагментах и особенностях их выделения см. [4]) Ср.: *В густых кустах стоял инспектор Асагава — бледный, осунувшийся, с лихорадочно горящими глазами, то есть,*

собственно, очень похожий на Эрста Петровича (Б. Акунин) — изобразительная текстовая реализация. Но:

Но едва ли не в одну весну ручей превратился в поток сродни Миссисипи (В. Песков, Б. Стрельников) — информативная текстовая реализация.

В приведенном примере *сродни* выявляет такой общий признак объектов сравнения, как *большой, широкий*, т. е. имеющий большой разлив. Названные признаки относятся к числу сущностных признаков объекта. Следует отметить, что сравнение на основании сущностного признака отличает конструкции с предикатами со значением подобия. Однако, если речь идет о предметах или пространстве, сущностный признак сравнения в конструкциях с предикатами подобия — это функциональный признак. Функциональным признаком объекта «река» будет признак *течет, разливаются*. *Сродни* в приведенном примере не ориентировано на функциональный признак. *Сродни* называет признак сущностный, но не функциональный. *Сродни* не допускает замены на *быть похожим*. Конструкции с разными предикатами ориентированы на разные признаки объектов сравнения. При сравнении предметных или локативных объектов *быть похожим* выявляет в них общие внешние наблюдаемые признаки. *Сродни* при сравнении предметных сущностей употребляется нечасто. Если даже речь идет о наблюдаемых реалиях, *сродни* выявляет в объектах нечто большее. Например: *Метелки эти тоже сродни ковылю, тонкие, шелковые, но высокие, их виднее, красивее они* (Н. Сакур).

Кроме признаков наблюдаемых — *тонкие, шелковые, сродни* в приведенном контексте называются признаки более существенные, связанные с восприятием и оценкой предметной сущности говорящим — *виднее, красивее*. Или: *Стена, скрытая за декором, как мы видели у Гоголя, сродни окну — это некая бестелесная плоскость, которая может проявиться как плоскость стекла* (Г. Ревзин).

Лишь экспликация оснований сравнения, которые выражены распространителями основной конструкции, позволяет понять сравнение. В предложении выявляется общий ментальный признак, однако это не функциональный признак: в понятии «стена» признак *отражать* не является функциональным признаком.

Различия *сродни* и *быть похожим* обнаруживаются и при сравнении объектов-лиц. Следует, однако, отметить, что таких примеров немного.

В логическом сравнении с предлогом *сродни* лица сравниваются на основании ментального признака. Например: *Мне кажется, что из великих путешественников Урванцеву был сродни Фритъоф Хансен; они как люди были похожи друг на друга не только внешнеостью, но прежде всего своей научной сущностью.*

Сродни передает сходство внутреннее.

В конструкциях с предикатом *быть похожим* при неназванном признаке сравнения похожесть прочитывается как похожесть внешняя. Например: *Иванов, высохший и желтый, все более походивший с годами на буддийского монаха, предостерегал: «Не по твоему уму, не по твоему характеру»* (Л. Улицкая).

Сродни в сходном контексте передает не просто внешнее сходство, а, скорее, называет типаж. Например: *Хрупкая, небольшого роста Нёлова в роли Стешки казалась мне более оригинальным решением, нежели краснощекие ядреные бабенки (по сценарию Стеша была сродни кустодиевским красавицам)* (Р. Нахапетов).

Примеры с предлогом *сродни*, в которых в сравнении лиц выявляется внешний признак, могут допускать замену на *быть похожим*. Например: [С кого не пишем мы портретов?] ...*Богач, без мозга, без души, / Нам задал несколько обедов — // Скорей портрет с него пиши!.. / И исторически докажут, / Что он Горацию сродни* (Н. Некрасов).

Общий признак здесь не назван, скорее, это ментальный признак. Из эталона сравнения извлекается признак — *умный, значительный, важный*.

Различие конструкций с предикатом *быть похожим* и с предлогом *сродни* проявляется в неспособности последних иметь фазисные структурно-семантические модификации. Ср.: *стал похож на отца, на слона*; но не **стал сродни Горацию*; **стала сродни кустодиевским красавицам*. В этом они похожи на конструкции с предикатами подобия, также не имеющими фазисных модификаций.

Способность иметь фазисные модификации отличает конструкции с признаками, допускающими изменение. Это признаки, изначально присущие объекту. Конструкции с предлогом *сродни* отражают ментальную операцию сравнивающего субъекта — устанавливают тождество объектов на основании сущностного признака.

Конструкции с предлогом *сродни* отличаются и от конструкций со значением подобия. Если объекты сравнения — лица, то они сравниваются на основании сущностного признака. Например: *Надо сказать, что этот странный господин участвует в общей беседе почти так же редко, как я. А если и скажет что-то, подобно автору этих строк, обязательно не к месту* (Б. Акунин); *Оказалось, что Аполлон Григорьев, невзирая на примерное рвение к наукам, успел, подобно мне, заразиться страстью к стихотворству, и мы в каждое свидание передавали друг другу написанное стихотворение* (Фет). Так, признак *говорить* — сущностный признак лица, как и сущность поэта — страсть к стихотворству.

В образном сравнении с предлогом *сродни* лицо обычно сравнивается с лицом. В приводимых ниже примерах и объект, и эталон сравнения называет класс лиц. Например: *Еще, мол, Аристотель говорил, что поэт сродни безумцу, во всяком случае, мизантропу* (С. Осипов); *Общество художников — это орден братства, все равно что масонский орден: он рассеян по всему миру, и все идут к одной цели. Художники сродни «каменищикам». Вспомните Хирама и его тайну.* (И. Гончаров).

В каждом из примеров лицо сравнивается с приводимым эталоном на основании ментального признака: *безумие поэта, тайная цель*, однако, как и в логическом сравнении, это важный, но не сущностный признак сравниваемых лиц. Так, для поэта сущностным признаком будет признак *писать стихи*, а не *быть безумцем или мизантропом*.

Примеры, в которых лицо сравнивается с объектом другого класса, немногочисленны. Например: *О парк мой, я сродни твоей листве и птицам* (В. Ляпоров).

Выявленные признаки — сравнение объектов на основании ментального признака, неспособность конструкции выражать пер-

цептивный модус — сближают сравнительные конструкции с предлогом *сродни* с конструкциями с предикатом *иметь сходство*.

Предикат *иметь сходство* занимает промежуточное положение между похожестью и подобием. Установление сходства представляет познавательную процедуру, основанную на обобщении достаточно значимых признаков объектов. Например: *А пока она писала неловкие буквы чернильным карандашом, мелко крутящимся в штопаных шерстяных перчатках, он смотрел на ее чистый лоб и внутренне улыбался ее чудному сходству с молодым верблюдом, терпеливым и нежным животным, и думал: «И даже колорит: смуглое, печально-умбристое и розовое, теплое»* (Л. Улицкая).

Здесь общность объектов базируется на признаках как внешних — цветовая гамма, — так и признаках ментальных: *терпеливый, нежный*.

Следует, однако, сказать, что предикат *сходство*, несмотря на наличие производных *быть сходным, сходствовать*, употребляется нечасто. *Сродни* и призван компенсировать относительную ущербность этой единицы. Не случайно этот предикат является частотным при сравнении отвлеченных сущностей. В большинстве примеров из Национального корпуса русского языка сравниваются именно отвлеченные сущности. В таких контекстах редко употребляются и *быть похожим*, и *быть подобным*. Например: *Я еще должна что-то: неуловимое, неназываемое, но должна, должна, и этот неназываемый долг висит кандалами на моих руках... нечто сродни сыновнему или дочернему долгу — тяжкий, но сбросишь его с плеч — и мыкаешься сиротой* (Д. Рубина); *Кира была человеком консервативным. И делать ремонт чаще, чем раз в десять лет, избегала. Уверяя, что ремонт сродни пожару. Худшего бедствия и сыскать трудно* (Д. Калинина); *Чувство полета самое сильное. Оно сродни лентанию во сне* (А. Винтов).

Чаще сравниваются объекты с положительной оценкой, однако *сродни* не исключает и сравнение сущностей отрицательного порядка. Например: *Скупость — сродни кожной болезни*.

Поскольку от нее не умирают, она вызывает не сочувствие, а брезгливость (А. Генис).

Итак, место сравнительных конструкций с предлогом *сродни* определяется особенностями реализации в них логической модели сравнения. В таких конструкциях общий признак сравнения, или компаративная константа, чаще оказывается невыраженной. Общий признак сравнения прочитывается как признак ментальный, и это объясняет текстовую сущность изучаемых конструкций — неспособность иметь изобразительную текстовую реализацию.

Сравнительная парадигма конструкций с предлогом *сродни* включает все типы сравнения: образное, логическое, эталонное. Однако чаще других встречается сравнение логическое.

Невыраженность такого компонента сравнительной модели, как общий признак сравнения, объясняет близость таких конструкций с конструкциям со сравнительными предикатами *быть похожим, иметь сходство, быть подобным*. Признак сравнения прочитывается преимущественно как ментальный признак. Ближе всего конструкции с предлогом *сродни* оказываются к конструкциям с предикатом *иметь сходство*.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Тожество и подобие (Заметки о взаимодействии концептов) / Н.Д. Арутюнова // Тожество и подобие. Сравнение и идентификация. – М.: Наука, 1990. – С. 7–32.
2. Девятова Н.М. О сравнении образном, логическом, отождествительном / Н.М. Девятова // Преподаватель XXI век. – 2008. – № 4. – С. 101–105.
3. Девятова Н.М. Сравнение в динамической системе языка / Н.М. Девятова. – М.: КД «Либроком», 2010. – 320 с.
4. Золотова Г.А. Коммуникативная грамматика русского языка / Г.А. Золотова, Н.К. Онипенко, М.Ю. Сидорова. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 528 с.
5. Кондаков Н.И. Логический словарь-справочник / Н.И. Кондаков. – М.: Наука, 1975. – 720 с.

6. *Огольцев В.М.* Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии / В.М. Огольцев. – Л.: Изд-во Ленинград. ун-та, 1978. – 159 с.

N.M. Devyatova

**Construction with a Preposition “Srodni”
in the System of Russian Comparison**

The paper considers constructions with the preposition «srodni» and analyzes its role in the system of the Russian comparative structures.

Key words: construction of preposition; sign of comparison; logical model.

ЛИНГВОКОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ЯЗЫКА И ТЕКСТА

Е.Ю. Геймбух

СПЕЦИФИКА ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗАИЧЕСКОЙ МИНИАТЮРЕ

Статья посвящена проблеме жанровой специфики проявления интертекста в лирической прозаической миниатюре (в «стихотворениях в прозе») на материале русской литературы. Предметом исследования являются источники интертекста, характер соотнесения «своего» и «чужого», реализация свойственной лирическим прозаическим миниатюрам прономинативной модели «я» — «все».

Ключевые слова: лирическая прозаическая миниатюра («стихотворения в прозе»); интертекстуальные связи.

Лирическая прозаическая миниатюра («стихотворение в прозе») представляет собой межродовое жанровое образование, имеющее специфические родо-видовые признаки. Хотя интертекстуальные связи не являются дифференциальным признаком «стихотворений в прозе», тенденция к диалогу мировоззрений явственно прослеживается в лирической прозаической миниатюре, а характер включения «чужого» в «свое» имеет жанровую определенность. Рассмотрим проблему интертекста в «стихотворениях в прозе» подробнее.

Соотношение лирического «я» и мира вокруг строится на различных основаниях: «чужое» может восприниматься и использоваться как «свое», и тогда диалога как такового не происходит, так как нет обмена мнениями. Диалог возникает в тех случаях, когда мнение другого становится предметом рефлексии, и автор выражает свое отношение к нему — непосредственно («Гете ошибся». М.М. Пришвин) или опосредованно. Не всегда одним из «беседующих» является лирический герой; иногда он выступает в роли «судьи» в чужом споре, и тогда появляется «смысловая многоплановость, совмещение более чем двух точек зрения» [2: с. 174].

Рассмотрим основные типы взаимосвязи «своего» и «чужого» в высказывании как отражение усложненной субъектной структуры текста.

«Чужое» как «свое», лучше своего, используемое для самовыражения: «Чужие слова всегда находка — их берут такими, какие они есть; их все равно нельзя улучшить и переделать. Чужие слова, хотя бы отдаленно и неточно выражающие вашу мысль, действуют как откровение или как давно искомая и обретенная формула. Отсюда обаяние эпитафий и цитат» [1: с. 12].

«Чужое» может быть представлено в «своем» как способ выражения авторского отношения к описываемому, например, пословица в миниатюре В. Астафьева «На кого беда падет, того нужда не оставит».

«Чужое» может определять направление восприятия, когда частный факт современности рассматривается через призму мифологического сознания, как, например, в «стихотворении в прозе» М.М. Пришвина «Гектор и Андромаха».

«Чужое» может быть основой рефлексии: *«Я человек не завистливый... Но как не позавидовать, когда на странице, скажем, у Андрея Платонова встречаешь такое высказывание (в статье о Пушкине): “Краткая, обычная человеческая жизнь вполне достаточна для свершения всех мыслимых дел и для полного наслаждения всеми страстями. А кто не успевает, тот не успеет никогда, если даже станет бессмертным”»* (В. Солоухин).

При явно выраженном несовпадении в физическом пространстве и/или времени основного субъекта речи и автора (авторов) цитаты, они находятся в одной идеологической, эмоционально-оценочной сфере. Это единство «своего» и «чужого» воспринимается в «стихотворениях в прозе» как проявление естественного «всеединства».

«Чужое», становящееся «своим». Цитаты, ссылки, аллюзии на древнюю *восточную и египетскую* культуру в лирических прозаических миниатюрах иллюстрируют духовное единство человека разных времен; помогают автору выразить свое отношение к современности, так как бывшее с человеком тысячелетия назад часто не утрачивает актуальности и в наше время.

Культура Древнего Египта становится предметом внимания И.А. Бунина («Скарабеи»), И.С. Тургенева («Сфинкс»). Символом неразрешимой загадки стал в мировой культуре египетский сфинкс. И.С. Тургенев называет сфинксом русского мужика, привлекая вечный образ для выражения своей идеи о том, что народ был и остается в России для высших слоев общества тайной, которую пока никто не сумел разгадать («Где твой Эдип?»). И.А. Бунин посвящает «стихотворения» менее известным символам: розе Иерихона, жукам-скарабеем, которые являются символами воскресения, вечной жизни («Роза Иерихона», «Скарабеи»). Авторские размышления демонстрируют непосредственную связь между человеком прошлого и настоящего: человеческое сердце *«в те легендарные дни так же твердо, как и в наши, отказывалось верить в смерть, а верило только в жизнь»*.

Ю.В. Бондарев в «стихотворении» «Омар Хайям» приводит рубаи о жизни и смерти, вспоминает сочинения Ибн Сины, что создает временную перспективу, и одновременно подчеркивает единство вопросов, волновавших человечество во все времена.

В целом в «египетских» и «восточных» миниатюрах нет резкого противопоставления разных культур, так же как нет его и в **«античных»** «стихотворениях».

В миниатюре В.П. Астафьева «Стоящая надпись» сама ситуация является иллюстрацией к латинскому выражению «Каждому свое». Отсылкой к известному высказыванию является надпись на поверженном памятнике Сталину: *«Я получил свое, и ты получил свое»*, а также авторское резюме, которое частный случай переводит в русло общечеловеческих проблем: *«Нам воздается поделом»*.

Основой сюжета «стихотворения» И.С. Тургенева «Нимфы» является изображение воскресающих и исчезающих языческих богов, символизирующих беспечное наслаждение жизнью: Пана, Дианы, нимф, дриад. Сочувствие лирического героя гибели языческих богов выражает духовное единство автора с миром прошлого.

Европейская и русская культура представляют наиболее широкую сферу заимствований. Лирический герой «стихотворений в прозе» на собственном опыте постигает истинность взгляда на мир своих предшественников:

«Услышишь суд глупца...». Пушкин. «Ты всегда говорил правду, великий наш певец; ты сказал ее и на этот раз» (И.С. Тургенев. «Услышишь суд глупца...»);

«“Жизнь сладка и печальна...” — когда-то я скользнул по этой строчке Сомерсета Моэма и пропустил ее мимо памяти. Но вот она вернулась ко мне и звучит, звучит грустной музыкой в усталой, стареющей душе» (В.П. Астафьев. «Лучшие слова»).

Благодаря подчеркнутому единству «своего» и «чужого» сфера «своего» расширяется практически до бесконечности и основной субъект письма (как в перволичном, так и в третьеличном повествовании) воспринимается как причастный вечности.

«Свое» вместо «чужого». Миниатюры, в которых автор предлагает «свое» вместо «чужого», можно разделить на два типа.

С одной стороны, это своеобразные миниатюры-эксперименты, в которых автор проводит свои филологические изыскания. Так, В. Солоухин приводит свои варианты чужих произведений. Цитируя эпиграмму М.Ю. Лермонтова «Три грации имелись в древнем мире. Родились вы — все три, а не четыре», В. Солоухин тут же предлагает окончание этой эпиграммы «по Пушкину», которое показывает отличие мировосприятия поэтов: «Родились вы — и стало их четыре».

Во-вторых, это экспериментальные миниатюры, в которых сопоставляются разные варианты одного произведения. В миниатюре «Конечно, легче поправить...» сравниваются авторские и неавторские строки, причем искаженные цитаты воспринимаются В. Солоухиным как «более правильный» вариант. Строки М. Цветаевой «Я тоже была, **прохожий!** Прохожий, остановись!» противопоставляются авторскому восприятию: «Я тоже была **прохожей!** Прохожий, остановись!»; стихотворение А. Ахматовой («Я очень спокойна, но только не надо / Со мной **про него** говорить») кажется лучше в исполнении Вертинского: «Я очень спокойна, но только не надо / Со мной **о любви** говорить».

Вторжение «своего» в «чужое» демонстрирует проницаемость не только временных и пространственных границ, но и границ личностных, когда основной субъект речи замещает «чужое» «своим».

Полное несовпадение «своего» и «чужого», когда диалог превращается в спор. В споре с чужой точкой зрения, как правило, лирический герой дает развернутую аргументацию своего несогласия со словами (позицией) другого: *«Когда я читаю о Рыцаре печального образа, как он с копьем наперевес мчится к мельнице, я всегда захожу в положение мельницы... <...> Я живо захожу в положение мирной, беззащитной, всем необходимой мельницы, и всей душой в эту минуту ненавижу я рыцаря, наделенного всеми хорошими качествами, и только смешного, а не страшного. А он страшен...»* (М.М. Пришвин. «Мельница Дон-Кихота»); *«...Вспомнил мысль Гете о том, что природа создает безличное и только человек личен. Нет, я думаю, что только человек способен создавать наряду с духовными ценностями совершенно безликие механизмы, а в природе именно все лично, вплоть до самих законов природы: даже и эти законы изменяются в живой природе. Так, не все верно говорил даже и Гете»* (М.М. Пришвин. «Гете ошибся»); *«Брамин твердит слово “Ом!”», глядя на свой пупок, — и тем самым близится к божеству. Но есть ли во всем человеческом теле что-либо менее божественное, что-либо более напоминающее связь с человеческой бренностью, чем именно этот пупок?»* (И.С. Тургенев. «Брамин»).

В «стихотворениях в прозе» возможно столкновение двух чужих точек зрения, благодаря оценке которых проявляется образ автора. Так, в «стихотворении» В. Солоухина сопоставление цитат иллюстрирует то, как распадается «связь времен»: *«У Жанны д'Арк, как известно, был девиз: “Если не я, то кто же?” У некоторых современных молодых людей, когда им говорят: надо делать то-то и то-то, — вырывается вопрос: “А почему я?”»* Авторское негативное отношение к «молодым людям» прямо не высказано, однако положительная коннотация имени собственного, а также последнее предложение («Предмет для очень серьезных раздумий») не оставляют сомнений в том, что «задуматься» необходимо именно над поведением тех, кто пытается устраниваться от активной деятельности.

Частичное совпадение/несовпадение «своего» и «чужого». Миниатюра В. Солоухина «По закону кадра строится японская

поэзия...» основана на противопоставлении, но это противопоставление, отражающее своеобразие мышления народов при близости объектов рефлексии — вечных человеческих ценностей — любви, памяти, природы.

В миниатюрах с полным/частичным несовпадением идеологических позиций «своего» и «чужого» основной субъект письма выступает как основной субъект оценки, внутреннее пространство которого вбирает в себя духовные сферы всех остальных субъектов речи.

Переосмысление «чужого»: «В иных случаях цитаты служат лишь строительным материалом, кирпичиком, участвующим в конструировании некоторого произведения. Содержание цитаты при этом выхолащивается...» [2: с. 167].

Так, И.Ф. Анненский в миниатюре «Свет» использует имя Креза, которое стало символом обладания несметных богатств: «Гений и солнце, с вами я чувствую себя Крезом». В самом обращении к гению и солнцу видно переосмысление традиционного символа: истинное богатство — не материальное превосходство над другими людьми, а включенность в мир и возможность отразить его в своих произведениях.

М.М. Пришвин в миниатюре «Нерль» («Лесная капель»), описывая наступление весны, сравнивает зеленые ветви, пробивающиеся сквозь прошлогодний хмель, с Лаокооном. Но у М.М. Пришвина сравнение чисто внешнее, так как по закону природы побеждает нарождающаяся жизнь, а не давно высохшие лианы-змеи. И не случайно «Лесная капель» завершается «стихотворением» «Антей». Антей является символом силы, которую дает связь с матерью-землей и которую чувствует лирический герой, любясь природой.

При переосмыслении «чужого» высказывания возможно изменение не только его смысловой наполненности, но и

– изменение эмоционально-экспрессивной окраски чужих слов («Как хороши, как свежи были розы в моем саду!» И. Мятлев) за счет усечения цитаты, когда приподнятое настроение в восклицательном предложении с ключевыми словами «хороши», «свежи» сменяется трагической окрашенностью раздумий о скоротечности жизни с ключевым словом «были»;

– ограничение сферы действия чужих слов («*О моя молодость! о моя свежесть!*») — восклицал и я *когда-то*. Но когда я произносил эти восклицания — я сам еще был молод и свеж». И.С. Тургенев) приводит к ощущению невозможности их употребления в как бы предписанном им изначально контексте — времени дряхлости и старости.

Признание справедливости «чужих» слов при внутреннем протесте против описываемого устройства жизни. Цитаты, аллюзии могут быть знаком особой бытийной ситуации, которая воспринимается автором как недолжная, но одновременно осознается как неподвластная воле человека. Ситуация может характеризовать жизнь либо человечества в целом, либо одного народа на определенном промежутке времени. Иллюстрацией к «диалогу» данного типа могут служить «стихотворения» И.С. Тургенева (бытие человечества: «*Necessitas, Vis, Libertas*»/«Необходимость, Сила, Свобода») и В. Солоухина (русский человек XX века: «*Один современный писатель жаловался мне на свою судьбу: не успеешь приехать в свой городок, как идут люди с просьбами*»). Здесь противопоставление прошлого и настоящего связано с именем Л.Н. Толстого, интересы современников которого переданы в пересказе персонажа: «*Да, но за чем идут? Помоги достать шиферу, помоги дочке устроиться на работу или в институт... А к Толстому с какими вопросами шли? Есть ли Бог? Любить ли ближнего? Как жить дальше?*»)

Изучение принципов соотношения «своего» и «чужого» приводит к выводу о том, что интертекстуальность есть один из способов выражения специфики диалогической модели лирической прозаической миниатюры, как и других жанров, вступающих в активный культурный диалог (соотношение «я» – «все»). В «стихотворении в прозе» два полюса мира могут «перетекать» друг в друга («свое» – «чужое»); или оттенять своеобразие «чужого» и вместе складываться в единую картину целого бытия; или представлять систему «зеркал», причем внимательный наблюдатель может увидеть в «своем» «чужое», и т. п.

Интересно, что чем дальше идеологическая позиция авторов интертекстуальных включений и основного субъекта речи, тем

более значим его голос: он «вбирает» в свою оценочную сферу все иные «голоса».

Не сглаживая национальных различий, сложности и противоречивости человеческих исканий, лирическая прозаическая миниатюра при помощи интертекстуальных включений создает образ мира, одновременно внешний и внутренний по отношению к образу автора, который включен в бытие человечества и который переживает в своем сознании это бытие.

Источником интертекста в «стихотворениях в прозе» являются произведения и самого автора, и русских писателей прошлого и настоящего, и европейская литература, и мировая культура в целом.

И хотя интертекстуальные включения не являются конститутивным признаком «стихотворений в прозе», интертекст является одной из форм проявления такого жанрового признака лирической прозаической миниатюры, как специфика прономинативной модели, и определяет такое его свойство, как «монтажная» композиция.

Литература

1. Гинзбург Л.Я. Человек за письменным столом / Л.Я. Гинзбург. – Л.: Сов. писатель: Ленинград. отд-ние, 1989. – 605 с.
2. Ковтунова И.И. Поэтический синтаксис / И.И. Ковтунова. – М.: Наука, 1986. – 206 с.

E. Yu. Geymbukh

Specificity of Intertextual Relations in Lyrical Prose Miniatures

The paper deals with the problem of genre specific manifestations of intertext in lyrical prose miniatures (“Poems in Prose”). The study focuses on sources of the intertext, correlation between «own» and «foreign», the realization of a pronominate model «I» — «everything» inherent to lyrical prose miniatures.

Key words: lyrical prose miniatures (“prose poem”); intertextual relations.

ОПЫТ ИЗУЧЕНИЯ КОММУНИКАТИВНО-ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

Данное исследование выполнено в рамках функциональной и антропоцентрической парадигм. Теоретическое изучение коммуникативно-языковой личности является необходимой составной частью вопроса о языковой личности в целом. В статье даются различные подходы к рассмотрению специфики языковой личности, таким образом, описание языковой личности ведется с учетом широкого спектра исследований в данном направлении.

Ключевые слова: коммуникативно-языковая личность; лингводидактика; лингвокультурология.

Изучению языковой личности как целостного феномена посвящен ряд работ специалистов различных областей — психолингвистики (В.П. Глухов, 2005), когнитивной лингвистики (Е.С. Кубрякова, 1984), прагматики (Г.И. Богин, 1984), системологии (З.Д. Попова, 1984, И.А. Стернин, 1984), антропоцентрической лингвистики, которая кроме собственно лингвистических аспектов включает в себя различные коммуникативные характеристики речевого поведения: это «человек в его способности совершать речевые поступки» [11] и др.

В настоящее время понятие «языковая личность» достаточно разработано в российской лингвистической науке (Ю.Д. Апресян, Г.И. Берестнев, Г.И. Богин, В.Г. Гак, Ю.Н. Караулов, М.В. Китайгородская, Н.Н. Розанова, В.И. Шаховский и другие исследователи).

Исторические предпосылки возникновения данного понятия можно проследить начиная с XIX века. Э. Сепир писал о том, что «язык не существует вне культуры. Культуру можно определить, как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают» [12: с. 185, 193]. Из трудов В. фон Гумбольдта, трактовавшего язык как выражение духа и характера народа, нации, вытекает обобщенное понимание языковой личности и как представителя рода *homo sapiens*, умеющего соединять мысль со звуком

и использовать результаты этой деятельности духа для общения, и как национальной языковой личности, то есть носителя языка — совокупного представителя своего народа [5].

Впервые понятие языковой личности появляется в 20–30-е годы прошлого века. В книге «Родной язык и формирование духа» (1927) Й.Л. Вайсгербер, говоря о языке как всеобщем культурном достоянии, отмечает, что «никто не владеет языком лишь благодаря своей собственной языковой личности; наоборот, это языковое владение вырастает в нем на основе принадлежности к языковому сообществу» [2: с. 81]. В.В. Виноградов в книге «О языке художественной прозы» (1930), рассматривая индивидуальное речетворчество, использует словосочетание «языковая личность» [3: с. 61, 91]. В многочисленных трактовках языковой личности, появившихся в 80–90-е годы XX века, различимы два магистральных направления: лингводидактика (Г.И. Богин, Л.П. Клобукова, Ю.Е. Прохоров, Т.А. Трипольская, Ю.Н. Караулов и др.) и лингвокультурология (С.Г. Воркачев, Л.И. Гришаева, В.И. Карасик, С.Г. Тер-Минасова и др.), для которых характерны свои пути описания языковой личности.

Лингводидактику отличает «крупный» масштаб при описании языковой личности (в центре внимания находится индивид как совокупность речевых способностей). В лингвокультурологии, напротив, отмечен более «мелкий» масштаб при описании языковой личности. Предметом исследования становятся национально-культурный прототип носителя определенного языка, собирательный культурно-исторический образ. Языковая личность существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на разных уровнях (научном, бытовом и др.), в поведенческих стереотипах и нормах, в предметах материальной культуры. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые отражаются концептами. Таким образом, если в первом случае языковая личность представляется совокупностью ипостасей, в которых индивид воплощается в языке, то во втором — совокупность индивидов составляет образ языковой личности.

Лингводидактический подход к языковой личности в трудах современных исследователей восходит к взглядам Г.И. Богина, кото-

рый трактует понятие «языковая личность» таким образом: «Тот, кто присваивает язык, то есть тот, для кого язык есть речь. Языковая личность характеризуется не столько тем, что она знает о языке, сколько тем, что она может с языком делать» [1: с. 3].

Ю.С. Степанов не разграничивает понятия «личность» и «человек»: «В современной русской жизни *личность* — слово скорее второго плана, принадлежность интеллигентской речи; в общем же языке оно передало свое основное концептуальное содержание слову *человек*». В третьем аспекте концепта *Человек* — Человек в отношении к обществу — Ю.С. Степанов рассматривает концепт *Личность*. При этом в сложной истории концепта *Личность* все же достаточно определенно вырисовываются две линии:

1) социализация, как бы «кристаллизация» понятия личности путем последовательного, все более точного социального и правового определения группы, коллектива, внутри которого выделяется личность;

2) индивидуализация выделенной личности, осознание ее как сущности неповторимой [13: с. 696, 705–706].

По мнению В.И. Карасика, языковая личность представляет собой обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций [6: с. 3].

Понятие «языковая личность» образовано проекцией в область языкознания соответствующего междисциплинарного термина, в значении которого преломляются философские, социологические и психологические взгляды на общественно значимую совокупность физических и духовных свойств человека, составляющих его качественную определенность. По мнению С.Г. Воркачева, под «языковой личностью» понимается человек как носитель языка, взятый со стороны его способности к речевой деятельности, то есть комплекс психофизических свойств индивида, позволяющий ему производить и воспринимать речевые произведения — по существу, личность речевая. Под «языковой личностью» понимается также совокупность особенностей вербального поведения человека, использующего язык как средство общения, — личность коммуникативная. И, на-

конец, под «языковой личностью» может пониматься закрепленный преимущественно в лексической системе базовый национально-культурный прототип носителя определенного языка, своего рода «семантический фоторобот», составляемый на основе мировоззренческих установок, ценностных приоритетов и поведенческих реакций, отраженных в словаре, — личность словарная, этносемантическая [4: с. 64–72].

Языковая личность, по определению В.А. Масловой, существует в пространстве культуры, отраженной в языке, в формах общественного сознания на различных уровнях (научном, бытовом и др.), в нормах и предметах материальной культуры. Определяющая роль в культуре принадлежит ценностям нации, которые являются концептами [9: с. 119–120].

Лингводидактическое направление разрабатывается по преимуществу на современном, синхронном материале, поэтому для его сторонников характерно внимание к отношению: языковая норма – речевая реализация. В русле лингводидактического направления разработал методику реконструкции и дал определение языковой личности Ю.Н. Караулов. Знаменательной для раскрытия вопроса о языковой личности явилась работа Ю.Н. Караулова «Русский язык и языковая личность», в которой языковая личность понимается как личность, которая существует в языковом пространстве, пользуется вербальными знаками и представляет собой совокупность (и результат реализации) способностей к созданию и восприятию речевых произведений (текстов). Данное определение языковой личности в сжатом виде предлагает методологическую основу анализа языковой личности, включающей такие уровни, как вербально-семантический уровень, когнитивный уровень, мотивационный уровень [7: с. 245]. Ю.Н. Караулов ввел понятие языковой личности в широкий научный обиход и предложил уровневую модель языковой личности. Данная модель языковой личности оказалась востребованной и лингводидактическим, и лингвокультурологическим подходами (в настоящее время лингвокультурология — это гуманитарная дисциплина, изучающая воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процессах материальную и духовную культуру), так как пред-

ставляет собой некий обобщенный тип личности, тогда как множество конкретных личностей могут быть рассмотрены как ее вариации. Методика Ю.Н. Караулова дала возможность изучения языковой личности с различной степенью обобщения, что предопределило развитие исследований структуры языковой личности по пути построения аспектных моделей. Так, на сегодняшний день существует множество аспектов изучения языковой личности, определяющих различные статусы ее существования: полилектная (многочеловеческая) и идиолектная (частночеловеческая) личности (В.П. Нерознак), этносемантическая личность (С.Г. Воркачев), элитарная языковая личность (О.Б. Сиротинина), семиологическая личность (А.Г. Баранов), русская языковая личность (Ю.Н. Караулов), языковая личность и речевая личность (Ю.Е. Прохоров, Л.П. Клобукова), языковая личность западной и восточной культур (Т.Н. Снитко), словарная языковая личность (В.И. Карасик), эмоциональная языковая личность (В.И. Шаховский), диалектная языковая личность, языковая личность «средневекового человека» и др.

Главным признаком языковой личности принято считать языковое сознание и языковое самосознание. Языковое сознание рождает тексты, языковое самосознание — метаязык и метатексты, которые реализуются вербальными и невербальными способами. Поскольку метаязык и метатекст не могут рассматриваться аморфно, как что-то непознанное и независимо ни от чего существующее, постольку, по мнению Г.П. Немца, «это — языковая ингредиентность, то есть разновидность данного языка со своей структурой отношений и оценок, со своими модальными реализациями, направленными на язык — объект» [10: с. 452]. Следовательно, можно говорить о том, что языковое самосознание — это и часть культурного самосознания, воплощенного в языковой форме, в языковых стереотипах, из которых строятся тексты разных жанров, участвующих в вербальной коммуникации.

Данной составляющей языковой личности является ее национальный характер, который определяется принадлежностью к этносу, включенностью в национальную культуру, проживанием на определенной территории и т. д.

Среди аспектов изучения языковой личности исследователи выделяют когнитивно-психологические и когнитивно-лингвистические характеристики личности. Выделить эти параметры можно путем конфигурирования двух когнитивных теорий, а именно: теории языковой личности Ю.Н. Караулова и теории личностных конструкторов Дж. Келли. Основанием обеих теорий является многоуровневый подход к личности и выделение в ее структуре тезаурусного и мотивационного уровней [8].

Подведем итоги. На современном этапе можно выделить два основных направления изучения языковой личности: лингводидактическое и лингвокультурологическое. В рамках этих двух направлений наиболее активно исследуются следующие аспекты: когнитивный, прагматический (прагмалингвистический), коммуникативный, национальный, гендерный, жанровый, психолингвистический, социолингвистический. Анализ существующих исследований, посвященных языковой личности, показал, что ученые активно изучают способы воплощения языковой личности, ее типы, речемыслительные механизмы реализации, методы и приемы описания.

Литература

1. *Богин Г.И.* Современная лингводидактика / Г.И. Богин. – Калинин, 1980. – 232 с.
2. *Вайсгербер Й.Л.* Родной язык и формирование духа / Й.Л. Вайсгербер; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О.А. Радченко. – 2-е изд. – М.: УРСС, 2004. – 232 с.
3. *Виноградов В.В.* Избранные произведения / В.В. Виноградов. – М.: Наука, 1980. – 362 с.
4. *Воркачев С.Г.* Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
5. *Гумбольдт В. фон.* Избранные труды по языкознанию / В. фон Гумбольдт; пер. с нем. Г.В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 400 с.
6. *Карасик В.И.* Культурные доминанты в языке // Языковая личность: культурные концепты / В.И. Карасик. – Волгоград – Архангельск, 1996. – С. 166–205.

7. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Ю.Н. Караулов. М.: УРСС, 2004. – 264 с.
8. Мальцева О.Н. Описание языковой личности: Конструктивный подход: автореф. дис. ... канд. филол. наук / О.Н. Мальцева. – Краснодар, 2000. – 197 с.
9. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. – М.: ИЦ «Академия», 2001. – 208 с.
10. Немец Г.П. Семантика метаязыковых субстанций / Г.П. Немец. – М.: Акад. пед. и соц. наук РФ; Краснодар: Кубан. гос. ун-т., 1999. – 752 с.
11. Седов К.Ф. Дискурс и личность: эволюция коммуникативной компетенции / К.Ф. Седов. – М.: Лабиринт, 2004. – 320 с.
12. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии / Э. Сепир. – М.: Прогресс, 1993. – 656 с.
13. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

A.A. Kachanova

The Experience of the Study of Linguistic-Communicative Personality in the Scientific Light

The problems raised in this research are topical, as they are considered within the framework of the functional and anthropocentric paradigms. The theoretical study of linguistic-communicative personality is an essential part of research into the language person on the whole. The article features different approaches to defining the specifics of a language personality, and the language personality is studied in a broad academic context.

Key words: linguistic-communicative person; linguadidactics; linguaculturology.

К ПОНЯТИЮ КОНЦЕПТУАЛЬНОЙ МЕТОНИМИИ

Настоящая статья посвящена вопросам изучения метонимии как языкового и концептуального явления. Метонимический перенос рассматривается не только как средство развития значения слова, но и, с точки зрения когнитивной лингвистики, как перенос внутри концептуального домена или как сдвиг доменов внутри доменной матрицы. В работе представлена также интерпретация метонимии как когнитивного механизма, лежащего в основе смены ракурса концептуализации ситуации, что дает основание для введения понятия межъязыковой метонимии.

Ключевые слова: метонимия; языковая метонимия; концептуальная метонимия; метонимический перенос; концептуальный домен; межъязыковая метонимия.

Традиционное языкознание описывает метонимию как один из механизмов семантических переносов внутри языковой единицы, основанный на отношении смежности объектов. При этом различаются несколько типов метонимии: **стилистическая** — троп, являющийся средством придания образности речи, ср. *Сюда по новым им волнам / Все флаги в гости будут к нам* (А.С. Пушкин. Медный всадник); **языковая**, являющаяся средством развития многозначности слова, определяющаяся в лингвистике как средство вторичной номинации и, как правило, зафиксированная в лексикографических источниках (ср. *аудитория*₁ — помещение для занятий, лекций, и *аудитория*₂ — студенты, слушатели); метонимия, представляющая собой набор **регулярных переносов**, ср. *К этому времени весь город уже спал*, где совокупность людей обозначается через место их проживания. Регулярность подобных явлений позволила лингвистам выстроить систему метонимических переносов: автор — произведение (*читать Гете* вместо *произведения Гете*), переносы, возникающие вследствие смежности в пространстве (*Зал аплодировал* вместо *зрители в зале*) и подобное. Этот тип метонимии характеризуется тем, что здесь идет речь о так называемой **конвенциональной** метонимии, при которой значение,

возникшее вследствие переноса, фиксируется скорее в ментальном лексиконе, а не в лексикографическом источнике. Так, в исследованиях языковой метонимии отмечалось, что не каждый метонимический перенос влечет за собой изменение значения слова и приобретение нового. Иными словами, регулярное употребление в разговорной речи существительного *голова* в значении *боль в голове* не дает основания приписывать многозначному слову *голова* еще одно самостоятельное значение *боль в голове*, ср.: *голова прошла* [3]. В этом смысле трудно согласиться, например, с точкой зрения [7: р. 97], согласно которой в примере *The Pentagon has issued a warning* результатом «конвенционализации» метонимического значения *Pentagon* является полисемия. Так, едва ли можно утверждать, что обозначение правительства через место его резиденции или его представителя расширяет значение самого слова *правительство*, несмотря на то, что подобный перенос является в высшей степени частотным в текстах, ср. *Кремль молчит, По заявлению Вашингтона* и подобное. То же самое относится и к известному примеру Дж. Лакоффа и М. Джонсона [6] *The ham sandwich is waiting for his check*, где человек обозначается через название заказанного им блюда, и едва ли здесь можно говорить о приобретении словом *sandwich* соответствующего значения вследствие данного переноса.

Когнитивная лингвистика существенным образом расширяет традиционный взгляд на метонимию, признавая тот факт, что метонимия является не вторичным семантическим явлением, а необходимым средством репрезентации значения и когнитивным механизмом концептуализации [6]. Большинство представителей западной когнитивной лингвистики сходятся во мнении, что метонимия является переносом внутри одного домена. В рамках концепции, представленной в частности в работе [8], получило признание представление о метонимии как о *когнитивном процессе* и как о *концептуальном явлении*. Подчеркивается, что метонимия как часть обыденного мышления человека, структурирующая его мысли и действия, является *когнитивной операцией*, при которой содержательная область источника обеспечивает доступ к содержательной области цели в пределах одного концептуального домена. Таким образом, наряду с уже существующей

щим понятием концептуальной метафоры было введено понятие *концептуальной метонимии*, под которой, как правило, понималось «случайное, т.е. необязательное отношение между исходным и конечным значениями внутри концептуального домена» (eine kontingente, d. h. nicht notwendige Beziehung zwischen einer Ursprungsbedeutung und einer Zielbedeutung innerhalb einer konzeptuellen Domäne), при этом «исходное значение облегчает ментальный доступ к конечному значению» (die Ursprungsbedeutung erleichtert den mentalen Zugang zur Zielbedeutung) (перевод наш. — *H.T.*) [7: p. 91].

Рассматривая метонимию как перенос внутри домена, лингвисты опираются в основном на модель *часть – целое*, ср.: *Iran sent a note to Iraq; Kasparow was too strong for Karpow*, где одна часть замещает целое внутри одного домена [5]. (При этом есть расхождение во мнениях по поводу квалификации данной модели как синекдохи, а также представления самой синекдохи как метонимической модели или как самостоятельного явления.) Выделяется также модель, в соответствии с которой *несколько* частей замещают целое внутри одного домена [5], ср. *Clair is attractive*, где с точки зрения семантики можно выделить компоненты: *Clair is attractive*, следовательно, *a person, a woman, pretty, pleasant, good natured etc.*, и где несколько свойств могут репрезентировать источник этих свойств — *Clair*. Данному и подобным примерам можно вместе с тем дать иную интерпретацию. Два первых семантических компонента *a person, a woman* составляют presupпозицию высказывания, поскольку являются теми частями значения, которые не подвергаются отрицанию, если мы отнесем отрицание ко всему высказыванию, ср. *Clair is not attractive*. Данный тест на отрицание дает нам основания полагать, что преддицируемое *Clair* свойство *attractive* не всегда может быть частью целого и соответственно быть включенным в один и тот же домен (*Clair*). Отдельного рассмотрения требует концептуальная область *attractive*, которая, по мнению [5], является частью целого (*Clair*) и, в свою очередь, имеет несколько частей (*pretty, pleasant, good natured*). Очевидно, что ни одна часть по отдельности не может заменить целое, ср. *Clair is pleasant*, что необязательно будет означать, что *Clair — attractive*. Соответственно есть основания говорить о том, что в данном случае

перенос осуществляется не внутри одного домена, а выходит за его пределы. Иными словами, мы говорим о том, что *Clair is attractive*, следовательно, *pretty, pleasant, good natured*, но не можем рассматривать свойства *pretty, pleasant, good natured* как входящие в домен *attractive*, ср. *Clair is pleasant but not attractive*.

Существует точка зрения, согласно которой метонимический перенос может происходить не только внутри одного домена, но и внутри *доменной матрицы* — комбинации доменов, включающих в себя одновременно один концепт, — когда метонимический сдвиг приводит к сдвигу доменов внутри доменной матрицы [4: р. 273, 281]. В работе [9] различаются две основные когнитивные операции — *расширение домена* (domain expansion) и *сужение домена* (domain reduction), комбинация которых может приводить к двойному метонимическому сдвигу. В рамках данной концепции получает дополнительную интерпретацию распространенный метонимический перенос *автор — произведение*. В ситуации *Shakespeare is on the top shelf* (пример из [9: р. 15]) происходит расширение домена *Shakespeare*, ср. *Shakespeare is easy to read*, который в свою очередь является результатом сужения домена *Shakespeare* как автор.

Понимание метонимии как сдвига внутри доменной матрицы позволяет трактовать расширение домена *произведения Шекспира* как переход в другой домен, поскольку ситуация *Шекспир стоит на верхней полке* получает дополнительную пространственную интерпретацию, и домен *произведения Шекспира* квалифицируется, таким образом, как доменная матрица, в пределах которой происходит сдвиг концептуализации. Ср. *Ты любишь Шекспира? — Да, он всегда лежит у меня на столе*, где в процессе речевого акта происходит сдвиг доменов. Сдвиг происходит также и в способе представления предизируемой субъекту «любви» к произведениям Шекспира, где в процессе коммуникации восстанавливается скрытый смысл *читать*, ср. *Ты любишь Шекспира? vs. Ты любишь Петю?* Метонимические сдвиги, основанные на смежности доменов, как правило, имплицитны. Скрытая информация, содержащаяся в коммуникативном акте, часто имплицитна и восстанавливается участниками коммуникации в процессе речевого акта. Анализ ряда примеров показал, что

в основе подобных сдвигов лежат причинно-следственные связи, ср.: *Спасибо, я пообедал*, следовательно, *Я сыт*, хотя в значение слова *обедать* не входит компонент *становиться сытым*, ср. [1: с. 37].

Концептуальная метонимия исследуется преимущественно на материале существительных, и большая часть системы метонимических переносов базируется на соотношении *часть — целое*, ср. описанный выше перенос *автор — произведение* и др. Предикатная метонимия не получила на настоящий момент детального рассмотрения и представлена в самых общих чертах в виде ряда отдельных метонимических переносов, ср. деятель — действие: *to author a new book*; объект — действие: *to blanket the bed*, *to dust the room*; образ действия — действие: *to tiptoe into the room*; средство — действие: *He sneezed the tissue off the table* и некоторые другие [8: р. 37]. Исследование показало, что с когнитивной точки зрения типы метонимических переносов в сфере предиката могут быть отнесены к двум основным типам метонимии — *обстоятельствственной* и *причинно-следственной*. Так, например, описание ситуации типа *She steamed the stamp off the envelope* — *Она распечатала конверт, подержав его над паром* происходит через экспликацию обстоятельственного признака *способ действия — паром*. В ситуации *He enjoyed the book* — *Он с наслаждением читал книгу* заложена импликация причинно-следственной связи, поскольку действие *to enjoy* в данной ситуации является следствием другого действия — *чтения*.

Рассматривая явление концептуальной метонимии, Е.В. Падучева [2: с. 242] отмечает, что «связи по смежности существуют не между смыслами, а в действительности. Но, идя от ситуации действительности к ее концептам, можно говорить о соответственных — метонимических — связях между компонентами ситуаций». Автор отмечает, что две концептуализации одной и той же ситуации могут быть связаны метонимически, и соотносит метонимический сдвиг между доменами одной матрицы со смещением фокуса внимания, метонимически связывающего концептуализации одной ситуации. Ср. ситуации *Джон ударил свою жену* — *Муж Марии ударил ее*; *Мария влюбилась в Джона* — *Моя дочь связалась с негодяем*, где один и тот же фрагмент действительности рассматривается с разных

точек зрения и получает соответствующую языковую репрезентацию, эксплицирующую различные компоненты ситуации. Таким образом, одна и та же ситуация может получать различную концептуализацию, что будет отражаться в виде расхождения способов ее вербализации в языке, между которыми могут устанавливаться метонимические связи. Регулярность данных связей позволяет в свою очередь говорить о системе метонимических переносов, устанавливающихся между способами концептуализации.

Исследование показало, что когнитивный механизм метонимической концептуализации может лежать в основе смены ракурса концептуализации ситуации как в пределах одной языковой системы, так и между языками, и так же, как внутриязыковой метонимический перенос, носить системный характер. Данный подход дает возможность выявить системные метонимические отношения между лексическими средствами разных языков и определить регулярные типы метонимических переносов. При этом, в отличие от внутриязыковой метонимии, межъязыковая метонимия лежит в основе структурно-семантических преобразований, возникающих между способами репрезентации ситуации средствами разных языков. Для межъязыковой предикатной метонимии характерны те же основные типы переносов, что и для внутриязыковой, — переносы на основе причинно-следственных связей и обстоятельственного сопутствующего признака, ср. *Sie hat eine Woche frei* — Она **взяла** на неделю **отпуск**, где результат действия (*hat eine Woche frei*) описывается в русском языке через предшествующее действие; *She waved him in* — *Sie winkte ihn rein* — Она **взмахом руки / махнув рукой, пригласила** его **войти**, где в русском языке описание действия производится через экспликацию обстоятельственного признака, характеризующего сопровождающее действие.

В последние годы происходит смещение акцента от исследования номинативной метонимии в сторону исследования глагольной метонимии. Это можно объяснить тем, что в основе признаковой метонимии лежат более сложные когнитивные механизмы. В силу того, что при смене угла зрения в основе номинации ситуации глаголом могут лежать метонимические трансформации, ставилась зада-

ча определить характер метонимического сдвига, лежащего в основе смены ракурса концептуализации данной денотативной ситуации. Представление о метонимии как о когнитивном механизме, лежащем в основе смены ракурса концептуализации денотативной ситуации, дает возможность более глубокой интерпретации приведенных в [8: р. 37] примеров. Ср. *He sneezed the tissue off the table*, где имеет место метонимический перенос, в основе которого лежит причинно-следственная связь *чихнул* → *салфетка слетела*; *He tiptoed into the room*, где метонимический перенос внутри семантики глагола базируется на обстоятельственных отношениях путем экспликации обстоятельственного признака *образ действия*. Тот же когнитивный механизм метонимической концептуализации действительности может действовать при сдвиге концептуализации ситуации средствами, например, двух языков, ср. *He sneezed the tissue off the table* — *Он чихнул так сильно, что салфетка слетела со стола*, где в русском языке происходит семантическая реструктуризация средств описания фрагмента действительности, базирующаяся на причинно-следственных отношениях; *He tiptoed into the room* — *Он на цыпочках вошел / прокрался в комнату*, где смена ракурса концептуализации описываемой ситуации может базироваться как на обстоятельственных отношениях *на цыпочках*, так и на причинно-следственных: *вошел на цыпочках* → *прокрался*.

Таким образом, исследование показало, что представление о метонимии как о продуктивном когнитивном (семантическом) процессе позволяет рассматривать ее наряду с метафорой как когнитивный механизм концептуализации фрагмента действительности. При этом метонимический сдвиг может быть интерпретирован не только как перенос внутри одного домена, но и как сдвиг внутри доменной матрицы. Возможность действия метонимических когнитивных механизмов между доменами одной матрицы позволяет расширить введенное когнитивной лингвистикой понятие *концептуальная метонимия*.

Одна и та же денотативная ситуация может получать различное осмысление, иными словами, общность денотативной ситуации может достигаться путем различных ее концептуализаций в естественном языке. В основе переосмысления ситуации лежит

смена угла зрения, базирующаяся в свою очередь на действии когнитивного механизма метонимии. При этом метонимические переносы как результат действия когнитивного механизма метонимии получают отображение в языке, что позволяет выявить и систематизировать метонимические модели переносов. Исследование также показало, что, поскольку метонимический сдвиг в рамках доменной матрицы происходит на уровне концептуализации действительности и затем получает отображение в конкретном языке, когнитивный механизм метонимической концептуализации может лежать в основе смены ракурса концептуализации ситуации как в рамках одной языковой системы, так и при выходе за ее пределы, и при этом так же, как внутриязыковой метонимический перенос, этот процесс может носить регулярный характер. Иными словами, способность метонимии «регулировать» внутриязыковые семантические отношения может быть спроецирована на межъязыковые отношения. В таком случае метонимия, являясь основой структурной перестройки внутри одной лексемы, может также лежать в основе семантической реструктуризации между различными лексемами (и шире — характером языковой репрезентации картины мира на различных уровнях) в естественном языке.

Литература

1. Имплицитность в языке и речи / Отв. ред.: Е.Г. Борисова, Ю.С. Мартемьянов. — М.: Языки русской культуры, 1999. — 200 с.
2. *Падучева Е.В.* Пространство в обликии времени и наоборот (к типологии метонимических переносов) / Е.В. Падучева // Логический анализ языка. Языки пространств. — М.: Языки русской культуры, 2000. — С. 239–255.
3. *Шмелев Д.Н.* Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. — М.: КомКнига, 2006. — 336 с.
4. *Croft W.* The role of domains in the interpretation of metaphors and metonymies / W. Croft // Cognitive Linguistics: Basic Readings / Ed. by Dirk Geerarts. — Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2006. — P. 269–302.

5. *Kalisz R.* Metonymy and semantic representations / R. Kalisz // Perspectives on Metonymy: Proceedings of the International Conference “Perspectives on Metonymy”. – Peter Lang, 2007. – P. 31–41.

6. *Lakoff G.* Metaphors We Live by / G. Lakoff, M. Johnson. – Chicago: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

7. *Panther K.-U.* The role of Conceptual Metonymy in Meaning Construction / K.-U. Panther, L. Thornburg // *Metaphorik.de* 06/2004. – P. 91–116. – URL: <http://www.metaphorik.de/06/pantherthornburg.htm>.

8. *Radden G.* Towards a Theory of Metonymy / G. Radden, Z. Kövecses // *Metonymy in Language and Thought*. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins, 1999. – P. 17–59.

9. *Ruiz de Mendoza F. J.* High-Level Cognitive Models: In Search of a Unified Framework for Inferential and Grammatical Behavior / F. J. Ruiz de Mendoza // *Perspectives on Metonymy*. – Peter Lang, 2007. – P. 11–30.

N.S. Trukhanovskaya

On Conceptual Metonymy

The article focuses on metonymy as a language and conceptual phenomenon. Metonymical transfer is regarded not only as a means of developing the meaning of the word, but also in the context of cognitive linguistics, as a transfer within a conceptual domain or as a shift of domains within the domain matrix. The article also interprets metonymy as a cognitive mechanism that underlies the change of perspective in conceptualizing the situation, which enables us to introduce the concept of interlingual metonymy.

Key words: metonymy; language metonymy; conceptual metonymy; metonymic shift; conceptual domain; interlingual metonymy.

ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА КАФЕДРЫ РУССКОГО ЯЗЫКА И ОБЩЕГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ МГПУ Г.М. БОГОМАЗОВА (1936–2008)

Родился в Москве
30 января 1936 года.
Закончил с отличием МГПИ
им. В.И. Ленина, историко-
филологический факультет,
очную аспирантуру по кафедре
фонетики ЛГУ. Защитил
докторскую диссертацию
по проблемам русской фонетики.
С 1995 года работал на кафедре
русского языка филологического
факультета ГОУ ВПО МГПУ.
Автор двух пособий по фонетике,
свыше 100 научных и учебно-
методических работ.

Г.М. Богомазов, Е.Ю. Спиридонова

О КОЛИЧЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКЕ СВЯЗИ ГРАМОТНОСТИ С ДРУГИМИ ФОРМАМИ ПРОЯВЛЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ

Грамотность — это широкое понятие, подразумевающее целый ряд навыков, которыми должен обладать человек. Грамотным считается носитель языка, умеющий читать и грамматически правильно (без ошибок) писать.

Под грамотностью в широком смысле понимается владение навыками устной и письменной речи в соответствии с нормами литературного языка. В данной работе термин «грамотность» будет трактоваться *в узком смысле* как *умение грамматически правильно (без ошибок) писать*.

Ключевые слова: грамотность; языковые способности; скорость чтения; глубина чтения; слогоделение.

Становление и развитие грамотности в период школьного обучения является одной из важнейших задач школьного образования. Решение этой задачи остается актуальным в настоящее время. Об этом свидетельствуют многочисленные результаты школьных выпускных экзаменов и вступительных экзаменов в вузы. Соответственно остается актуальной разработка методов повышения эффективности обучения русскому языку в общеобразовательной школе.

В известной статье Л.В. Щербы [9] была поставлена задача об активном использовании эксперимента в лингвистических исследованиях. Любой эксперимент требует разработки методов выполнения измерений и обработки их результатов. Д.И. Менделееву принадлежит высказывание: «Наука начинается с тех пор, как начинают измерять». В данной работе была поставлена задача экспериментальной оценки (измерения) связи грамотности учащихся с другими формами проявления языковых способностей.

На качественном уровне преподавателям русского языка и лингвистам известно, например, что чем лучше учащийся читает, тем грамотнее он пишет (как правило!). Но вопрос о том, насколько сильна эта связь, как она изменяется с возрастом и при переходе от одного уровня обучения к другому, на качественном уровне решить невозможно. Если же круг проявлений языковых способностей расширить, то обсуждение их взаимодействия с грамотностью без количественных оценок оказывается почти беспредметным. Выявление связи грамотности с другими языковыми способностями на качественном уровне может позволить найти новые пути решения задачи повышения грамотности учащихся в период школьного обучения.

Для решения поставленной задачи необходимо было, во-первых, выбрать круг языковых способностей, связь которых с грамотностью предполагается анализировать. В данной работе анализируется связь грамотности со скоростью чтения, глубиной чтения, способностью к простому слогаделению и способностью к морфологически правильному слогаделению. Во-вторых, было необходимо разработать методы измерения, позволяющие получить количественные оценки каждой из этих языковых способностей каждого учащегося.

В третьих, нужно было разработать подход к обработке результатов измерений, полученных при работе с определенной группой учащихся, который позволяет проанализировать эволюцию измеренных характеристик каждой формы проявления языковых способностей при переходе группы учащихся из класса в класс, связь различных языковых способностей с грамотностью и эволюцию этой связи. В четвертых, нужно было подготовить, организовать и провести эксперименты, необходимые для получения исходных статистических данных.

Результаты решения этих задач, основанные на материалах работы с группой учащихся в 3-м, 5-м и 6-м классах (4-го класса в этой школе нет), представлены в данной статье. На основе этих результатов сформулированы определенные выводы и гипотезы о связи различных видов языковых способностей с грамотностью и о возможностях использования этой связи при обучении русскому языку.

1. Грамотность как форма проявления языковых способностей

1.1. Количественные характеристики грамотности группы учащихся

При разработке методов оценки грамотности было важно опираться на количественные характеристики.

При классно-урочной системе образования оценка грамотности чаще всего определяется при проведении диктантов. Количество ошибок, которые делают учащиеся, зависит как от сложности диктанта, так и от степени усвоения учащимися орфографических и пунктуационных норм языка, т. е. уровня сформированности грамотности. Поэтому можно утверждать, что количество ошибок в надлежащим образом подобранных диктантах является мерой грамотности (точнее, мерой неграмотности) учащегося.

Рассмотрим методы количественной оценки грамотности класса на конкретном примере. В Приложении приведена таблица П 1, в которой номеру каждого учащегося в списке класса поставлено в соответствие число ошибок, сделанных им в двух диктантах, проведенных учителем в последней четверти третьего класса. Диктанты были написаны с временным интервалом

в 5 недель. При проверке диктантов учитывались не только ненормативные написания, но и исправления (исправление засчитывалось за 0,5 ошибки). По этой таблице (2-й столбец) были рассчитаны среднее число ошибок $\bar{n}_j$ и среднеквадратичное отклонение от среднего σ_{nj} . Они рассчитывались по известным в математической статистике формулам [4; 5]:

$$\bar{n}_j = \frac{1}{M_j} \sum_{m=1}^{M_j} n_{mj}, \quad (1)$$

$$\sigma_{nj} = \sqrt{\frac{1}{M_j - 1} \sum_{m=1}^{M_j} (n_{mj} - \bar{n}_j)^2}, \quad (2)$$

где n_{mj} — число ошибок, сделанных учащимся с номером m по списку из таблицы П 1,

j — номер класса, определяющий уровень обучения,

M_j — общее число учащихся в классе.

В нашем примере число учеников 3-го класса $M_3 = 25$, номер класса $j = 3$, среднее число ошибок $\bar{n}_3 = 6,7$, среднеквадратичное отклонение от $\bar{n}_3$ равно $\sigma_{n3} = 3$. На рисунке 1а приведена диаграмма, наглядно показывающая, как распределились ученики этого класса по числам ошибок. На рисунке 1а по оси абсцисс отложено число ошибок n_3 , а по оси ординат — количество (n_3) учащихся, сделавших число ошибок, лежащих в интервалах (0 – 2), (2 – 4), (4 – 6), (6 – 8), (8 – 10), (10 – 12), (12 – 14). При этом те, кто сделал число ошибок, лежащее на границе 2-х интервалов, относились к интервалу, лежащему слева (например, сделавшие 4 ошибки отнесены к интервалу (2 – 4)). Из рисунка 1а видно, что в третьем (исходном для данного цикла экспериментов) классе учащихся можно разделить по грамотности на 3 группы. Учащиеся с хорошими исходными данными (5 чел.), учащиеся со средними исходными данными (18 чел.) и учащиеся с плохими исходными данными (2 чел.).

Для оценки динамики изменения грамотности тех же 25 учеников аналогичные по сложности диктанты были проведены в первой четверти 5-го класса (напомним, 4-го класса в данной школе нет, и между этими двумя экспериментами прошло около полугода, включая летние каникулы).

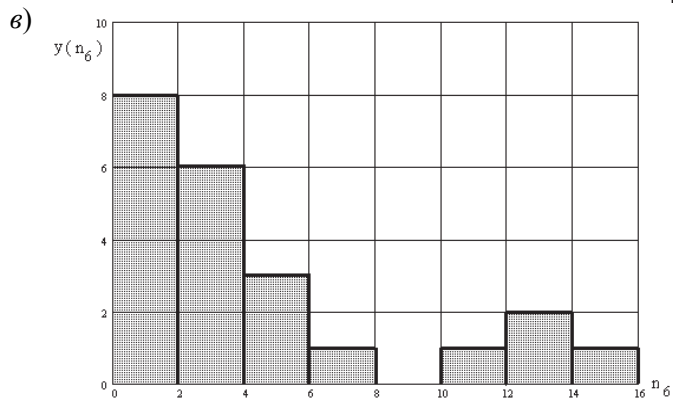
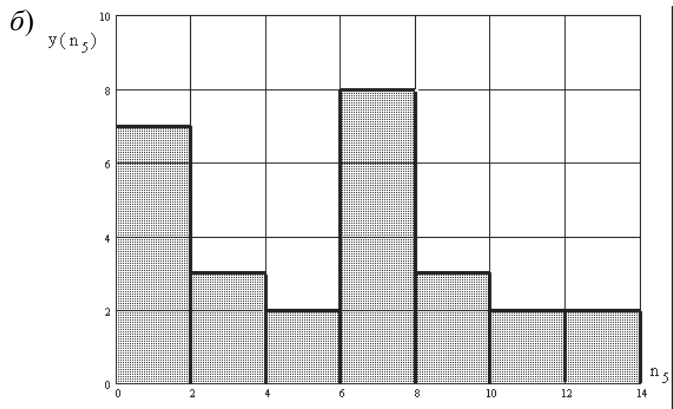
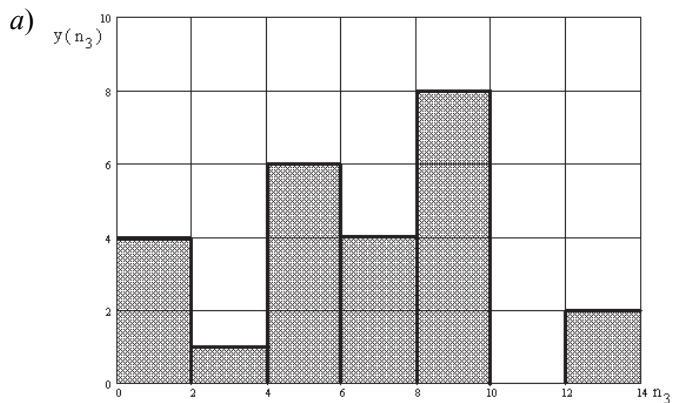

Рис. 1. Диаграммы, отражающие распределение учащихся по числу ошибок, сделанных ими в диктантах:
 а) в 3-м классе (n_3); б) в 5-м классе (n_5); в) в 6-м классе (n_6)

Числа ошибок, сделанных теми же учащимися в двух диктантах 5-го класса, приведены в 3-м столбце таблицы П 1, представленной в Приложении. Расчеты по формулам (1), (2) дали в этом случае следующие результаты: $\bar{n}_5 = 5,6$, $\sigma_{n_5} = 3,7$. Диаграмма, построенная по результатам этих диктантов, показана на рисунке 1б. Из нее видно, что характер распределения учащихся по грамотности несколько изменился. Увеличилась доля учащихся, допустивших малое число ошибок, и уменьшилась доля учащихся со средним числом ошибок, при этом грамотность слабых учащихся практически не изменилась.

Во втором полугодии 6-го класса проверка грамотности была проведена в третий раз. (Правда, из 25 учащихся в 6-м классе осталось 22, что отражено в таблице П 1 Приложения.) Диаграмма, отражающая распределение учащихся в 6-м классе по числу сделанных ошибок, приведена на рисунке 1в. Из этого рисунка видно, что тенденции, отмеченные при сравнении данных по 5-му и 3-му классам, сохранились и в 6-м классе. Среднее число ошибок $\bar{n}_6 = 4,6$, среднеквадратичное отклонение $\sigma_{n_6} = 4,5$. Продолжается рост числа учащихся, делающих малое число ошибок за счет уменьшения числа учащихся со средним числом ошибок. Однако группа учащихся, допускающих большое число ошибок, не уменьшилась.

1.2. Оценка стабильности характеристик грамотности

Приведенные расчеты характеризуют в среднем грамотность рассматриваемой группы учащихся. Однако они не дают представления о стабильности грамотности во времени. Оценить эту стабильность можно, рассчитав коэффициент корреляции между совокупностями ошибок в диктантах, проведенных в различное время. Коэффициент корреляции между совокупностями ошибок в двух различных испытаниях рассчитывается по формуле [4; 5]:

$$k_{ni,nj} = \frac{1}{\sigma_{n_i}\sigma_{n_j}} \sum_{m=1}^{M_j} (n_{mi} - \bar{n}_i)(n_{mj} - \bar{n}_j), \quad (3)$$

где n_{mi} и n_{mj} — числа ошибок учащегося со списочным номером m в i -м и j -м классах,

$\bar{n}_i$ и $\bar{n}_j$ — средние значения чисел ошибок в i -м и j -м классах,

σ_{ni} , σ_{nj} — среднеквадратичные отклонения чисел ошибок в i -м и j -м классах.

Обратим внимание на важное свойство коэффициента корреляции (3). Если $n_{mi} = n_{mj}$, то $k_{ni, nj} = 1$. Это следует из формул (2), (3), и это означает, что коэффициент корреляции совокупности $\{n_{mi}\}$ с той же совокупностью, характеризующий максимально возможную статистическую связь, равен единице и не может быть больше единицы. Чем меньше коэффициент корреляции $k_{ni, nj}$, тем слабее статистическая связь между двумя совокупностями $\{n_{mi}\}$ и $\{n_{mj}\}$, характеризующими состояние грамотности класса на различных отрезках времени (в данном случае на различных уровнях обучения).

Коэффициент корреляции между совокупностями ошибок n_{m3} и n_{m5} в диктантах 3-го и 5-го классов, рассчитанный по формуле (3) и данным 2-го и 3-го столбцов таблицы П 1 из Приложения, оказался равным $k_{n3, n5} = 0,90$.

Чтобы пояснить смысл такого значения коэффициента корреляции, рассмотрим диаграмму, показанную на рисунке 2а. На этом рисунке по оси абсцисс отложено число ошибок, сделанных учащимся со списочными номерами m в диктантах 3-го класса, по оси ординат — число ошибок, сделанных тем же учащимся в диктантах 5-го класса. Таким образом, учащемуся с номером m на рисунке 2а ставится в соответствие точка с координатами (n_{m3}, n_{m5}) . Например, учащийся со списочным номером $m = 5$ в соответствии с рисунком 2а сделал в 3-м классе 3,5 ошибки, а в 5-м — 2. Нетрудно видеть, что у большинства учащихся изменение числа ошибок в этих двух испытаниях относительно невелико. Заметные изменения в лучшую сторону произошли у учеников со списочными номерами 10, 11, а в худшую — у ученика с номером 20. Однако на общий уровень статистической связи между мерами грамотности в 3-м и 5-м классах эти изменения существенного влияния не оказали: коэффициент корреляции уменьшился на 0,1 по сравнению с максимально возможной величиной. Если при расчете коэффициента корреляции исключить этих трех учащихся, то коэффициент корреляции будет равен 0,97.

Аналогичным образом был рассчитан коэффициент корреляции между совокупностями $\{n_{m5}\}$ и $\{n_{m6}\}$ ошибок, сделанных учащимися в 5-м и 6-м классах. Он оказался равным $k_{n5, n6} = 0,69$.

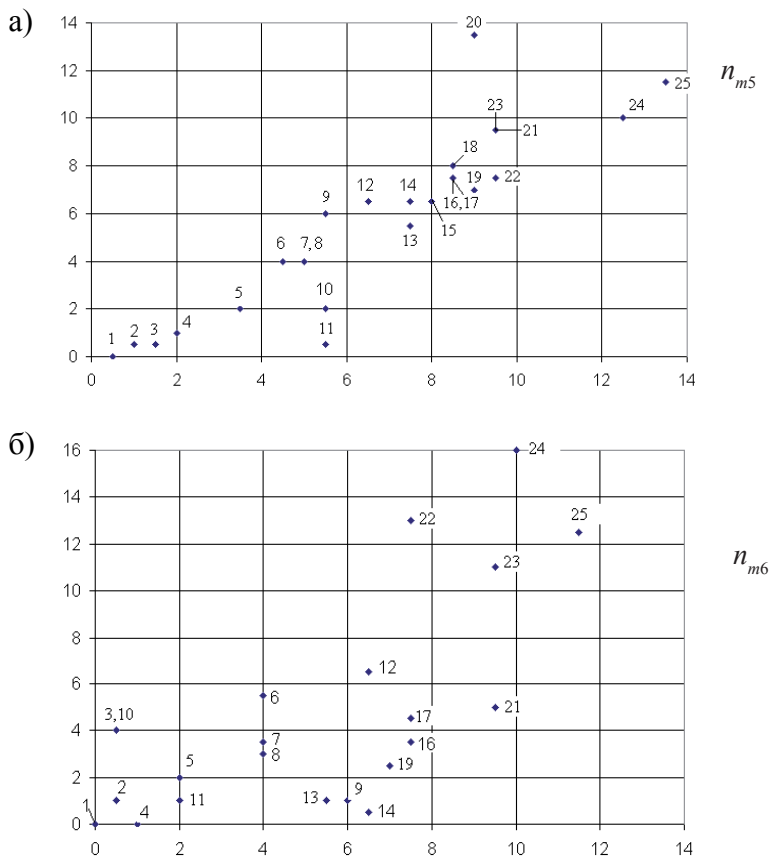

Рис. 2. Диаграммы, характеризующие изменение грамотности учащихся в интервалах между двумя измерениями:

а) между 3-м и 5-м классами; б) между 5-м и 6-м классами

Диаграмма изменений грамотности между 5-м и 6-м классами показана на рисунке 2б. Из этой диаграммы видно, что за этот период у значительного числа учащихся произошли заметные изменения грамотности: у учащихся со списочными номерами 9, 13, 14, 16, 17, 19, 21 заметно уменьшилось число ошибок, а у учащихся с номерами 3, 10, 22, 24 число ошибок заметно увеличилось. Именно эти обстоятельства привели к снижению коэффициента корреляции до 0,69.

Таким образом, значение коэффициента корреляции при сравнении испытаний в 3-м и 5-м классах позволяет сделать вывод

о достаточно высокой стабильности распределения учащихся по числу ошибок, хотя испытания были разделены почти полугодичным интервалом и проводились на различных диктантах. Если бы два испытания были разделены меньшим интервалом, следовало бы ожидать еще более сильной корреляции, однако единичная корреляция при испытаниях на различных диктантах не может быть достигнута из-за влияния многочисленных факторов на состояние учащихся при выполнении работ в разное время.

Испытания в 5-м и 6-м классах были разделены более чем годичным интервалом, в течение которого началось систематическое изучение грамматики. Очевидно, что этот материал усваивался и использовался при написании диктантов по-разному разными учащимися. Этим можно объяснить значительные изменения грамотности учащихся по сравнению с прогнозом, который мог быть сделан на основе распределения учащихся по грамотности в 5-м классе. Относительно близкими к прогнозируемым результатам оказались числа ошибок, сделанных учащимися со списочными номерами 1, 2, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12, 23, 25. Числа сделанных ими ошибок в диктантах 6-го класса близки к числам ошибок, сделанных ими в диктантах 5-го класса, умноженным на отношение $(\bar{n}_6 / \bar{n}_5)$, характеризующее изменение сложности диктанта 6-го класса по сравнению с диктантом 5-го класса.

Уменьшение коэффициента корреляции между результатами испытаний в 5-м и 6-м классах отражает различие скоростей прогресса отдельных учащихся на интервале, разделяющем эти два испытания. То обстоятельство, что из 22 учащихся 11 человек показали в 6-м классе результаты, очень близкие к прогнозируемым по данным 5-го класса, объясняет достаточно высокий коэффициент корреляции между характеристиками грамотности в 5-м и 6-м классах.

2. Другие формы проявления языковых способностей

2.1. Скорость чтения

Одной из форм проявления языковых способностей [8] является чтение. Поэтому развитие навыков чтения находят-

ся под контролем учителя начиная с первого класса. Соответствующий вид занятий в школьной программе назван «Техникой чтения». Для количественной оценки техники чтения в школьной практике используется *скорость чтения*. Скорость чтения определяется количеством слов, прочитанных учащимся за 1 минуту. При ее измерении детям предлагается специально подобранный текст. Установлены определенные нормативы по скорости чтения для учащихся разных классов. Эти нормативы даны в таблице 1.

Таблица 1

**Нормативы по скорости чтения
для учащихся общеобразовательной школы**

	1-е полугодие	2-е полугодие
1 класс	20–30 слов	30–40 слов
2 класс	40–45 слов	45–50 слов
3 класс	50–60 слов	65–70 слов
5 класс	70–80 слов	80–90 слов
6 класс	90–110 слов	110–120 слов

Представляет интерес провести статистический анализ данных о скорости чтения той же группы учащихся, для которой был выполнен анализ грамотности. В Приложении приведены данные о скорости чтения той же группы учащихся (5-й, 6-й, и 7-й столбцы таблицы П 1).

Диаграммы, характеризующие распределение учащихся по скорости чтения, построенные по данным таблицы П 1, приведены на рисунке 3. Были рассчитаны средние скорости чтения по всей группе учащихся и среднеквадратичные отклонения от средних скоростей. Эти данные приведены в таблице 2.

Из приведенных данных видно, что большинство учащихся изучаемой группы соответствует нормативным требованиям по скорости чтения.

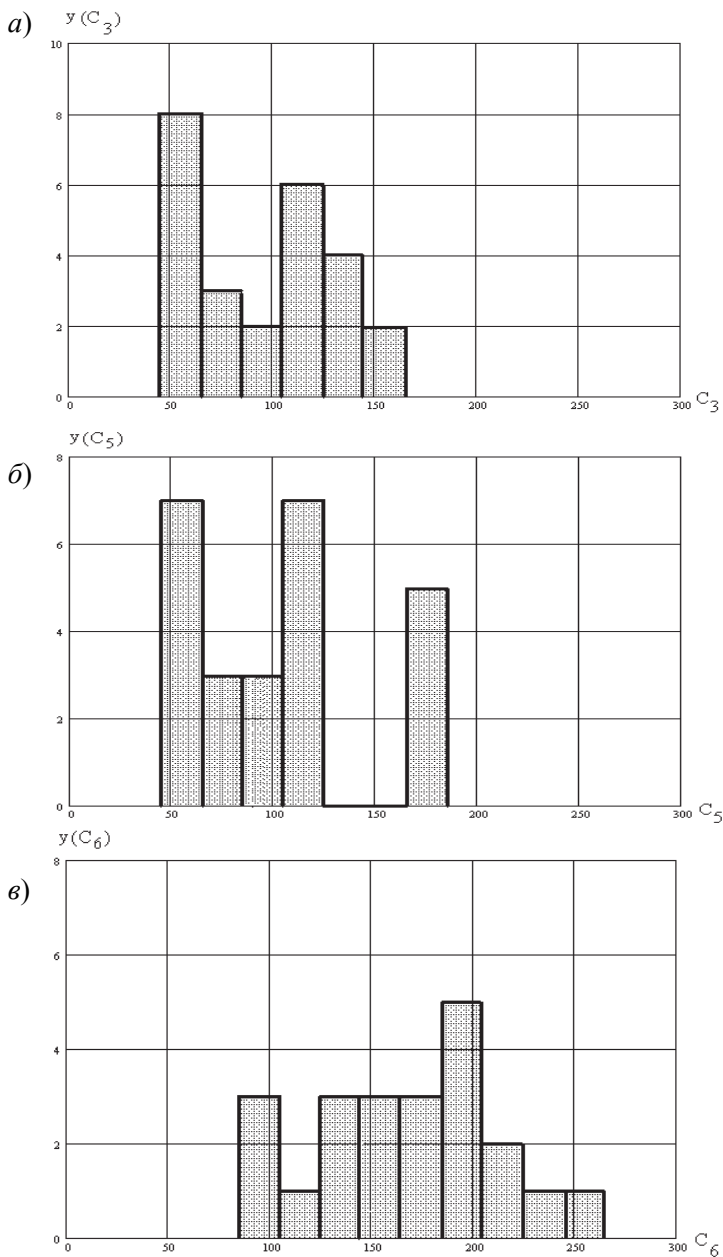

Рис. 3. Диаграммы, характеризующие распределение группы учащихся по скорости чтения:
 а) 3-й класс; б) 5-й класс; в) 6-й класс

Таблица 2

**Средние характеристики скорости чтения
и среднеквадратичные отклонения от средней скорости**

Класс (<i>j</i> -й)	Средняя скорость чтения (слов/мин) $\bar{c}_j$	Максимальная нормативная скорость	Среднеквадратич- ное отклонение от средней скорости чтения σ_{cj}
3-й	98	70	37
5-й	104	80	43
6-й	168	120	43

Из сравнения диаграмм распределения учащихся по скорости чтения для разных уровней обучения видно, что увеличение средней скорости чтения в интервале между 3-м и 5-м классами (рис. 3а и рис. 3б) происходит в основном за счет увеличения числа быстро читающих. В интервале между 5-м и 6-м классами наблюдается примерно одинаковое абсолютное приращение скорости быстро читающих и медленно читающих (сдвиг диаграммы рисунка 3в вправо относительно диаграммы рисунка 3б) с сохранением примерно того же среднеквадратичного разброса скоростей.

Перейдем к анализу характера изменения скорости чтения учащихся изучаемой группы. Для оценки стабильности взаимного распределения их по скорости чтения рассчитаем коэффициент корреляции между столбцами таблицы П 1, характеризующими скорость чтения каждого учащегося в каждом классе.

Обозначим скорость чтения учащегося со списочным номером *m* в классе с номером *j* через C_{mj} (тогда скорость чтения ученика с номером 12 в 3-м классе будет обозначена C_{123} и в соответствии с табл. П 1 она равна 143 словам в мин.). Тогда коэффициент корреляции между данными о скорости чтения в классе с номерами *i* и *j* рассчитывается по формуле:

$$k_{ci,cj} = \frac{1}{\sigma_{ci}\sigma_{cj}} \sum_{m=1}^M (C_{mi} - \bar{C}_i)(C_{mj} - \bar{C}_j), \quad (4)$$

где $\bar{C}_i$ и $\bar{C}_j$ — средние скорости чтения на уровнях *i*-го и *j*-го классов,

соответственно:

$$\bar{C}_i = \frac{1}{M} \sum_{m=1}^M C_{mi}, \quad (5)$$

а σ_{ci} и σ_{cj} — среднеквадратичные разбросы скоростей:

$$\sigma_{ci} = \sqrt{\frac{1}{M-1} \sum_{m=1}^M (C_{mi} - \bar{C}_i)^2}. \quad (6)$$

Коэффициенты корреляции между скоростями чтения в смежных классах были рассчитаны по формулам (4), (5), (6) и имеют следующие значения:

$$k_{c3, c5} = 0,97, k_{c5, c6} = 0,79. \quad (7)$$

Чтобы пояснить смысл этих коэффициентов, рассмотрим диаграммы, характеризующие изменение скорости чтения каждого учащегося при переходах от 3-го класса к 5-му и от 5-го к 6-му (рис. 4). Диаграмма перехода от 3-го класса к 5-му (рис. 4а) показывает, что изменения скорости чтения каждого учащегося за примерно полугодовой интервал относительно невелики. Все точки расположены вблизи прямой, на которой отношение скоростей чтения в 5-м и 3-м классах постоянно и равно отношению средних скоростей ($\bar{C}_5 / \bar{C}_3$). Этим объясняется высокое значение коэффициента корреляции $k_{c3, c5}$ (7). Из этого результата можно сделать вывод о стабильности распределения учащихся по скоростям чтения на относительно небольшом отрезке времени (полгода) и о достоверности сделанных оценок скоростей чтения учащихся на данном отрезке времени.

Коэффициент корреляции $k_{c5, c6}$ оказался заметно меньше единицы. Это свидетельствует о различном характере изменения скорости чтения у разных учащихся. Так, у учащихся со списочными номерами 3, 5, 16, 17, 22, 24, 25 скорость чтения увеличилась значительно больше, чем в среднем по группе, у учащихся с номерами 1, 2, 7, 9 значительно меньше, чем в среднем. Это отражается в уменьшении коэффициента корреляции.

2.2. Глубина чтения

При оценке языковых способностей по скорости чтения возникает вопрос о том, насколько хорошо учащийся понимает прочитанное и выделяет основное содержание читаемого материа-

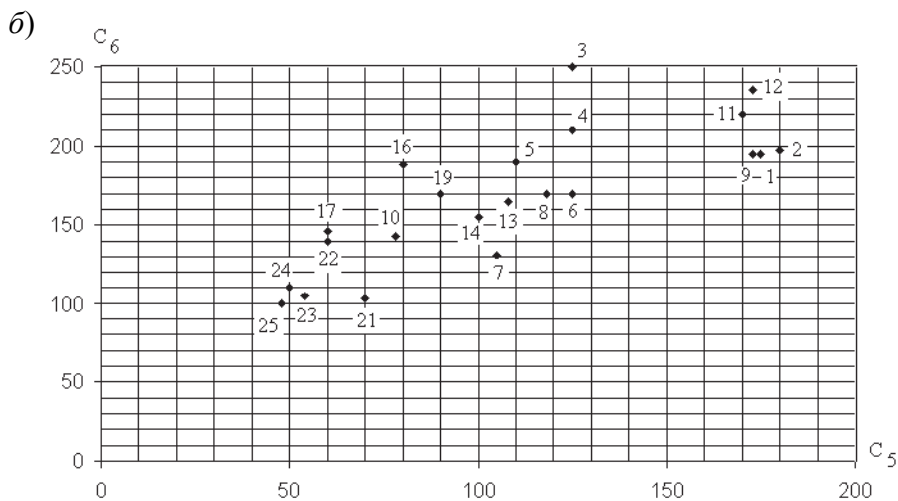
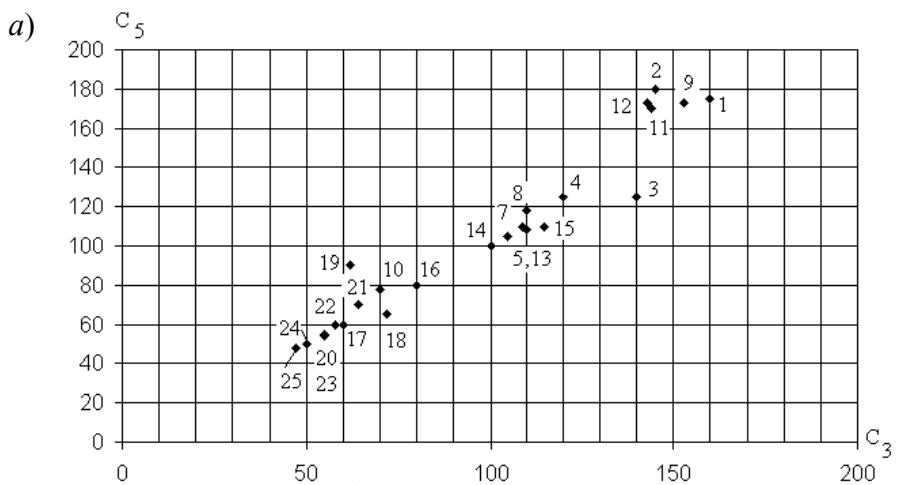

Рис. 4. Диаграммы, характеризующие изменение скорости чтения учащихся в интервалах между двумя измерениями:

а) между измерениями в 3-м и 5-м классах;

б) между измерениями в 5-м и 6-м классах

ла. Для количественной оценки глубины понимания читаемого материала И.Ф. Неволным [6] была введена характеристика, названная им «глубиной чтения», и разработана методика ее измерения.

Эта методика состоит в следующем. Учащийся читает (про себя) предложенный ему текст как можно внимательнее, чтобы после прочтения подробно пересказать его, употребляя ключевые слова. Текст напечатан на одной стороне стандартного листа, и, прочитав его, учащийся переворачивает лист чистой стороной вверх. Фиксируется время от момента начала чтения до завершения. Это время называется «время визирования» и обозначается $t_{\text{виз}}$.

Затем он пересказывает текст. По неточностям пересказа или пропущенным частям ему задаются вопросы, которые не должны быть подсказывающими. Если он не может ответить на вопрос по памяти, то ему разрешается повернуть лист, найти место в тексте, позволяющее дать правильный ответ, снова повернуть лист чистой стороной вверх и ответить на вопрос. Время каждого дополнительного просмотра текста t_k ($k = 1, 2, \dots, K$), где K — общее число дополнительных просмотров, измеряется.

Глубина чтения g каждого ученика рассчитывается по формуле:

$$g = \frac{N}{t_{\text{виз}} + \sum_{k=1}^K t_k}, \quad (8)$$

где N — число слов в тексте.

Результаты измерения глубины чтения для той же группы учащихся, о которой шла речь выше, приведены в таблице П 1 Приложения (8, 9 и 10 — столбцы). Диаграммы, характеризующие распределение учащихся по глубине чтения в 3-м, 5-м и 6-м классах, приведены на рисунке 5, а в таблице 3 приведены средние значения глубины чтения в каждом классе и среднеквадратичные отклонения от средних значений.

Таблица 3

Средние характеристики глубины чтения

Класс (<i>j</i> -й)	Средняя глубина чтения (слов/мин.) $\bar{g}_j$	Среднеквадратичное отклонение от средней глубины чтения σ_{gj}
3-й	71	30
5-й	65	37
6-й	99	33

Из таблицы 3 видно, что средняя глубина чтения в интервале между 3-м и 5-м классами почти не изменилась (формально даже несколько снизилась), а в интервале между 5-м и 6-м классами глубина чтения заметно увеличилась. Это свидетельствует об интеллектуальном развитии учащихся на данном интервале. Среднеквадратичный разброс по глубине чтения остается примерно постоянным для исследуемой группы, что отражает степень неоднородности группы по языковым способностям.

Сравнивая усредненные характеристики скорости чтения (табл. 2) и глубины чтения (табл. 3), видим, что средняя глубина чтения меньше соответствующей средней скорости в каждом классе. Среднеквадратичные разбросы по скорости чтения в различных классах также слабо различаются. По величине среднеквадратичные разбросы по глубине чтения и по скорости чтения также различаются незначительно. Поэтому о степени неоднородности группы по языковым способностям можно судить как по среднеквадратичному разбросу по глубине чтения, так и по среднеквадратичному разбросу по скорости чтения. Сравнение диаграмм, показанных на рисунке 5, подтверждает вывод о практическом отсутствии прогресса каждой подгруппы учащихся по глубине чтения между 3-м и 5-м классами и о заметном прогрессе каждой подгруппы в интервале между 5-м и 6-м классами.

Перейдем к анализу характера изменения глубины чтения среди учащихся изучаемой группы. Для оценки стабильности взаимного расположения их по глубине чтения рассчитаем коэффициенты корреляции между столбцами таблицы П 1, характеризующими глуби-

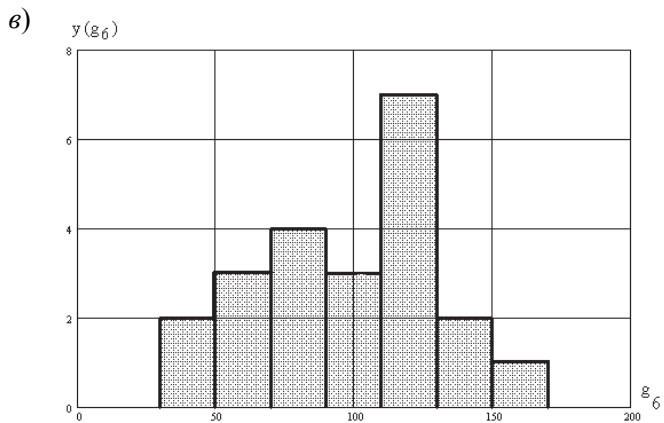
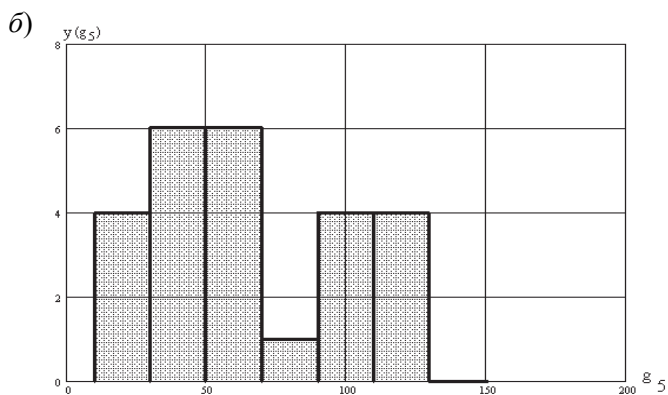
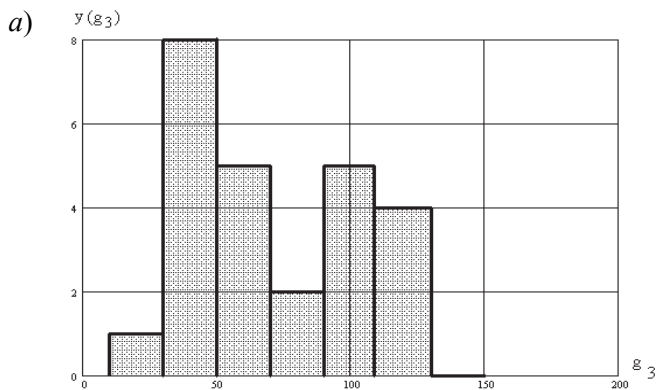

Рис. 5. Диаграммы, характеризующие распределение группы учащихся по глубине чтения:
 а) 3-й класс; б) 5-й класс; в) 6-й класс

ну чтения каждого учащегося в каждом классе. Расчеты коэффициентов корреляции выполнялись по формулам (4 – 6), в которых значения скорости чтения m -го учащегося в j -м классе C_{mj} , заменялись значениями глубины чтения g_{mj} того же учащегося в том же классе. Рассчитанные коэффициенты корреляции между глубинами чтения в смежных классах имеют следующие значения:

$$k_{g^3, g^5} = 0,55, k_{g^5, g^6} = 0,45. \quad (9)$$

Как и прежде, поясним эти значения, пользуясь диаграммами, приведенными на рисунке 6. Из них видно, что у значительной части учащихся произошли существенные изменения глубины чтения в каждом из интервалов (между 3-м и 5-м классами и между 5-м и 6-м). Учащиеся со списочными номерами 5, 6, 7, 10, 14, 19, 23 заметно улучшили эту характеристику в интервале между измерениями в 3-м и 5-м классах (рис. 6а). Учащиеся со списочными номерами 3, 9, 12, 13, 21, 22, 24 в том же интервале ухудшили эту характеристику. Остальные 11 учащихся показали примерно одинаковые результаты в этих испытаниях. Эта изменчивость индивидуальных значений глубины чтения отражается в уменьшении коэффициента корреляции по глубине чтения по сравнению с коэффициентом корреляции по скорости чтения. Еще более сильные относительные перемещения учащихся по этой характеристике наблюдаются в интервале между испытаниями в 5-м и 6-м классах (см. рис. 6б). Соответственно уменьшился и коэффициент корреляции k_{g^5, g^6} (9).

2.3. Слоговоеделение

Одним из проявлений языковых способностей учащихся является умение правильно делить слово на слоги. Опыт показывает, что без освоения слогоделения невозможно научиться рациональному чтению. Поэтому представляет интерес измерение способности учащихся правильно выполнять слогоделение и анализ связи этой языковой способности с другими языковыми способностями учащихся.

Измерение навыков слогоделения было проведено в той же группе учащихся по следующей методике. Учащимся было предложено 72 специально подобранных слова, содержащих различное

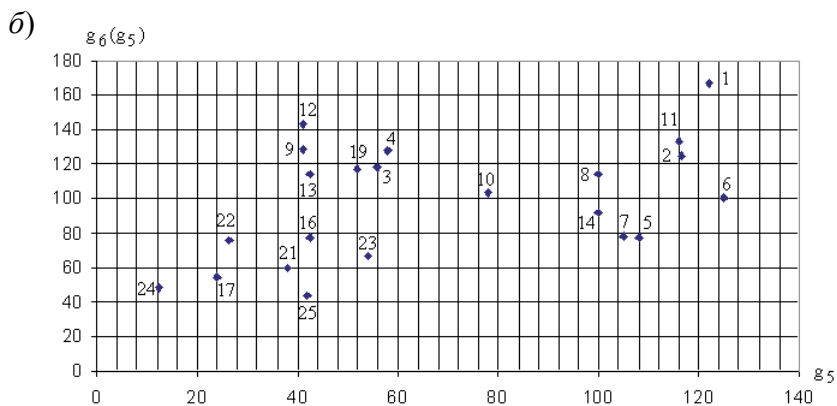
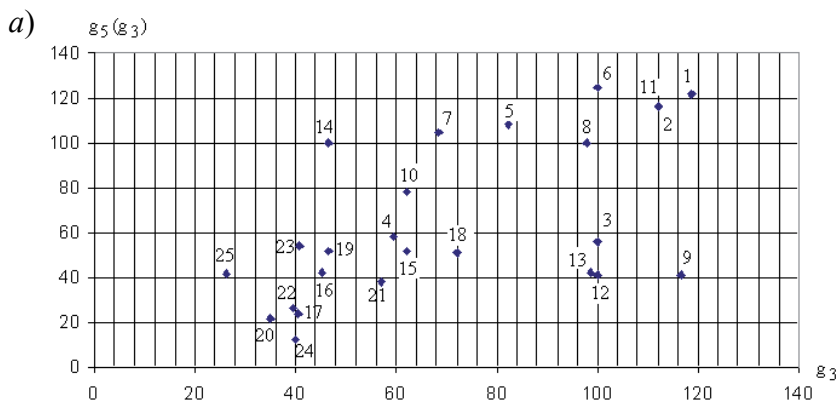

Рис. 6. Диаграммы, характеризующие изменения глубины чтения учащихся в интервалах между двумя измерениями:

а) между измерениями в 3-м и 5-м классах;

б) между измерениями в 5-м и 6-м классах

количество слогов (от одного до восьми). Эти слова относились к различным частям речи. Результаты их работы оценивались по количеству сделанных ошибок (таких как несоответствие числа слогов и числа гласных). Эти результаты приведены в таблице П 2 Приложения. В столбцах 2, 3, 4 представлены числа ошибок, сделанных учащимися при испытаниях, проведенных в 3-м, 5-м и 6-м классах.

На рисунке 7 показаны диаграммы, характеризующие распределение учащихся по числу ошибок, сделанных в этих испытаниях в 3-м, 5-м и 6-м классах. Из этих диаграмм видно, что подавляющее большинство учащихся сделало в этих работах не более одной ошибки, хотя отдельные учащиеся в 3-м классе сделали по 10–12 ошибок, а один учащийся в 6-м классе сделал 25 ошибок. (При окончательной обработке данных по 6-му классу этот результат был исключен, так как этот выброс был связан со стрессовым состоянием учащегося во время выполнения контрольной работы.) Средние значения чисел ошибок и среднеквадратичные отклонения от среднего приведены в таблице 4. В последней строке в скобках приведены данные, полученные с учетом аномального числа ошибок в работе учащегося со списочным номером 16 (25 ошибок). Основная цифра последней строки получена без учета этого выброса.

Таблица 4

**Средние характеристики результатов
контроля навыков слогаделения**

Класс (j-й)	Среднее число ошибок $\bar{r}_j$	Среднеквадратичное отклонение σ_{rj}
3-й	2,6	3,5
5-й	1,6	2,2
6-й	1,2 (2,3)	1,77 (5,36)

Коэффициенты корреляции между числами ошибок рассчитывались по формуле (3) с заменой обозначений чисел ошибок в диктантах числами ошибок в работах по слогаделению. При этом под r_{mi} понималось число ошибок в работе учащегося по слогаделению. Результирующие значения коэффициентов корреляции таковы:

$$k_{r3, r5} = 0,88, k_{r5, r6} = 0,2 (0,4) \quad (10)$$

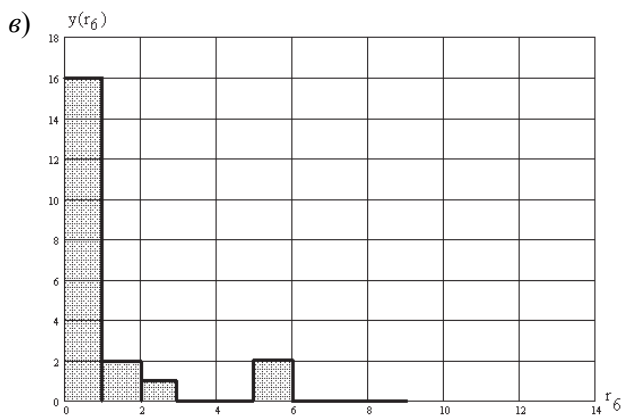
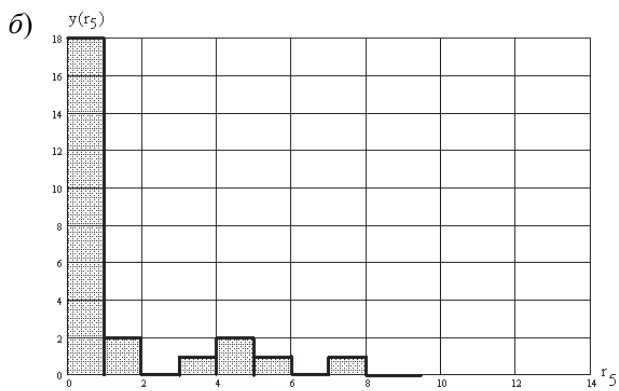
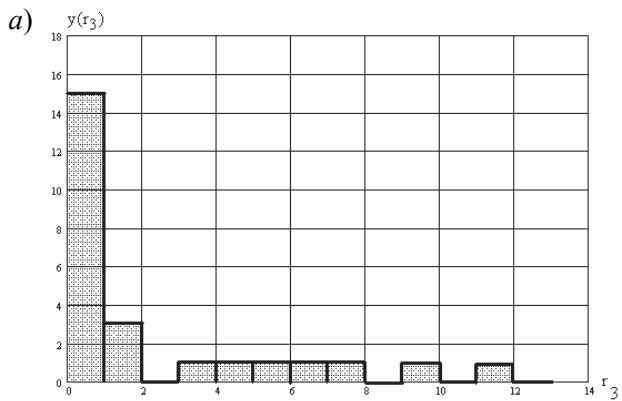

Рис. 7. Диаграммы, характеризующие распределение учащихся по числу ошибок в контрольной работе по слогаделению:
 а) 3-й класс; б) 5-й класс; в) 6-й класс

Диаграммы изменения числа ошибок в слогаделении показаны на рисунке 8. Из них видно, что по этой характеристике в рассматриваемой группе учащихся существенных изменений приобретенных навыков (и соответственно числа делаемых ошибок) между 3-м и 5-м классам и между 5-м и 6-м классам не происходит. Возрастает процент учащихся, делающих очень малое число ошибок в тестовой работе по слогаделению. Можно утверждать, что к концу 6-го класса подавляющее большинство учащихся данной группы слогаделение выполняет правильно.

2.4. Слогаделение с учетом требования морфологической правильности

Результаты работ по слогаделению, полученные в процессе проведения эксперимента с той же группой учащихся в 3-м, 5-м и 6-м классах, были проанализированы с иной точки зрения. В данном случае определялось количество ошибок с учетом требования морфологической правильности слогаделения, т. е. учитывалось умение ребенка отделить при членении слова на слоги приставку от корня (от-блеск, по-стель, рас-свет, на-гнись, о-слаб и др.), корень от суффикса, например, отделить суффиксы -ск, -ств, -ник, -ост, -лив, -ну и др. Такого рода умение тоже может рассматриваться как одна из форм проявления языковых способностей детей определенного возраста. Будем далее для краткости называть такое слогаделение морфослогаделением.

При статистической обработке материала в качестве ошибок учитывались все отклонения от морфологически правильного слогаделения и те случаи, когда правила слогаделения давали возможность реализовать правильное морфослогаделение, а учащийся эти возможности не использовал. Например, вместо правильного морфослогаделения «по-стель» (с отделением приставки от корня) приводилось морфологически неверное «пос-тель». Так, при делении слова «прыгнул» на слоги возможны варианты «прыг-нул» и «пры-гнул», но правильным считается первый, так как при этом корень отделяется от суффикса; при делении на слоги слова «промокли» возможны варианты «про-мок-ли» и «про-мо-кли», но первый считается правиль-

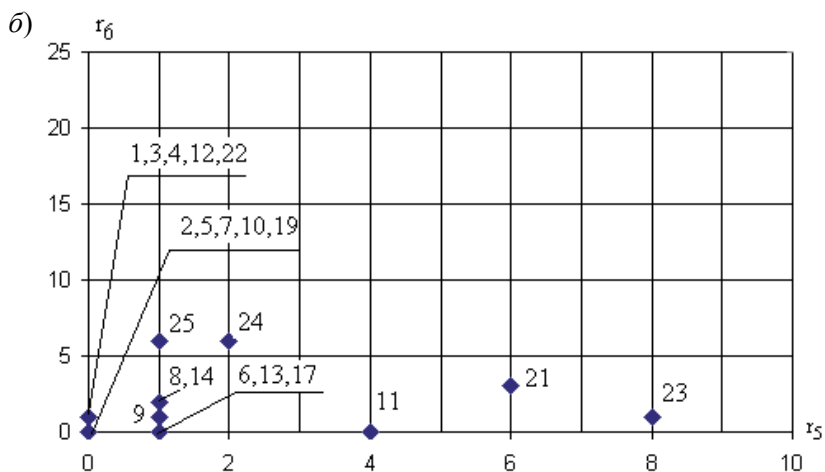
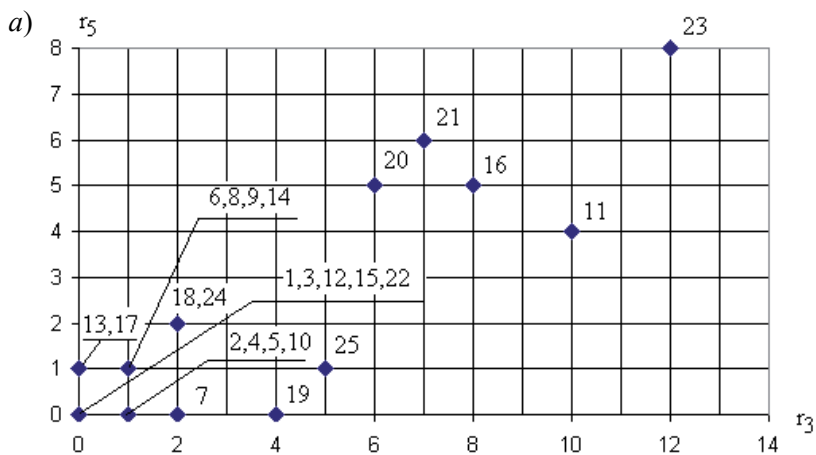

Рис. 8. Диаграммы, характеризующие изменение числа ошибок учащихся в работах по слогаделению в интервалах между двумя измерениями:
 а) между измерениями в 3-м и 5-м классах;
 б) между измерениями в 5-м и 6-м классах

ным, так как корень отделяется от суффикса. Проявление этой языковой способности учащихся оценивалось по количеству допущенных ошибок. Соответствующие числа ошибок приведены в таблице П 2.

Приложения. В столбцах 5, 6, 7 представлены числа ошибок, сделанных учащимися при проведении экспериментов в 3-м, 5-м и 6-м классах.

На рисунке 9 приведены диаграммы, дающие представление о распределении учащихся по числу ошибок, допущенных ими в процессе проведения экспериментов в 3-м, 5-м и 6-м классах. Из анализа диаграмм видно, что количество ошибок, сделанных учениками, от класса к классу несколько увеличивается. Если в 3-м классе количество ошибок колеблется от 4 до 26, то в 5-м классе это колебание происходит в пределах от 10 ошибок до 32, а в 6-м от 4 до 34 ошибок. При этом важно отметить, что набор слов, использованный в экспериментах, во всех классах был одним и тем же. Диаграммы также демонстрируют определенную равномерность распределения ошибок между учащимися в каждом классе. Средние значения чисел ошибок и среднеквадратичные отклонения от среднего приведены в таблице 5. Данные таблицы 5 подтверждают выводы, сделанные на основе анализа диаграмм рисунка 9.

Таблица 5

Средние характеристики результатов работ по морфослогоделению

Класс (j-й)	Среднее число ошибок $\bar{w}_j$	Среднеквадратичное отклонение σ_{wj}
3-й	17	6,3
5-й	20	7,6
6-й	21	7,7

Коэффициенты корреляции между числами ошибок были рассчитаны с использованием формул (3, 4), в которых числа ошибок в диктантах n_{mj} были заменены числами ошибок учащихся в работах по морфослогоделению w_{mj} . Полученные значения коэффициентов корреляции таковы:

$$k_{n3, w5} = 0,65, k_{n5, w6} = 0,46. \quad (11)$$

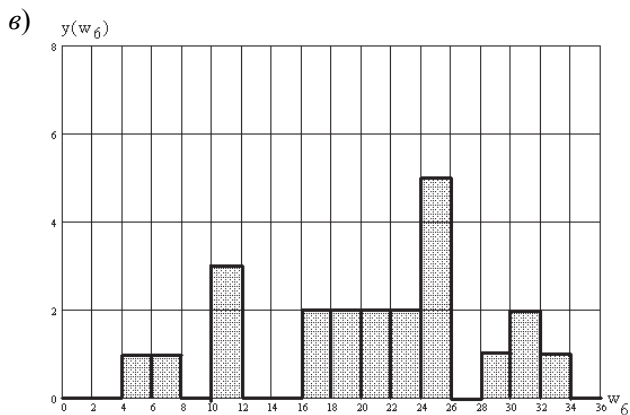
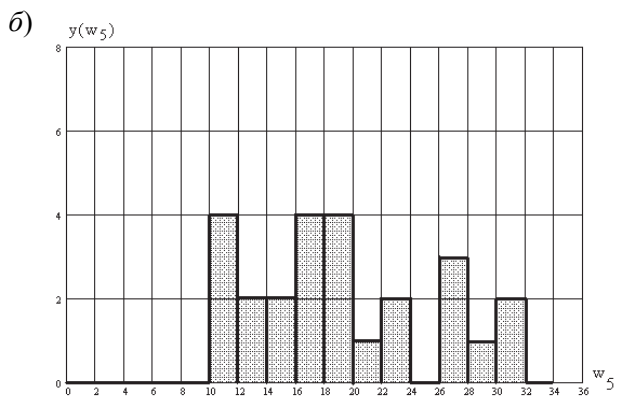
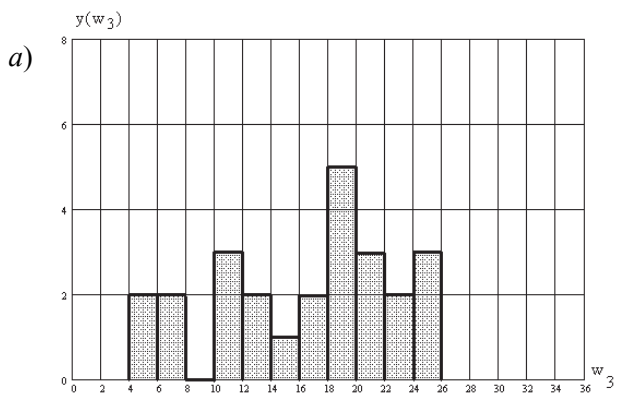

Рис. 9. Диаграммы, характеризующие распределение учащихся по числу ошибок в контрольной работе по морфослогоделению: а) 3-й класс; б) 5-й класс; в) 6-й класс

Диаграммы изменения числа ошибок при слоговой делении с учетом морфоделения приведены на рисунке 10. Из анализа этих рисунков видно, что число ошибок, которое делает примерно 40 % учащихся, заметно изменилось от испытания в 3-м классе к испытанию в 5-м классе (рис. 10а). Это отражается в значении коэффициента корреляции $k_{w3, w5}$. Если сравнить результаты испытаний в 5-м и 6-м классах (рис. 10б), то число таких «нестабильных» учащихся возрастает примерно до 50–60 %. Соответственно и коэффициент корреляции между результатами этих испытаний $k_{w3, w5}$ оказался меньше.

Из этих результатов можно сделать вывод о том, что способность учащихся выполнять морфологически правильное слоговое деление в промежутке между 3-м и 6-м классами по крайней мере не улучшилось. Скорее следует отметить некоторое ухудшение этой способности в среднем по данной группе. Этот результат отличается от результатов оценки грамотности, скорости чтения, глубины чтения и навыков простого (обычного) слоговой деления. Все эти характеристики на данном интервале у всех учащихся испытываемой группы улучшились.

3. Связь грамотности с другими формами проявления языковых способностей

3.1. Связь между грамотностью и скоростью чтения

Из опыта многих учителей известно, что, как правило, те учащиеся, которые лучше читают, оказываются более грамотными, т. е. делают меньше ошибок в письменных работах. Однако информации о количественных характеристиках связи между грамотностью и уровнем развития техники чтения учащихся, насколько нам известно, в литературе нет.

Рассмотрим одну из возможных количественных характеристик этой связи, опираясь на данные о количестве ошибок, допущенных учащимися в испытательных работах, и данные о скорости чтения этих же учащихся (табл. П 1 Приложения).

В качестве количественной меры связи между грамотностью и скоростью чтения будем использовать коэффициент корреляции между совокупностями данных о числе ошибок учащихся и дан-

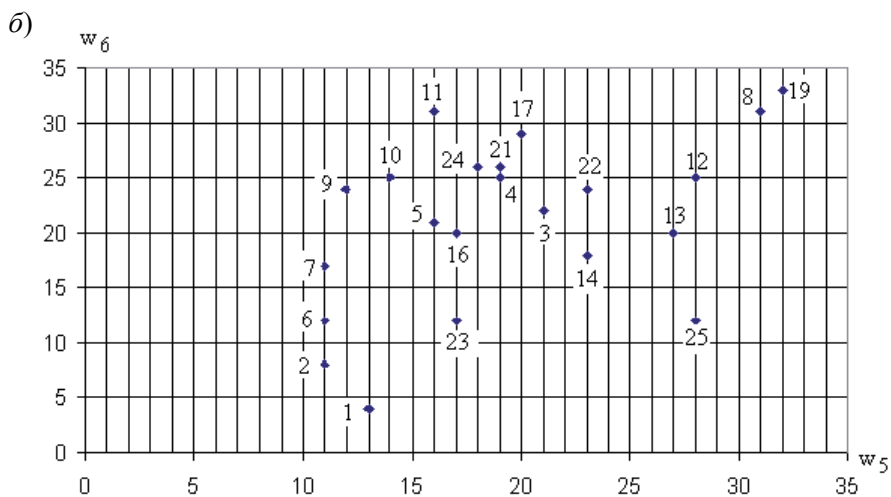
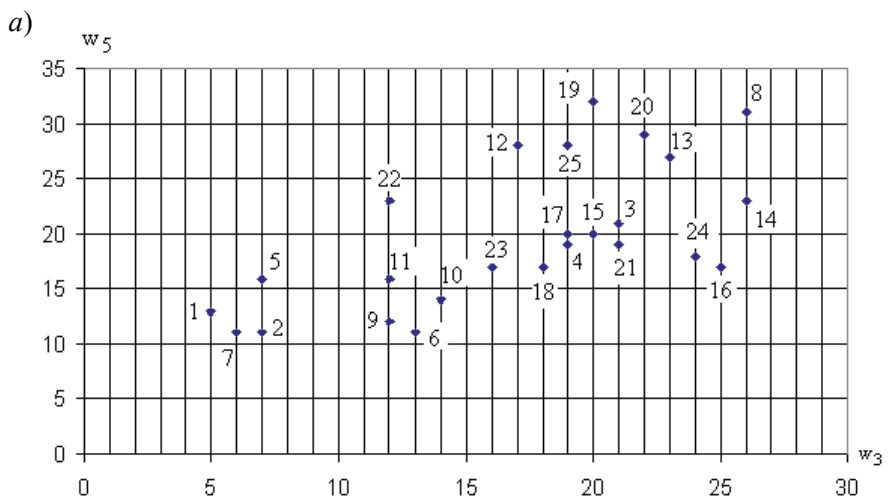

Рис. 10. Диаграммы, характеризующие изменения способности учащихся к морфослоговой делению в интервалах между двумя измерениями:

а) между измерениями в 3-м и 5-м классах;

б) между измерениями в 5-м и 6-м классах

ных об их скорости чтения. Этот коэффициент корреляции рассчитывается по формуле:

$$k_{ni,cj} = \frac{1}{\sigma_{ni} \sigma_{cj}} \sum_{m=1}^M (n_{mj} - \bar{n}_j)(C_{mj} - \bar{C}_j). \quad (12)$$

Все обозначения, используемые здесь, введены в пояснениях к формулам (3) и (4).

Чтобы пояснить смысл коэффициента корреляции (12), отметим, что если бы между скоростью чтения и числом ошибок существовала линейная связь, при которой

$$C_{mj} = C_0 - A \cdot n_{mj}, \quad (13)$$

(то есть с увеличением числа ошибок на n_{mj} скорость чтения C_{mj} того же учащегося уменьшалась бы на A слов в минуту), то коэффициент корреляции между скоростью чтения и числом ошибок был бы равен (-1) . Знак «минус» отражает тот факт, что с увеличением числа ошибок скорость чтения убывает (наблюдается в большинстве случаев). Однако у реальных учащихся связь между уменьшением скорости чтения и увеличением числа ошибок наблюдается *только в среднем* по достаточно большому числу испытуемых. Чем ближе коэффициент корреляции к (-1) , тем сильнее статистическая связь между скоростью чтения и грамотностью.

Поясним понятие статистической связи между грамотностью и скоростью чтения при помощи диаграмм связи между этими характеристиками для учащихся 3-го, 5-го и 6-го классов, показанных на рисунке 11.

Из рисунка 11а видно, что для большинства учащихся 3-го класса утверждение о том, что, чем больше число ошибок в тестовой работе, тем меньше скорость чтения, справедливо, хотя у некоторых учащихся при большей скорости чтения число ошибок также больше. Однако расчет коэффициента корреляции для этого класса дает величину $k_{n_3, c_3} = -0,81$. Это свидетельствует о том, что у большинства учащихся связь между скоростью чтения и грамотностью весьма сильна.

Аналогичные диаграммы связи, построенные по результатам испытаний в 5-м и 6-м классах, приведены на рисунке 11б, в. Из рисунка 11б видно, что для большинства учащихся в 5-м классе

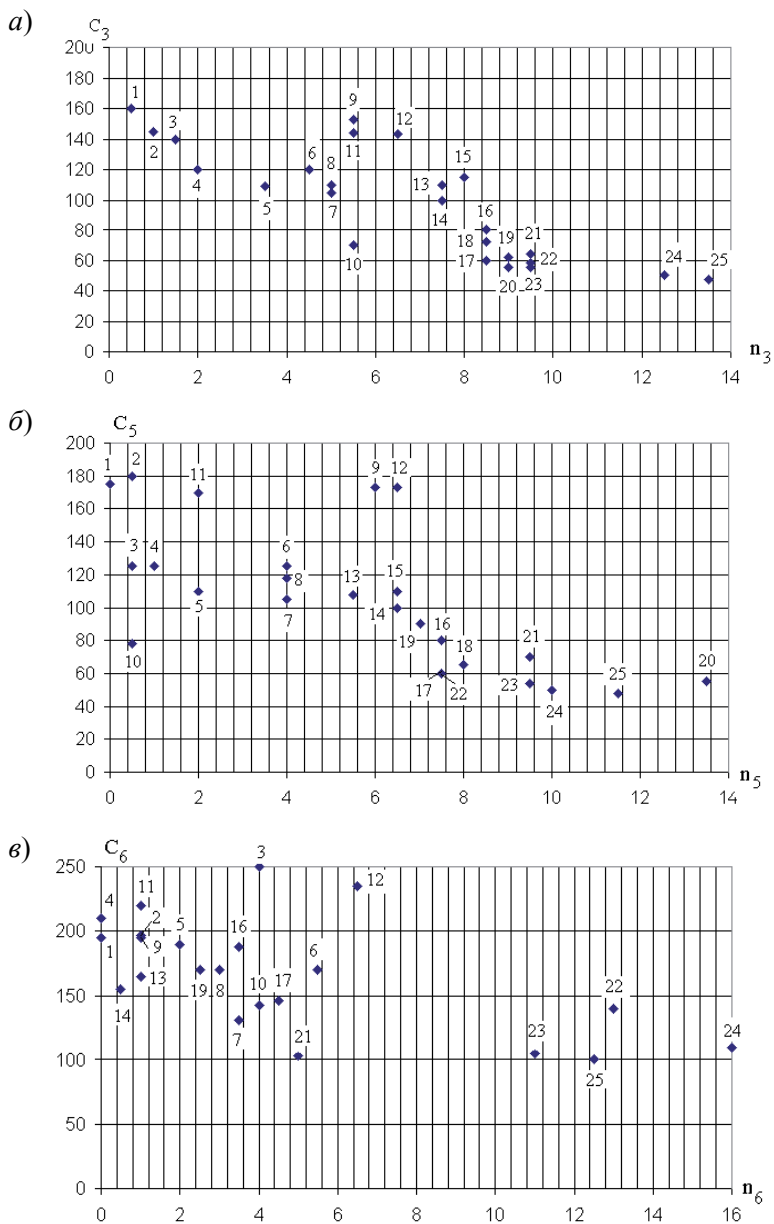

Рис. 11. Диаграммы, характеризующие связь между грамотностью и скоростью чтения:
 а) 3-й класс; б) 5-й класс; в) 6-й класс

снижение скорости чтения действительно сопровождается увеличением количества ошибок. Из общей тенденции выпадают учащиеся со списочными номерами 10 и 9, 11, 12. У учащегося с номером 10 наблюдается очень малое число ошибок при низкой скорости чтения. Напротив, у учащихся с номерами 9, 11, 12 при *почти максимальной* для данного класса скорости чтения число ошибок достаточно велико (оно близко к среднему по группе). Из-за аналогичных отклонений от общей тенденции коэффициент корреляции в 5-м классе ниже, чем в 3-м, и составляет $k_{n5, c5} = -0,69$.

Для 6-го класса диаграмма связи показана на рисунке 11в. Соответствующий коэффициент корреляции составляет $k_{n6, c6} = -0,60$.

Из полученных результатов можно сделать вывод о том, что взаимосвязь между скоростью чтения и грамотностью весьма сильна в младших классах и несколько ослабевает по мере перехода в более старшие классы. Поэтому важно проанализировать связь грамотности с другими формами проявления языковых способностей.

3.2. Связь между грамотностью и глубиной чтения

Несомненный интерес для данной работы представляет рассмотрение статистической связи между грамотностью и глубиной чтения.

Проанализируем количественные характеристики этой связи, используя данные о количестве ошибок, допущенных учащимися в экспериментальных диктантах и данных по глубине чтения.

Вновь в качестве количественной меры связи между грамотностью и глубиной чтения используем коэффициент корреляции между совокупностью данных о числе ошибок, обнаруженных в диктантах учащихся, и количественных показателей глубины чтения тех же учащихся (табл. П 1).

Коэффициент корреляции вычислялся по формуле:

$$k_{nj, gj} = \frac{1}{\sigma_{nj} \sigma_{gj}} \sum_{m=1}^M (n_{mi} - \bar{n}_j)(g_{mj} - \bar{g}_j), \quad (14)$$

которая легко получается из формулы (12), если в ней C_{mj} , σ_{cj} и $\bar{C}_j$ заменить соответственно на g_{mj} , σ_{gj} и $\bar{g}_j$.

Расчет коэффициента корреляции для 3-го класса дает величину $k_{n3, g3} = -0,75$. Поясним содержание величины коэффициента корреляции с помощью диаграммы, представленной на рисунке 12а. Анализ данной диаграммы показывает, что у большинства третьеклассников обнаруживается связь между количеством ошибок в экспериментальных диктантах и числовыми показателями глубины чтения. Увеличение числа ошибок в диктантах сопровождается уменьшением количественных показателей глубины чтения у тех же учеников. Однако этой статистической тенденции подчиняются количественные показатели не всех учащихся. Так, ученики со списочными номерами 12, 13 допускают количество ошибок приблизительно равное среднему значению, т. е. 6, 7 ошибки, но имеют относительно высокие показатели глубины чтения, а ученик со списочным номером 4 допускает малое количество ошибок при сравнительно низких показателях глубины чтения. Эти отклонения от общей тенденции приводят к уменьшению абсолютной величины коэффициента корреляции между грамотностью и глубиной чтения.

На рисунке 12б в представлены диаграммы, на которых отражена связь между грамотностью и глубиной чтения той же группы учеников в 5-м и 6-м классах. Из анализа этих диаграмм видно, что характер статистической связи между глубиной чтения и грамотностью сохраняется. Это подтверждается и результатами расчета коэффициента корреляции между этими характеристиками в 5-м и 6-м классах:

$$k_{n3, g5} = -0,71, k_{n6, g6} = -0,66.$$

Видно, что эти коэффициенты монотонно убывают по абсолютной величине с переходом от младших классов к более старшим, но их абсолютные величины остаются достаточно большими.

3.3. Связь между грамотностью и слогоделением

При анализе работ по слогоделению было установлено, что описываемая группа школьников в 3-м, 5-м и 6-м классах достаточно правильно делит слова на слоги, допуская при этом незначительное количество ошибок, т.е. данная языковая способность обладает определенной стабильностью. Интересно выяснить степень ее связи с грамотностью.

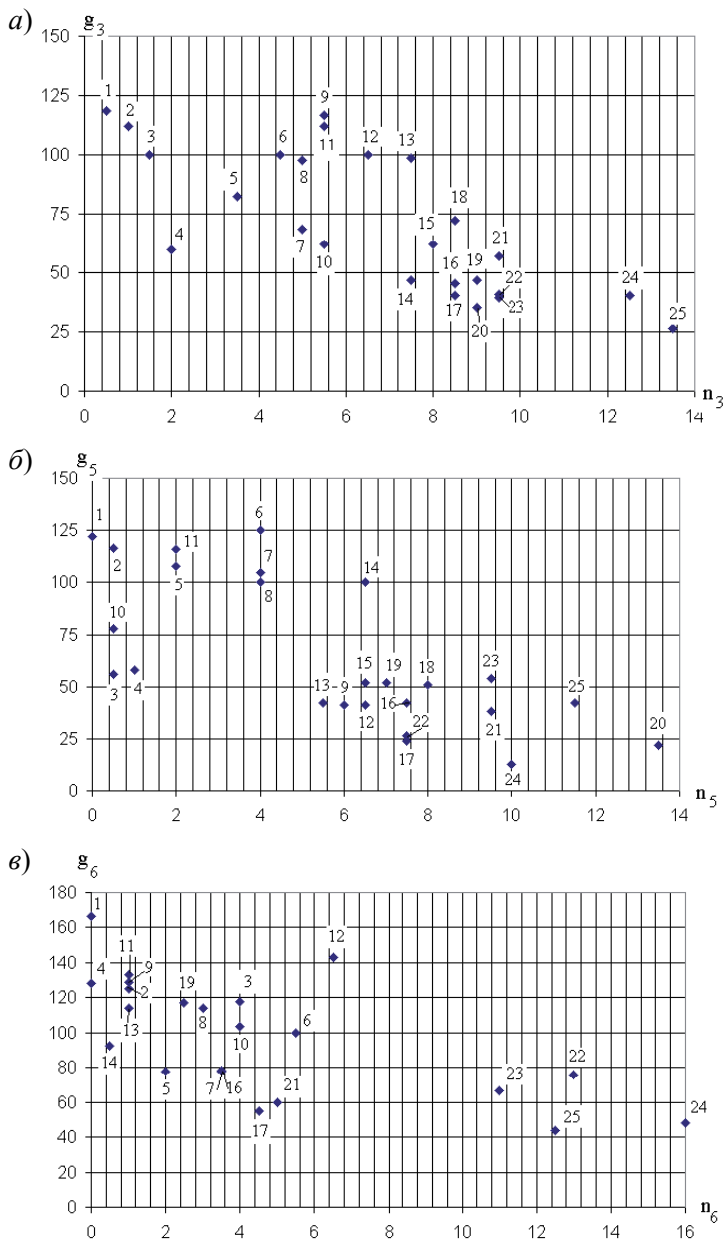

Рис. 12. Диаграммы, характеризующие связь между грамотностью и глубиной чтения:
а) 3-й класс; б) 5-й класс; в) 6-й класс

Диаграммы, характеризующие связь между числом ошибок в тестовых диктантах и в работах по проверке навыков слогаделения, приведены на рисунке 13. На диаграммах рисунка 13а, б, в видно, что в среднем большинство учащихся, делающих большое количество ошибок в диктантах, допускает большое число ошибок и в слогаделении. (Аномальный выброс учащегося с номером 16 при обработке данных был исключен.)

Результаты расчета коэффициентов корреляции между числом ошибок в диктантах и в работах по слогаделению таковы:

$$k_{n3, r3} = 0,39, k_{n5, r5} = 0,54, k_{n6, r6} = 0,65. \quad (15)$$

Видно, что коэффициенты корреляции в 3-м и 5-м классах по абсолютной величине меньше, чем коэффициенты корреляции между скоростью чтения и грамотностью. Кроме того, коэффициент корреляции между грамотностью и ошибками слогаделения увеличивается с ростом номера класса и в 6-м классе по абсолютной величине превышает коэффициент корреляции грамотности со скоростью чтения.

3.4. Связь между грамотностью и морфослогаделением

В дополнение к анализу связи навыков обычного слогаделения с грамотностью рассмотрим связь между способностью учащихся выполнять правильное морфослогаделение и грамотностью. Диаграммы, характеризующие эту связь у исследуемой группы учащихся в 3-м, 5-м и 6-м классах, приведены на рисунке 14. Они построены по данным таблиц П 1 и П 2 Приложения. В этих диаграммах по оси абсцисс откладывается число ошибок m -го учащегося в диктантах в j -м классе n_{mj} , а по оси ординат — число ошибок того же учащегося в тесте на правильность морфослогаделения w_{mj} .

Рассчитанные по эти данным коэффициенты корреляции таковы:

$$k_{n3, w3} = 0,52, k_{n5, w5} = 0,46, k_{n6, w6} = -0,01. \quad (16)$$

Легко заметить, что в 3-м и 5-м классах обнаруживается заметная связь между грамотностью и способностью к морфологически правильному слогаделению. В 6-м классе эта связь практически отсутствует.

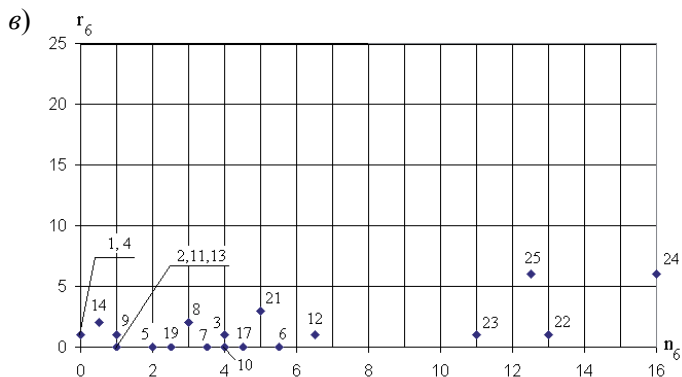
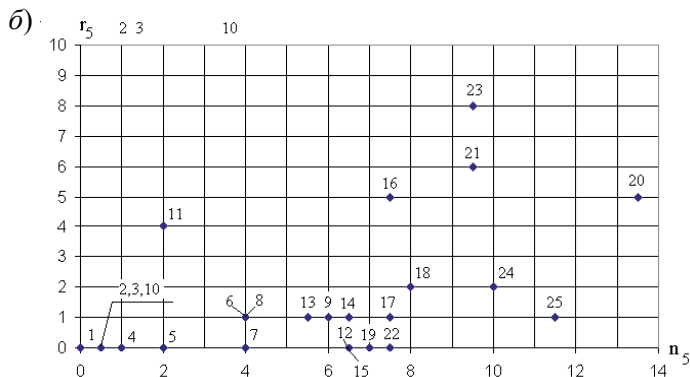
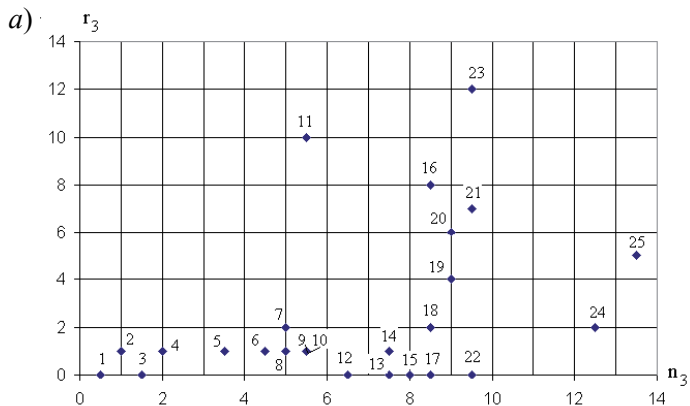

Рис. 13. Диаграммы, характеризующие связь между грамотностью и способностью к правильному слогаделению:
а) 3-й класс; б) 5-й класс; в) 6-й класс

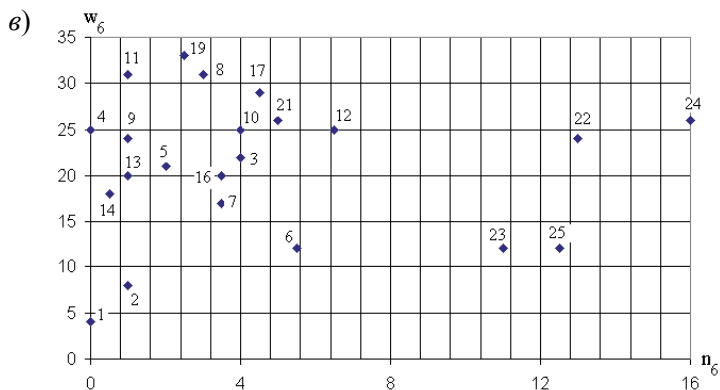
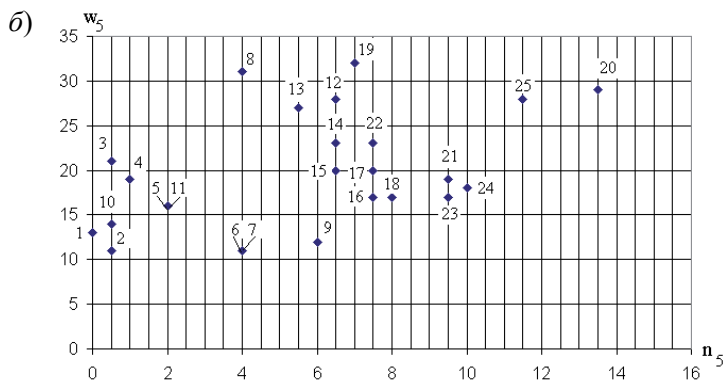
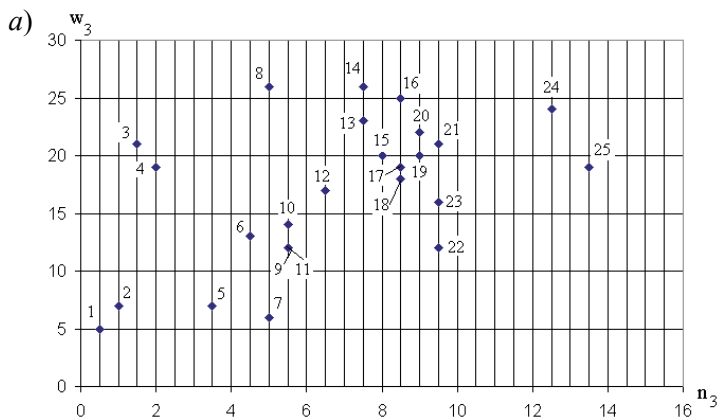

Рис. 14. Диаграммы, характеризующие связь между грамотностью и способностью к правильному морфослоговой делению:
 а) 3-й класс; б) 5-й класс; в) 6-й класс

3.5. Связь между грамотностью и уровнем математической подготовки

В предыдущих подразделах данного раздела оценивались корреляционные связи грамотности с другими формами появления *языковых* способностей. В этих случаях наличие корреляции интуитивно ожидалось, хотя полученные количественные данные выявили значительное различие абсолютных величин коэффициентов корреляции.

Правомерно поставить вопрос о том, в какой мере существенны полученные численные данные для того, чтобы можно было утверждать, что за этими данными стоит какой-то устойчивый механизм, определяющий существование этой связи. Чтобы ответить на этот вопрос, было проведено исследование корреляционной связи между грамотностью изучавшейся группы учащихся и уровнем их математической подготовки. Уровень математической подготовки оценивался по общему числу ошибок, сделанных теми же учащимися в двух контрольных работах, которые были проведены в те же периоды времени, когда были написаны тестовые диктанты.

Поскольку языковые способности и математические способности у большинства учащихся различны, следует ожидать относительно малой величины коэффициента корреляции между ними.

Эта гипотеза была проверена с использованием материала контрольных работ по математике, проведенных в 5-м классе. К сожалению, оказалось, что не все учащиеся присутствовали на обеих контрольных работах по математике, а часть работ просто не сохранилось к моменту, когда в них возникла необходимость. Поэтому были проверены работы только 13 учащихся данной группы. Результаты этой проверки приведены в последнем столбце таблицы П 2 Приложения.

Диаграмма распределения учащихся по числу ошибок в двух работах по математике приведена на рисунке 15, а диаграмма связи между числами ошибок в диктантах n_{m5} и в работе по математике x_{m5} приведена на рисунке 16.

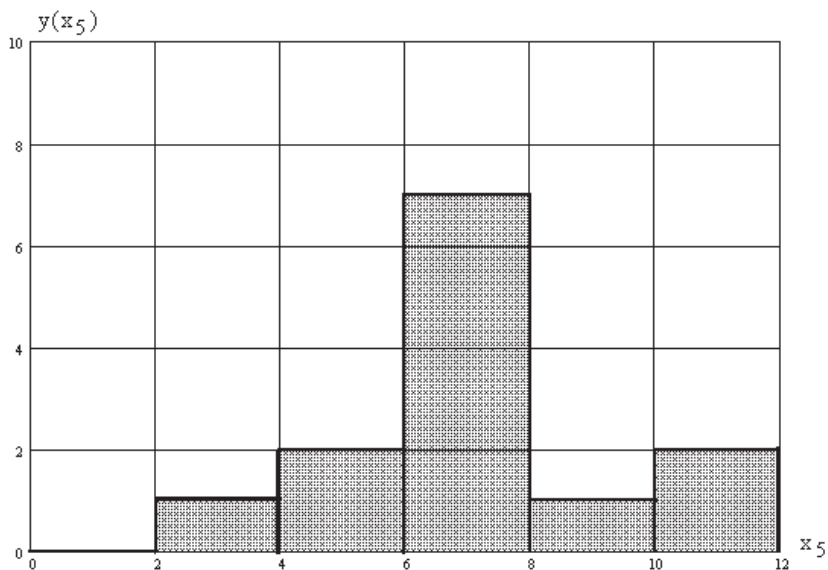

Рис. 15. Диаграмма распределения учащихся по числу ошибок в работах по математике (5-й класс)

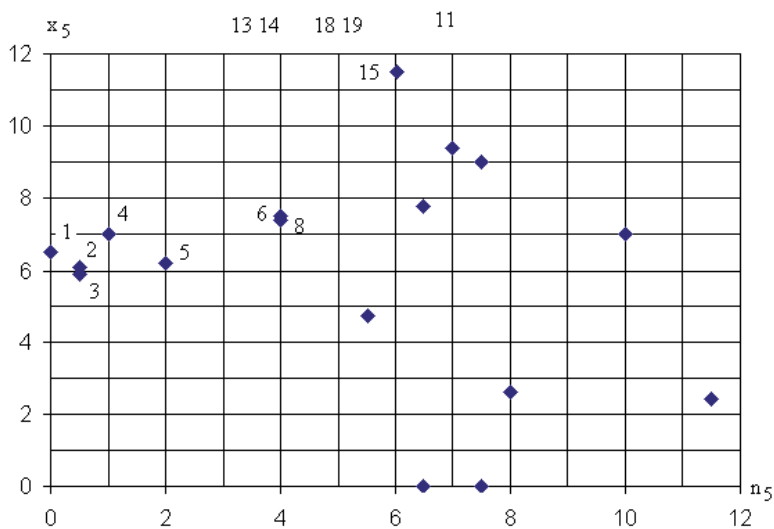

Рис. 16. Диаграмма «связи» между числом ошибок в диктантах и в работах по математике группы учащихся 5-го класса

Отметим, что средние значения чисел ошибок в диктантах $\bar{n}_5$ и в работах по математике $\bar{x}_5$, характеризующие степень сложности этих работ для *данной подгруппы учащихся*, различаются почти вдвое:

$$\bar{n}_5 = 4,0, \bar{x}_5 = 7,0,$$

а среднеквадратичные отклонения от средних близки:

$$\sigma_{n_5} = 2,85, \sigma_{x_5} = 2,43.$$

Коэффициент корреляции между совокупностями чисел ошибок в диктантах и в работах по математике оказался равным:

$$k_{n_5, x_5} = 0,22. \quad (17)$$

На основании этого результата, с одной стороны, можно утверждать, что гипотеза о незначительности корреляции между результатами оценок грамотности и математической подготовленности подтвердилась. С другой стороны, можно утверждать, что количественные оценки корреляционных связей между различными формами проявления языковых способностей, лежащие на уровне 0,22 и ниже (по абсолютной величине), следует рассматривать как свидетельство слабой связи. Говорить о заметной статистической связи можно лишь в случаях, когда абсолютная величина найденного коэффициента корреляции значительно превышает 0,22. К сожалению, эта оценка получена на относительно небольшой подгруппе учащихся, и только для 5-го класса. При последующих работах в этом направлении ее целесообразно проверить на большем числе учащихся и в разных классах.

4. Анализ результатов экспериментального определения корреляционных связей грамотности с другими формами проявления языковых способностей

Основные результаты расчетов коэффициентов корреляции между числовыми характеристиками грамотности, скорости чтения, глубины чтения, навыков слогоделения и морфослогоделения у учащихся испытуемой группы на различных этапах обучения (3-й, 5-й и 6-й классы) представлены в таблице 6.

В таблице 7 приведены коэффициенты корреляции между грамотностью и числовыми характеристиками других форм прояв-

Таблица 6

Сводные данные по коэффициентам корреляции между числовыми оценками каждой из форм проявления языковых способностей на различных этапах обучения

№ пп.	Форма проявления	Обозначение коэффициента корреляции	3–5 класс $i = 3; j = 5$	5–6 класс $i = 5; j = 6$
1	Грамотность	$k_{ni, nj}$	0,9	0,69
2	Скорость чтения	$k_{ci, cj}$	0,97	0,79
3	Глубина чтения	$k_{gi, gj}$	0,55	0,45
4	Слогоделение	$k_{ri, rj}$	0,88	0,2
5	Морфоделение	$k_{wi, wj}$	0,65	0,46

Таблица 7

Сводные данные по коэффициентам взаимной корреляции между грамотностью и другими формами проявления языковых способностей учащихся

№ пп.	Формы проявления	Обозначение коэффициентов взаимной корреляции	3 класс $j = 3$	5 класс $j = 5$	6 класс $j = 6$
1	Грамот. — скорость чтения	$k_{nj, cj}$	-0,81	-0,69	-0,60
2	Грамот. — глубина чтения	$k_{nj, gj}$	-0,75	-0,71	-0,66
3	Грамот. — слогоделение	$k_{nj, rj}$	0,39	0,54	0,65
4	Грамот. — морфослогоделение	$k_{nj, wj}$	0,52	0,46	-0,01

ления языковых способностей: скорости чтения, глубины чтения, слогоделения и морфослоγοделения.

Из таблицы 6 видно, что использование выбранных методик оценки грамотности, скорости чтения и слоγοделения выявило высокую степень корреляции между результатами, полученными в тестовых работах, проведенных в 3-м и 5-м классах (0,9; 0,97; 0,88). На этом основании можно утверждать, что существенных изменений в названных языковых способностях за полгода, прошедшие между двумя этими испытаниями, не произошло. Одной из причин такого результата, видимо, является то, что используемые способы измерения названных языковых способностей достаточно просты и методически отработаны в школьной практике.

Коэффициенты корреляции между результатами измерения глубины чтения и способности к морфослоγοделению оказались ниже (0,55 и 0,65). Эти результаты можно объяснить, с одной стороны, более высокими требованиями к учащимся в процессе выполнения этих тестовых заданий. С другой стороны, на результатах оценки глубины чтения сказалась меньшая отработанность технологии подготовки, организации и проведения этих испытаний. Что касается морфослоγοделения, на результаты могло повлиять то, что специальных занятий, направленных на обучение морфослоγοделению, ни в 3-м, ни в 5-м, ни в последующих классах не проводились. Поэтому учащиеся принимали решения, руководствуясь собственной интуицией, и их результаты в 3-м и 5-м классах заметно различались.

Коэффициент корреляции между измерениями грамотности в 5-м и 6-м классах, как видно из таблицы 6, ниже, чем между испытаниями в 5-м и 6-м классах. Это можно объяснить тем, что между испытаниями в 5-м и 6-м классах прошло чуть более года. В течение этого времени учащиеся систематически осваивали (в соответствии со школьной программой) грамматику русского языка. Скорости прогресса разных учащихся на данном интервале различались сильнее, чем на интервале между 3-м и 5-м классами, что и привело к снижению корреляции. (Подробнее это обсуждалось в п. 1.3 при анализе диаграмм рисунка 2.) Что касается скорости чтения, то корреляция между результатами испытаний

в 5-м и 6-м классах достаточно высока. Снижение коэффициента корреляции определяется тем, что при заметном увеличении средней скорости чтения испытуемой группы относительные скорости чтения различных учащихся возросли по-разному.

Коэффициенты корреляции между результатами проверки глубины чтения в 5-м и 6-м классах показали, что значительная часть учащихся не повторила в 6-м классе результатов, показанных в 5-м. Некоторые продемонстрировали значительное увеличение глубины чтения, а другие — ухудшение. В связи с этим коэффициент корреляции несколько ниже 0,5.

То же самое можно сказать и о результатах расчета корреляции между испытаниями по слоогоделению и морфослоогоделению. Неожиданным оказалось резкое снижение корреляции между результатами работ по слоогоделению в 5-м и 6-м классах. Это свидетельствует о неустойчивости распределения учащихся по количеству ошибок, допущенных ими при слоогоделении.

Перейдем к анализу данных по взаимной корреляции между грамотностью и другими формами проявления языковых способностей учащихся. Эти данные приведены в таблице 7.

Прежде всего отметим, что абсолютные величины всех коэффициентов корреляции (за исключением одного) значительно превышают величину 0,22, характеризующую корреляцию между грамотностью и уровнем математической подготовки (см. п. 3.5). Это отражает тот факт, что связь различных форм проявления языковых способностей между собой гораздо сильнее, чем связь между этими способностями и способностями к другим видам деятельности (математика, физика, биология и т. д.).

Анализ взаимной корреляции между грамотностью и другими формами проявления языковых способностей начнем с коэффициентов корреляции между грамотностью и скоростью чтения. Из таблицы 7 видно, что в 3-м классе соответствующий коэффициент корреляции по абсолютной величине весьма велик (0,81). На следующих уровнях обучения его абсолютная величина убывает, и в 6-м классе достигает 0,60.

Что касается коэффициента корреляции грамотности с глубиной чтения, то в 3-м классе он по абсолютной величине несколь-

ко ниже, чем коэффициент корреляции грамотности со скоростью чтения (0,75 вместо 0,81). Как видно из таблицы 7, коэффициент корреляции между грамотностью и глубиной чтения также убывает с переходом в более старшие классы. Однако это убывание происходит медленнее, и к 6-му классу его абсолютная величина снижается лишь до 0,66, т. е. оказывается больше корреляции грамотности со скоростью чтения.

Из этих результатов можно сделать вывод не только о том, что работа над техникой чтения существенно влияет на грамотность учащихся, но и о том, что *это влияние сильнее в младших классах*, чем в старших. В методическом плане из этого вытекает вывод о том, что если возможности улучшения грамотности через обучение технике чтения упущены в младших классах, то это значительно труднее наверстать в старших классах. Можно также ставить задачи разработки таких методик обучения технике чтения, которые наиболее эффективно влияют на грамотность, особенно в младших классах.

Эти выводы относятся к *большинству учащихся*, у которых прослеживается четкая связь: чем лучше техника чтения (скорость и глубина), тем лучше грамотность. Однако для отдельных учащихся это утверждение оказывается неверным. Покажем это, пользуясь диаграммами рисунка 11. Из них видно, что учащийся со списочным номером 12 имеет на всех этапах обучения одну из самых высоких скоростей чтения. Однако его грамотность остается на всех этапах близкой к средней по группе. В отличие от него учащиеся со списочными номерами 9 и 11, имевшие почти такую же скорость чтения и число ошибок в 3-м классе, к 6-му классу существенно улучшили грамотность. Таких учащихся, как упомянутый выше № 12, целесообразно выявлять на самых ранних стадиях обучения и вносить индивидуальную коррекцию в работу с ними над техникой чтения.

Переходя к анализу корреляционных связей между грамотностью и навыками слогаделения (3-я строчка табл. 7), отметим, что в среднем по трем испытаниям коэффициент корреляции грамотности со слогаделением оказывается чуть больше 0,5. Эта величина меньше, чем средние абсолютные величины коэффициентов корреляции грамотности со скоростью и глубиной чтения,

которые превышают 0,7. Это можно объяснить тем, что в процессе отработки техники слога деления акцент остается в основном на форме слов и слогов, а при развитии техники чтения с опорой на навыки слога деления акцент делается на смысловой стороне как отдельных слов, так и текста в целом. Работа над смысловой частью способствует запоминанию грамматически правильного правописания значительной части слов и усиливает связь техники чтения с грамотностью.

Сложнее понять и объяснить тот факт, что коэффициент корреляции грамотности с навыками слога деления возрастает с ростом уровня обучения (от 3-го класса к 6-му). При этом следует помнить, что среднее число ошибок в слога делении уменьшается от 3-го класса к 6-му (см. п. 3.3), а корреляция между оценками навыков слога деления в 5-м и 6-м классах невелика (см. таблицу 6). Это означает, что на каждом временном интервале развитие грамотности и навыков слога деления происходило таким образом, что статистическая связь между числом ошибок в диктантах и в работах по слога делению усиливалась. Из этого можно сделать вывод о том, что с ростом уровня обучения влияние недоработок в формировании навыков слога деления на грамотность не ослабевает (как можно было бы предположить), а усиливается. Если считать этот вывод правильным (а его целесообразно в дальнейшем проверить на статистическом материале большего объема), из него следует, что для улучшения грамотности учащихся какие-то занятия по совершенствованию техники слога деления необходимо проводить не только в начальной школе, но и в средней.

Прежде чем обсуждать корреляционные связи грамотности с умением выполнять морфологически правильное слога деление, отметим, что никаких специальных упражнений по слога делению с учетом морфоделения в испытуемой группе учащихся не проводилось. Более того, перед выполнением контрольных работ по слога делению задача морфологически правильного слога деления перед учащимися *не ставилась*. Просто работы по слога делению *были проверены с использованием других требований* к правильности слога деления. Поэтому среднее число ошибок в работах учащихся

возросло по сравнению с числом ошибок, определенных по критерию правильности простого слогаделения, примерно на порядок (см. п. 3.3 и п. 3.4). Таким образом, проверялась степень близости интуитивно выполненного слогаделения к морфологически правильному и анализировалась связь отклонений от морфологически правильного слогаделения с грамотностью.

Из таблицы 6 видно, что корреляция между ошибками слогаделения с учетом морфологических требований на разных уровнях обучения в 3-м и 5-м классах и в 5-м и 6-м классах находится примерно на том же уровне, что и корреляция между характеристиками глубины чтения в тех же классах. Однако коэффициенты корреляции грамотности со способностью к морфологически правильному слогаделению меньше по абсолютной величине, чем коэффициенты корреляции с глубиной чтения. Более того, можно было предположить, что по мере изучения грамматики интуитивно выполненное слогаделение будет ближе к морфологически правильному, а корреляция способности к такому слогаделению с грамотностью будет возрастать (т.е. более грамотные учащиеся будут выполнять слогаделение ближе к морфологически правильному). Однако из анализа изменения среднего числа ошибок (п. 3.4 и табл. П 2 Приложения) видно, что их число с переходом от 3-го класса к 6-му не уменьшается, а, напротив, несколько возрастает (от 17 до 21) (напомним, что в работах по слогаделению в 3-м, 5-м и 6-м классах учащиеся использовали один и тот же набор слов). Что касается коэффициента корреляции грамотности и способности к морфологически правильному слогаделению (последняя строка табл. 7), то в 5-м классе он оказался несколько ниже, чем в 3-м, а в 6-м классе вообще получился близким к нулю. Таким образом, высказанное выше предположение не оправдалось. Причины этого результата (который следовало бы проверить на большем числе групп учащихся) требуют достаточно глубокого психолингвистического анализа, выходящего за рамки данной работы [8].

Таким образом, проведенный анализ корреляционных связей грамотности с другими формами проявления языковых способностей позволил:

а) разделить различные формы проявления языковых способностей на группы по степени связанности с грамотностью (скорость чтения и глубина чтения сильнее связаны с грамотностью, чем способности к простому и морфологически правильному слогаделению),

б) проследить эволюцию этих связей по мере перехода изучаемой группы учащихся из класса в класс.

На основе этих результатов можно сформулировать методические рекомендации для комплексного построения работы по улучшению грамотности учащихся. Некоторые из этих рекомендаций приведены в данном разделе.

Подводя итоги данной работы, отметим прежде всего, что она основана на результатах трехлетнего анализа работы определенной группы учащихся.

Очевидно, что для установления закономерностей общего характера (например, для оценки эволюции связи между грамотностью и техникой чтения или между грамотностью и способностью к правильному слогаделению) объем имевшихся в распоряжении авторов статистических данных недостаточен. В этом отношении полученные результаты следует рассматривать как основание для формулирования определенных гипотез, которые, с одной стороны, целесообразно проверить на больших объемах статистических данных, а с другой, — имеет смысл обдумать и оценить с позиций психолингвистики. При этом для экспериментальной проверки сделанных гипотез, накопления и обработки статистического материала целесообразно использовать подход и методику, разработанные в данной статье.

Наряду с этим представляется перспективным расширение комплекса форм проявления языковых способностей, которые следует системно проанализировать с помощью экспериментальных методов и статистической обработки данных. Иными словами, можно ставить задачи *комплексной экспериментальной оценки состояния и эволюции языкового чутья учащихся* [8]. Такой подход позволил бы с более общих позиций решить и вопросы повышения эффективности обучения русскому языку [9].

Отметим еще одну область использования результатов статистической обработки экспериментальных данных о грамотности, технике чтения и других проявлениях языковых способностей группы учащихся. Диаграммы распределения учащихся по числу ошибок в диктантах, по скорости чтения и т. д. (рис. 1, 3) позволяют наглядно оценить степень неоднородности состава группы, с которой работает учитель, и построить занятия так, чтобы обеспечить их максимальную эффективность.

Диаграммы связи между грамотностью и скоростью чтения (рис. 11) позволяют определить ту часть группы учащихся, данные которых согласуются с общей закономерностью (чем выше скорость чтения, тем лучше грамотность), и ту часть, которая не подчиняется этой закономерности.

Очевидно, что для работы с этими частями группы нужны различные методики. Статистический анализ дает объективные данные, опираясь на которые можно решать вопросы индивидуализации обучения. Использование статистических данных при переходе класса от одного учителя к другому позволило бы более эффективно вести учебный процесс в переходные периоды.

Авторы выражают благодарность доценту МЭИ (ТУ) Т.И. Болдыревой за полезные критические замечания, которые были учтены ими в окончательной редакции работы.

Литература

1. *Богомазов Г.М.* Современный русский литературный язык. Фонетика / Г.М. Богомазов. – М.: ВЛАДОС. 2001. – 352 с.
2. *Бодуэн де Куртенэ И.А.* Избранные труды по общему языкознанию / И.А. Бодуэн де Куртенэ. – Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – 391 с.
3. *Большой энциклопедический словарь* / Гл. ред. А.М. Прохоров. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 1456 с.
4. *Ван дер Варден Б.Л.* Математическая статистика / Б.Л. Ван дер Варден. – М.: Изд-во иностр. лит., 1960. – 436 с.
5. *Крамер Н.Ш.* Теория вероятностей и математическая статистика / Н.Ш. Крамер. – М.: Юнити-Дана, 2002. – 543 с.

6. *Неволин И.Ф.* Психодиагностика понимания: разработка оперативных методов / И.Ф. Неволин // Психосемиотика познавательной деятельности общения: сб. ст. – М.: Изд-во ГАПУ им. М.А. Шолохова, 1990. – С. 149–163.

7. *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – М.: Русский язык, 1984. – 797 с.

8. *Шахнарович А.М.* Общая психолингвистика / А.М. Шахнарович. – М.: Изд-во РОУ, 2001. – 96 с.

9. *Щерба Л.В.* О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании / Л.В. Щерба // Языковая система и речевая деятельность: сб. ст. – Л.: Наука, 1974. – С. 24–39.

*G.M. Bogomazov,
E.Yu. Spiridonova*

About the Quantitative Assessment of Communication of Literacy with Other Forms of Manifestation of Language Abilities of Pupils

The paper demonstrates the connection between literacy and other manifestations of students' abilities, which makes it possible to separate different forms of expression of linguistic abilities into groups depending on literacy (reading speed and text comprehension are more closely related to literacy than the ability to make morphological syllabication). The results obtained can help to work out practical recommendations regarding the improvement of students' literacy.

Key words: literacy level; phoneme; phonology; two-level phonological system; reading; syllabication.

Приложение

**ТАБЛИЦЫ РЕЗУЛЬТАТОВ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ОЦЕНОК
РАЗЛИЧНЫХ ПРОЯВЛЕНИЙ ЯЗЫКОВЫХ СПОСОБНОСТЕЙ УЧАЩИХСЯ
ИССЛЕДУЕМОЙ ГРУППЫ, А ТАКЖЕ МАТЕМАТИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ
(ДЛЯ СРАВНЕНИЯ)**

Таблица П 1

Результаты количественных оценок грамотности исследуемой группы учащихся

Списочный номер учащегося	Грамотность (число ошибок)			Скорость чтения (слов в минуту)			Глубина чтения (слов в минуту)		
	3 класс	5 класс	6 класс	3 класс	5 класс	6 класс	3 класс	5 класс	6 класс
	n_3	n_5	n_6	C_3	C_5	C_6	g_3	g_5	g_6
1	0,5	0	0	160	175	195	118,6	122	166,7
2	1	0,5	1	145	180	197	112	116,6	125
3	1,5	0,5	4	140	125	250	100	56	117,6
4	2	1	0	120	125	210	59,51	58	128,2
5	3,5	2	2	109	110	190	82,35	108	77,5
6	4,5	4	5,5	120	125	170	100	125	100
7	5	4	3,5	105	105	131	68,29	105	78,4
8	5	4	3	110	118	170	97,8	100	114,3
9	5,5	6	1	153	173	195	116,6	41	129
10	5,5	0,5	4	70	78	143	62,2	78	103,6
11	5,5	2	1	144	170	220	112	116	133,3
12	6,5	6,5	6,5	143	173	235	100	41	142,9

Продолжение таблицы П 1

Списочный номер учащегося	Грамотность (число ошибок)			Скорость чтения (слов в минуту)			Глубина чтения (слов в минуту)		
	3 класс	5 класс	6 класс	3 класс	5 класс	6 класс	3 класс	5 класс	6 класс
	n_3	n_5	n_6	C_3	C_5	C_6	g_3	g_5	g_6
13	7,5	5,5	1	110	108	165	98,6	42,4	114,3
14	7,5	6,5	0,5	100	100	155	46,6	100	92,2
15	8	6,5	нб	115	110	нб	62,2	52	нб
16	8,5	7,5	3,5	80	80	188	45,16	42,4	77,5
17	8,5	7,5	4,5	60	60	146	40,5	24	54,6
18	8,5	8	нб	72	65	нб	72	51	нб
19	9	7	2,5	62	90	170	46,6	52	116,9
20	9	13,5	нб	55	55	нб	35	22	нб
21	9,5	9,5	5	64	70	103	57,1	38	60
22	9,5	7,5	13	58	60	140	39,4	26,4	76
23	9,5	9,5	11	55	54	105	40,7	54	66,6
24	12,5	10	16	50	50	110	40,1	29	48
25	13,5	11,5	12,5	47	48	100	26,4	42	43,5
Среднее значение	6,7	5,6	4,6	98	104	168	71	65	98,5
Средне-квadraticное отклонение	3,4	3,7	4,5	36,8	43,4	42	30	35	32,6

Таблица П 2
Результаты количественных оценок способностей к правильному слоогоделению, морфослогоделению и математических способностей

Списочный номер учащегося	Слогоделение (число ошибок)			Морфослогоделение (число ошибок)			Математика (число ошибок) 5 класс
	3 класс	5 класс	6 класс	3 класс	5 класс	6 класс	
	r_3	r_5	r_6	w_3	w_5	w_6	
1	0	0	1	5	13	4	6,5
2	1	0	0	7	11	8	6,1
3	0	0	1	21	21	22	5,9
4	1	0	1	19	19	25	7,0
5	1	0	0	7	16	21	6,2
6	1	1	0	13	11	12	7,5
7	2	0	0	6	11	17	—
8	1	1	2	26	31	31	7,4
9	1	1	1	12	12	24	11,5
10	1	0	0	14	14	25	—
11	10	4	0	12	16	31	—
12	0	0	1	17	28	25	—
13	0	1	0	23	27	20	4,7
14	1	1	2	26	23	18	7,8
15	0	0	нб	20	20	нб	11,5
16	8	5	25	25	17	20	—

Продолжение таблицы П 2

Списочный номер учащегося	Слогоделение (число ошибок)				Морфослогоделение (число ошибок)				Математика (число ошибок) 5 класс
	3 класс r_3	5 класс r_5	6 класс r_6	6 класс	3 класс w_3	5 класс w_5	6 класс w_6	5 класс x_5	
17	0	1	0		19	20	29		
18	2	2	нб		18	17	нб	2,6	
19	4	0	0		20	32	33	9,4	
20	6	5	нб		22	29	нб	–	
21	7	6	3		21	19	26	–	
22	0	0	1		12	23	24	–	
23	12	8	1		16	17	12	–	
24	2	2	6		24	18	26	–	
25	5	1	6		19	28	12	–	
Среднее значение	2,6	1,6	2,3		17	20	21	7,0	
Средне-квadraticное отклонение	3,4	2,2	5,36		6,3	6,4	7,72	2,43	

ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ «ВКУС ЭПОХИ» (СЕРЕДИНА XX ВЕКА)

Мы с Геннадием Михайловичем любили друг друга, хотя были «сеяны» в науке на разных фонологических «полях» [2: с. 94–101]. Так, я не согласен с тем, что возможность/невозможность фонемной интерпретации зависит от стиля произношения [3: с. 121].

Это статья представителя Московской фонологической школы, дружившего с Г.М. Богомазовым.

Ключевые слова: Московская фонологическая школа; Санкт-Петербургская фонологическая школа.

В 1950-е годы на филологическом факультете МГУ имени М.В. Ломоносова существовала товарищеская традиция — старшекурсники опекали младших. Так, опекуном в филологических делах (Тамары Ипполитовой, позже Ганиевой, Иры Андриановой, Нади Свириденковой и моим) был Олег Раменский. Например, он возил нас в диалектологическую экспедицию в Брянскую область, где корректировал наш вербальный слух. А в лыжных походах «начальником» был у нас Юра Грейдинг, уже тогда слышавший опытным спортсменом¹.

В конце второго года обучения всем нам надо было выбрать спецкурс и спецсеминар (на 3 года, чтобы у выбранного научного руководителя потом заодно написать и дипломную работу). Олег Раменский советовал нам записаться к профессору Т.П. Ломтеву. Дипломные работы у нас были посвящены как бы «недостающим» параграфам (темам) из сложного предложения уже готовой к печати монографии Тимофея Петровича «Очерки по историческому синтаксису русского языка». Например, темой у меня была «История сложноподчи-

---

¹ Олег, москвич, после окончания университета всю жизнь преподавал в Северодвинске Архангельской области, а Юрий стал известным переводчиком с испанского языка.

ненных предложений с придаточными места в восточнославянских языках». Я с головой ушел в нее, занимался ею 3 года, в основном в университетской Фундаментальной библиотеке им. Горького на Моховой улице. Весной 1956 года Т.П. Ломтев порекомендовал мне в качестве рецензента дипломной работы известнейшего русиста (в том числе синтаксиста) того времени проф. А.Б. Шапиро. Именно в эти недели Абрам Борисович отдыхал в санатории «Узкое» в Ясеневе. Это считалось тогда далеко за городом, никакого метро туда не было. Я с Калужской заставы (сейчас площадь Гагарина) доехал на автобусе до санатория, нашел номер, в котором жил и работал Абрам Борисович. Мне было сказано, что через неделю можно забрать работу и рецензию, но в следующий раз Абрам Борисович посмотрел на меня пристальнее и сказал коротко то, что было существенным в рецензии: история союзного слова *где*, украинских *иде* и *де*, белорусского [ʏ]de написана почти на уровне кандидатской диссертации. Меня интересовали факты реальной речи, а психологически я готовился поступать в аспирантуру МГУ еще на начальных курсах, однако в 1956 году объявили приказ Минвуза: заявления в аспирантуру принимать только от тех, кто имеет 2 года послевузовского стажа работы.

Обеспокоенный, я начал искать место работы. Лёсик Иванов-Аннинский, мой товарищ по курсу, тогда уже опытный журналист и фотограф в журнале «Советский Союз», посоветовал мне пойти в Издательство МГУ, где директором недавно стал наш милейший замдекана М.Н. Зозуля. Я надеялся, что он не забыл меня с тех пор, как проводил собеседование со мной как с абитуриентом и неоднократно виделся со мной на факультете по делам моего курса. Михаил Никитич церемониться особенно не стал и зачислил меня старшим корректором в мае, то есть до окончания обучения в университете.

Здесь, в издательстве, я буквально «врубился» в «Фонетику современного русского литературного языка» Р.И. Аванесова. Эта книга, как и монография Т.П. Ломтева «Очерки по историческому синтаксису русского языка», достались мне в корректорской без конкуренции, поскольку среди корректоров не было лингвистов. Я был очарован стилем, манерой последовательного изложения у Р.И. Аванесова, так же как это было 4 года назад, когда

нам, своим однокурсникам, растолковывал «Очерки по современному русскому языку» 1945 года Р.И. Аванесова и В.Н. Сидорова (при подготовке к экзамену по фонетике) Грейнем Ратгауз.

Редактором «Фонетики» Аванесов рекомендовал К.В. Горшкову, но чаще встречался с Рубеном Ивановичем я: надо было «снимать вопросы». Обычно над тем, что я спрашивал по сути текста, Рубен Иванович думал минуту-другую, затем набрасывал новый отрывок или обещал принести замену в следующий раз. Нельзя сказать, что я понимал до конца пособие Р.И. Аванесова 1956 года, доказательство тому — ряд ошибок, в том числе в истории твердости – мягкости и другие, которые К.В. Горшкова настояла опубликовать в виде вклейки «Опечатки».

В монографии Т.П. Ломтеева нравилось главное: «Исторический процесс отмирания элементов старого качества и накопление элементов нового качества». У меня не хватало опыта, чтобы понять, что мы имеем дело с переходом от теории стадиальности в марризме к модному структурализму.

Год спустя стал я старшим редактором и в числе прочих работ (Е.М. Галкиной-Федорук, В.В. Виноградова, В.А. Звегинцева и др.) имел редакторское отношение к сборнику кафедры русского языка филологического факультета «Вопросы истории русского языка» под редакцией проф. П.С. Кузнецова. С согласия последнего опубликовал в сборнике ту часть дипломной работы, о которой специально отзывался рецензент проф. А.Б. Шапиро. Уже тогда я мог видеть, как тщательно читает статьи Петр Саввич (для меня это было ново и поучительно); в результате у меня лично получилась статья меньше 1 авторского листа, за которую мне и сегодня не стыдно, — эту статью я сдал потом в качестве реферата при поступлении в аспирантуру; а Р.И. Аванесов как рецензент читал и одобрил ее. Я был в полной уверенности, что продолжу работу на материале, который был мне знаком по учебе в университете и симпатичен как материал реального языка. Но осенью 1958 года наш проф. Т.П. Ломтев работал уже над структуралистскими проблемами, пригласил, например, С.К. Шаумяна прочитать лекцию о двухуровневой теории фонем (это когда идейная схема накладывается на материал, и работа с теоретической сто-

роны выглядит привлекательной). Меня Т.П. Ломтев усадил изучать «Введение в метаматематику» А. Чёрча, и через 2–3 недели я понял, что структуралистом быть не смогу. Тимофей Петрович не шел ни на какие уступки: «Напишешь нужную работу, а через 3 года делай что хочешь». Я пошел на прием к заместителю завкафедрой, добрейшему проф. А.И. Ефимову, и рассказал ему о своей беде. Тот отнесся ко мне сочувственно и вспомнил свой случай, когда в Перми не согласился с прежним научным руководителем и перешел под начало проф. Н.М. Каринского, у которого благополучно написал кандидатскую о местоимениях. Тут как раз через круглый зал кафедры на Моховой проходил Т.П. Ломтев, и А.И. Ефимов подозвал его и несколько прямодушно, по-простецки спросил его, не против ли он, если вот Ганиев перейдет под научное руководство проф. П.С. Кузнецова. До сих пор не забуду, как потемнело лицо Тимофея Петровича, тем не менее вопрос был решен, я заранее обговорил его с Петром Саввичем. Он мне предложил тему о грамматической роли страдательных причастий в церковно-славянских памятниках русского извода XVI века. Я знал, что это соседствует с темой докторской диссертации П.С. Кузнецова (вернее, пришлось ему писать ее во второй раз, поскольку чемодан с рукописью первого варианта украли у Кузнецовых при переезде в эвакуацию в Мордовию во время Великой Отечественной войны в 1941 году).

Снова сел я за книги и статьи (их было около ста) и пришел к выводу, что не лежит мое сердце к исторической морфологии, в особенности к церковно-славянскому языку. Хотелось изучать современный (живой) язык, в частности влияние русского языка (метрополии) на другой мой родной — узбекский. Петр Саввич сделал характерное движение (у него непроизвольно-болезненно кривились вбок губы и начинали двигаться руки, он всегда был в неизменном темно-синем костюме). Будучи языковедом-универсалом (о чем я писал в некрологе о нем в 1968 году), он без труда согласился со мной, и для меня начался праздник¹.

---

¹ Почти то же самое (но уже в отношении языка суахили) я услышал недавно от другой ученицы проф. П.С. Кузнецова — проф. В.И. Петрянкиной.

На радостях я написал книжку о фонематической системе узбекского языка (с точки зрения МФШ), однако в Ташкенте никто не взялся ее опубликовать, хотя у меня есть положительные отзывы на нее¹. Я читал узбекские газеты и книги, набранные арабским, латинским шрифтами и кириллицей, наметил этапы фонетического освоения русских заимствований, связанные с историей, политикой, два лета провел в Государственной библиотеке в Ташкенте: там был доступен весь Е.Д. Поливанов, в то время как в Москве и Ленинграде он был еще запрещен Главлитом и не выдавался из хранилищ. В общем, я набрал большой материал, нужно было два-три месяца, чтобы написать и сдать диссертацию. К 15 октября 1961 года (окончание аспирантуры) я этого не успел, в том числе в связи с семейной неурядицей. В Ташкенте я это закончил к февралю 1962 года, при этом самое большое впечатление, пронзительную ноту во мне неизменно порождали работы Е.Д. Поливанова: ясно было, что это непростой судьбы человек (повторяю, в то время я ниоткуда не мог узнать о его жизни²).

Привез в феврале я работу в Москву, и добрейший П.С. Кузнецов, характерно подергивая губами, своим коротеньким карандашиком написал свой комментарий на полях. Я уж настолько созрел, что спросил, есть ли литература о сосуществовании в языке фонологических систем (поливановскую замечательную статью «*La perception des sons d'une lang étrangère*» 1931 года я уже знал). Петр Саввич тут же назвал изданный к недавнему московскому Съезду славистов доклад американца чешского происхождения Г. Кучеры, а затем вспомнил о работе 1949 года Чарльза Фриза и Кеннета Пайка. Теперь все, работа была готова, иди, казалось бы, и защищай. Но не тут-то было.

Должен предварительно сказать, что Петр Саввич был идеальным научным руководителем: сам уже переговорил об оппонировании с доктором филологических наук, завкафедрой тюркских языков МГИМО В.М. Насиловым и со своим учеником, как он его

---

¹ Рукопись до сих пор в моем архиве.

² Он мне близок еще и потому, что мой дед и отец тоже были незаконно репрессированы и тоже в Средней Азии.

назвал, завсектором Института русского языка, кандидатом наук М.В. Пановым. Оба прочитали работу, одобрили ее, но не знали (да и я не знал) об обстановке в «малом», языковедческом совете филологического факультета. Помню обескураженные лица моих обоих официальных оппонентов в день защиты после выступления К.В. Горшковой. Как я теперь понимаю, меня решили проучить за два «промаха»: переход к другому научному руководителю (но я не мог стать структуралистом) и за мои семейные проблемы (расстался с нелюбимой женой). Как ни уговаривал совет Владимир Михайлович Насилов, что диссертация достойна присвоения звания (из зала раздались возмущенные крики; к моему несчастью, К.В. Горшкова получила из отдела аспирантуры ущербный экземпляр автореферата, и еще она не знала тонкостей в передаче гласных в арабском алфавите казанского варианта). Решили отдать мою работу (перед голосованием в «большом» филологическом совете) на экспертизу в три учреждения: в сектор тюркологии Института языкознания АН СССР (зав. Н.А. Баскаков), на кафедру тюркской филологии ИВЯ МГУ и профессору И.А. Василенко, завкафедрой Московского госпединститута. Как ни странно, я благодарен случаю, при котором познакомился с широким кругом прекрасных знатоков своего дела (Ф.Д. Ашнин, А.А. Коклянова, Ш.С. Айляров, сам Иван Афанасьевич Василенко и другие). Все они дали положительные отзывы о работе, вся процедура просто оттянула присвоение ученой степени. Перед заседанием «большого» филологического совета мой дорогой Петр Саввич по своей инициативе ходил со мной на прием к председателю совета, тогдашнему декану А.Г. Соколову, и рассказал ему, что работа хорошая.

Положительный письменный отзыв о диссертации (без моей просьбы) в начале 1963 году дал и Р.И. Аванесов.

Зная, сколько пережил П.С. Кузнецов в связи с защитой моей диссертации, Вал. В. Иванов — распорядитель на похоронах моего руководителя в 1968 году — назначил меня ответственным за вынос тела из квартиры на Воробьевых горах и из клуба МГУ на тогдашней улице Герцена. Помню скорбное лицо молодого А.А. Зализняка, который при выносе тела на Моховую подбежал к гробу и сменил меня. Над могилой, вслед за Р.И. Аванесовым, я тоже произнес речь

от имени учеников Петра Саввича («птенцов гнезда Петрова», как сказано было ранее на юбилее Кузнецова). Не случайно В.В. Иванов поручил мне написать и некролог памяти П.С. Кузнецова в «Филологических науках». Некролог в «Вопросах языкознания» опубликовал Б.А. Успенский; там есть фраза, обозначающая кредо автора, несогласного с волей начальства: «Если Академия не приняла в свои ряды П.С. Кузнецова — тем хуже для Академии!»

Я знаю почерк П.С. Кузнецова (он писал укороченной ученической ручкой, обмакивая ее в чернила), читал после его кончины личное дело; в нем лежит вызывающее содрогание заявление смертельно больного Петра Саввича: «Прошу не выводить меня полностью на пенсию». В 1967 году он, зная, что смерть его предрешена, написал «Автобиографию» на 100 страницах. Рукопись хранится в академическом институте, но я не смог достать и увидеть ее (хотя и просил об этом), чтобы выписать нужные отрывки. Удовлетворен тем, что с помощью С.Н. Боруновой опубликовал завещание Р.И. Аванесова [1].

Что я умел и знал после окончания аспирантуры? Лучше всего фонетику современного русского языка (по книгам Р.И. Аванесова) и сопоставительную фонетику (как ее сформулировал в свое время Е.Д. Поливанов и замечательно обобщил А.А. Реформатский в 1959 году в «Филологических науках»). Поэтому с охотой пошел обучать иностранцев в МАДИ (там был огромный подготовительный факультет, на кафедре РКИ было около 60 преподавателей). Вот эти указанные выше 2 дисциплины лежат ближе всего к сердцу доньше. Я вспоминаю внимательное и спокойное отношение к моим «вопросам» Р.И. Аванесова, кропотливую работу (в моем присутствии) незабвенного П.С. Кузнецова в его кабинете за столом с зеленым сукном в квартире на Воробьевых горах. Я также помню желание помочь мне (выявить научный потенциал) еще одного замечательного человека, ученика П.С. Кузнецова по Мосгорпединституту им. Потемкина — проф. М.В. Панова. Это он заказал мне 2 статьи в академические сборники, которые он редактировал, и одобрил методику работы над ними; опубликовал их в 1966 и 1971 годах («Развитие фонетики современного русского языка»).

Забыть стольких добрых и знающих людей, которые накрепко «привязали» меня к Московской фонологической школе,

я не могу, они всегда со мной. Благодарен редакционной коллегии научного сборника «Русистика и компаративистика» за то, что она дала мне возможность выполнить не дававший покоя долг моей совести — помянуть тех, кто поставил меня на ноги.

Литература

1. [Аванесов Р.И.] Post lucem. Testamentum. Завещание Рубена Ивановича Аванесова (1902–1982) / Р.И. Аванесов // Вариативность в литературном произношении. Борьба вокруг нормы / Под ред. Ж.В. Ганиева. – М.: МГПУ, 2006. – С. 112–113.
2. Богомазов Г.М. Современный русский язык: Фонетика / Г.М. Богомазов. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 352 с.
3. Бондарко Л.В. Стили произношения и типы произнесения / Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкая, М.В. Гордина и др. // Вопросы языкознания. – 1974. – № 2. – С. 64–70.
4. Ганиев Ж.В. Об адекватном описании русского нормативного произношения (в соответствии с учением акад. Л.В. Щербы) / Ж.В. Ганиев // Вопросы языкознания. – 2008. – № 1. – С. 121–128.

Zh.V. Ganiev

The Philological “Taste of Epoch” (Mid-Twentieth Century)

This article is a memoir of the author’s long friendship with Professor G.M. Bogomazov.

Key words: Moscow phonologic school; St.-Petersburg phonologic school.

ГРАФИКА РУССКОГО ЯЗЫКА ДО И ПОСЛЕ КИРИЛЛА

То же самое они сделали и со славянским языком — разбили его на куски, перенесли их через решетку кириллицы в свои уста и склеили осколки собственной слюной и греческой глиной...

Милорад Павич. Хазарский словарь

Предлагаемое решение вопроса о происхождении буквы как знака языка оказывается настолько простым, что способно объяснить удивительный феномен сходства букв в самых разных и удаленных территориально друг от друга азбуках. По мнению автора, буква — это рисунок, своеобразный иероглиф органов речи в момент произнесения звука. Некоторые буквы до сих пор сохраняют свою иконическую изобразительность. Именно такое обстоятельство объясняет сходство облика букв в самых разных графических системах мира и делает неизбежным это сходство в разных и не связанных друг с другом по происхождению алфавитах.

Вторая важная идея — доказательство того, что славяне до Кирилла имели письменность — глаголицу. Именно глаголицу взял за основу Кирилл и «перелицевал» по греческому образцу, оставив 8 глаголических букв неизменными. Об этом недвусмысленно говорится в «Житии Кирилла».

Ключевые слова: письменность; буква; иероглиф; кириллица; глаголица; генезис письма; графема; фонема; Кирилл и Мефодий.

Вопрос о происхождении графики будоражит умы ученых и любознательных людей с того момента, когда на язык как таковой было обращено внимание, т. е. его стали осознавать и замечать, а потом и изучать как отдельное явление. Однако эта проблема оказалась наиболее трудной для разрешения, если иметь в виду происхождение буквы как таковой (происхождение пиктограммы или иероглифа как рисунка ситуации или предмета понятно само по себе). И трудность, с которой сталкивалось и сталкивается решение этой проблемы, будет в какой-то степени понятна,

если мы учтем тот факт, что различие между такими феноменами языка, как буква и звук, очень трудно давалось не только простым грамотным людям, но и профессиональным лингвистам. Можно сказать, что вплоть до конца XIX века смешение звука и буквы было массовым явлением в ученых трудах языковедов, т. е. смешивалась первичная звуковая семиотическая система языка и его поздняя вторичная семиотическая система — письмо. Более того, колоссальное направление в лингвистике — сравнительно-исторический метод и лингвистика построены на априорном допущении, что древняя буква точно передает звук. Можно предположить, что древнейшая протобуква (самая первая буква) действительно соответствовала звуку (хотя это совсем необязательное условие). Однако даже если это так, все-таки сразу же мы сталкиваемся с проблемами орфографии: система письма не обязательно должна быть транскрипцией даже в начальный период развития письменности, из чего следует, что слово звучащее и написанное могли не соответствовать друг другу уже в момент возникновения письменности. Так, например, в северосемитских языках, из двадцатидвухбуквенной азбуки которых позже произошли многие другие азбуки, гласные звуки просто не отражались на письме, однако в языке они были и в речи также звучали. Подобным алфавитом был и финикийский алфавит (древнейшая надпись датируется XI веком до н. э.) — в этом алфавите было 22 буквы, передающие только согласные звуки.

И.А. Бодуэн де Куртенэ первым в мировой лингвистике провел отчетливую грань между буквой и звуком, а затем прибавил к этим чисто материальным лингвистическим объектам и ментальные соответствия: звуку соответствовала фонема, букве — графема. О различии между «произносительно-слуховой и писанно-зрительной» формой речевой деятельности Бодуэн писал в работе «Об отношении русского письма к русскому языку» [2: с. 209–235]. Но к одному различию и противопоставлению в теории Бодуэна дело не сводилось, он также аргументированно объяснил взаимосвязь между ними. Так, он пишет: «Действительная связь между письмом и языком может быть связью единственно психической. При такой постановке вопроса как письмо и его элементы, так и

язык и его элементы превращаются в психические величины, в психические ценности. А так как и преходящие звуки языка во всем их разнообразии, и остающиеся буквы мы должны представлять себе происходящими и существующими во внешнем мире, то, когда дело доходит до психических величин и психических ценностей, и буквы и звуки надо заменить их психическими источниками (точнее, эквивалентами. — *Е.К.*), т. е. представлениями звуков и букв, существующими и действующими постоянно и непрерывно в индивидуальной человеческой психике» [2: с. 210].

Заметим, что несколько архаизированный язык И. А. Бодуэна де Куртенэ требует комментария. Сам по себе психический подход Бодуэна к элементам языка следует понимать в ментальном смысле, т. е. его термин «психическое» в современном метаязыке может соответствовать термину «ментальное», «образное». И в целом подход Бодуэна к языку может соответствовать когнитивной идеологии описания языка. В этом случае «психические ценности» означают не что иное, как образно-ментальные величины и ценности. Важнейшим термином в системе Бодуэна является «представление», — этот термин нельзя понимать иначе, как образ, т. е. ментальная копия материального предмета в сознании. Так звук или буква, как артефакты материальные, отображаются в сознании, точнее, в его лингвистическом блоке в виде ментальных копий, образов, непрерывно и постоянно существующих в лингвистическом секторе сознания человека.

Итак, в приведенных выше словах в кратком виде изложена суть устройства механизма графической системы языка. И.А. Бодуэн де Куртенэ далее замечает: «Между психическими элементами языка, т. е. произносительно-слухового языкового мышления, и между психическими элементами письма, т. е. писанно-зрительного языкового мышления, нет никакой необходимой «естественной связи», а имеется только случайное сцепление, называемое ассоциацией» [2: с. 210–211]. Другими словами, между формой буквы и самим звуком никакой естественной связи нет, эта связь произвольная, что превращает букву в произвольный знак звука (не-символ). И это так в какой-то степени в настоящее время, но это не могло быть так в момент возникновения письма.

Из положений, выдвинутых Бодуэном, следует, что графическая система соответствует как вторичная знаковая система фонетической (звуковой) системе языка и поэтому существуют две ассоциированных единицы — *фонема* (звукорепредставление) и *графема* («букворепредставление», т. е. образ буквы), при этом графема — это чистый знак звука, т. е. не-символ.

По отношению к фонемам Бодуэн усматривает возможность их расщепления на более мелкие атомарные единицы — кинемы и акусы (впоследствии Р. Якобсон и Н. Трубецкой предложили термин «различительный признак» фонемы, который и вытеснил терминологию Бодуэна, однако эта замена «выплеснула ребенка»), — букве же в такой возможности деконструкции совершенно несправедливо было отказано. Итак, Бодуэн не считает, что буква способна к разложимости на конструктивно составляющие элементы, которые терминологически можно было бы обозначить как, например, «штрихемы» — в параллель с кинемами и акусами. Так, он пишет: «Следует считать признаком графем их неразложимость... При этом напомним, что обнаруженная графема становится буквою, точно так же как и обнаруженная фонема становится звуком» [2: с. 213–214]. Опять заметим, что слово «обнаруженная» использовано Бодуэном в смысле «реализованная», «воплощенная в реальности».

Костяк общей теории письма, созданный Бодуэном, обрастал частностями, хотя в основе своей сохранился и не потерял теоретической ценности до сих пор, хотя в последнее время была даже создана графическая лингвистика с графемикой как ее особым разделом [1], основанная на иных теоретических положениях. Тем не менее стало ясным, что при очень хорошей степени владения языком могут возникать прямые ассоциации между значением слова и его графическим экспонентом при быстром чтении. С другой стороны, при научении чтению и медленном (не в смысле Л.В. Щербы) чтении, если иметь в виду индивидуальный язык (идиолект), такая связь звука и буквы возможна только через ступень графемно-фонемных ассоциаций, что доказывается микродвижениями органов речи при медленном чтении. Характеризуя ситуацию быстрого чтения, Д. Нериус пишет: «Письменный язык из первоначальной

вторичной знаковой системы, которая служила лишь для передачи звучания, превращается в первичную знаковую систему, элементы которой, как и элементы устной речи, функционируют как формы материализации значений» [8: с. 12]. Л.Р. Зиндер поставил и такой вопрос: возможно ли влияние написания на произносительную норму и ответил на него положительно, приведя в качестве примеров русскую орфоэпическую огласовку фамилий Гегель, Гирт, которые по-немецки звучат одинаково с начальным (h). Можно добавить в качестве примера петербургское произношение слов *что*, *конечно* без диссимиляции (т. е. с аффрикатой вместо шипящего звука, как в московской норме), которое также навеяно их письменной формой.

В последующем изучении русского письма был преодолен запрет Бодуэна на расчленение букв на составляющие элементарные частицы, названные здесь штрихетами (условимся, что штрихета — это горизонтальная, вертикальная или закругленная черта как часть буквы). З.М. Волоцкая, Т.Н. Молошная и Т.М. Николаева (1964), вопреки мнению Бодуэна, предприняли попытку расчленить буквы на дифференциальные признаки, подобно фонемам, — и эта попытка оказалась более чем удачной по отношению к современным буквам русского кириллического алфавита. Нам представляется, что вопрос о дифференциальных признаках (штрихетах) онтографем (древнейших или самых первых из возникших букв) намного сложнее, и об этом будет особо сказано ниже.

И.Е. Гельб книгой «Опыт изучения письма» заложил основы направлению в изучении письменной формы языка, получившему название «грамматология» (см. также работы Т.А. Амировой (1965, 1977), А.А. Волкова (1962). Суть грамматологии сводится к утверждению, что первоначально письмо имело независимый от звучащей речи характер, но потребность в адекватной передаче имен собственных привела к развитию фонетизации написаний [5: с. 73]. По нашему мнению, в филогенезе языка все обстояло как раз наоборот, но в любом случае, лучше иметь разные точки зрения, чем не иметь их вообще.

И.А. Бодуэн дэ Куртенэ в своей основополагающей работе, упомянутой выше, разделял такие понятия, как алфавит и графика. Это разделение алфавита и графики, на первый взгляд, кажется не-

понятным, однако в нем есть смысл. Л. Р. Зиндер, характеризуя эту точку зрения Бодуэна, пишет: «Из дальнейшего изложения видно, что и в том и в другом случае речь идет об отношении между буквой (графемой) и звуком (фонемой), но только с разных точек зрения. Если брать за исходное буквы и устанавливать, какие фонемы ими обозначаются, — это алфавит; если же отправляться от фонем и других звуковых единиц, например, слогов, и определять, при помощи каких графем или их сочетаний они обозначаются, — это графика» [8: с. 54]. Современные представления теории информации позволяют рассматривать письмо как разновидность кода, переводящего акустический речевой сигнал в графический, причем обязательным свойством кода является его условность: код создается сознательно и произвольно и его можно произвольно менять, поэтому возможны случаи смены алфавита у одного и того же языка [8: с. 43].

Например, татарский литературный язык сначала пользовался арабской графикой, затем перешел сначала на латинский алфавит, а затем на кириллицу, которая не менее удобна для отражения звуковых особенностей татарского языка, чем латиница или арабская вязь.

И все же наибольший интерес представляют вопросы происхождения письма, которое находится в тесной связи с эволюцией языкового строя. К рассмотрению этих важнейших вопросов мы и обратимся в дальнейшем.

В эволюции письма и языка можно выделить ряд этапов. Так, древнейший вариант письма — идеография возникла как самый первый и простейший вариант письма, основанного на непосредственном схематическом изображении предмета в иероглифической форме. Такая форма письма, как пишет Л.Р. Зиндер, «должна была сохраняться по крайней мере до того этапа развития языка, когда его звуковая сторона приобрела автономность. Естественно, что, пока нерасчлененный звуковой комплекс был однозначно связан с соответствующим «смыслом», только передача этого «смысла» без учета его выражения в речи была целью первоначальной стадии развития письма. Эту стадию полностью отражает идеография, приспособленная только к передаче содержания. Можно сказать, что пиктография не передает речь, а замещает ее» [8: с. 45, 47]. Заметим, од-

нако, что идеография как система графики, представляющая собой непосредственный рисунок предмета, не была обязательной стадией в эволюции всех языков индоевропейского ареала. До начала «осевого времени» у многих индоевропейцев просто не было никакой письменности, что не означает, что индоевропейцы не пользовались собственно рисунком для передачи информации. В книге И.К. Кузьмичева описаны типы «пещерных» рисунков, которые обнаруживаются на индоевропейской территории с древнейших времен и которые не только информативны, но и эстетичны (Кузьмичев, 1997).

Иероглифическое письмо соответствовало такому типу языка, в котором слово не было и не могло быть производным, разложимым на морфемы, — такое слово вычленялось в речи как целокупная самостоятельная единица. К такому типу языков принадлежат китайский и др. Этот тип языка можно назвать морфемно-внедеривационным (в нем нет морфологического типа словообразования в общепринятом смысле слова, однако широчайшим образом представлено семантическое словопроизводство. Этим языкам свойственна такая черта, как равенство слога слову, слова — морфеме, то и другое представлено в изолированном виде «морфемословослога». Безусловно, иероглифическое письмо было прогрессивным для такого типа языка и превосходно справлялось с функцией коммуникации на этапе развития общества, не использующего абстрактную лексику и морфемное словообразование. Поразительным свойством такого письма является удивительная транстемпоральность, — речь идет о способности грамотного человека читать тексты тысячелетней давности как современные, поскольку те и другие изобразительны и написаны на принципиально одной графике. Однако по мере нарастания в подобных языках абстрактных слов типа «дружба», «отношение» и подобных, которые трудно «нарисовать», начался процесс преобразования иероглифического письма, когда во многих случаях иероглиф уже не является рисунком предмета, а обозначает слог или звукокомплекс, хотя до сих пор конкретные предметы в китайском, например, языке просто передаются «на письме» схематичным рисунком, — такими иероглифами являются знаки «человек», «дом» и многие другие. В ряде стран (прежде всего в Японии и в Китае)

возникла ситуация графического двоевластия, когда используется иероглифика и латиница параллельно, при этом латиница чаще всего обслуживает язык коммерции и международной рекламы).

Качественный скачок в развитии системы письма произошел с появлением современной буквенной системы письма.

Основным является вопрос о механизме формирования буквы как языкового знака, поэтому обратим основное внимание на разгадку феномена буквы как таковой, т. е. попытаемся разгадать природу буквы в индоевропейских языках, оставив за пределами рассмотрения клинопись и иероглифику. Более того, сузим ареал рассмотрения только некоторыми дохристианскими и раннехристианскими азбуками, — и прежде всего греческими и славянскими буквами, а также грузинским и армянским письмом. Нас будет интересовать славянская протобуква, которая легла в основу древнейшего славянского письма, а также вопрос о графике, которую создал Константин в IX веке н. э. Как ни странно, эти вопросы оказываются очень тесно взаимосвязанными.

И в этом трудном деле, как всегда, нам помогут сравнения с другими языками и графиками, а также его величество случай. Итак, начнем с открытия поразительного сходства график очень разных языков, которое сделал Н.С. Трубецкой, обнаруживший сходство глаголицы и древнегрузинского письма «Асомтаврули». О таком сходстве писал также В. А. Истрин: «Имеется некоторое сходство и в общем графическом характере грузинского, армянского и глаголического письма» [9: с. 106, сноска]. Позже академик Т.В. Гамкрелидзе специально анализировал поразительный факт буквенного сходства трех разных азбук — *глаголицы*, древнегрузинской азбуки *асомтаврули* и древнеармянской азбуки *еркатагир*. Характерно, что асомтаврули и еркатагир с древнейших времен не очень сильно изменились и лежат в основе современных грузинской и армянской азбуки. Т.В. Гамкрелидзе посвятил большую статью формированию некоторых письменных систем раннехристианской эпохи, проанализировав коптскую, готскую, старославянскую, древнегрузинскую и древнеармянскую письменности. Позиция Т.В. Гамкрелидзе по отношению к вопросу

о происхождении этих трех азбук с самого начала двойственна. Сначала он допускает, что асомтаврули и еркатагир могли возникнуть под влиянием греческого минускульного письма. Однако в дальнейшем Т.В. Гамкрелидзе утверждает, что графические символы древнеармянской письменности «Еркатагир», созданной первоучителем всех армян Месропом Маштоцом, «изобретены в основном независимо от греческой графики в результате оригинального творчества его создателя с использованием различных негреческих образцов. В этом отношении древнеармянская письменность противостоит типологически другим письменным системам, опирающимся на греческую письменность: коптской, готской и старославянской кириллице» [4: с. 9].

К аналогичному выводу Т.В. Гамкрелидзе пришел и по отношению к древнегрузинскому письму «Асомтаврули», созданному неизвестным автором в период до V века н. э. (первые образцы «Асомтаврули» датируются V в. н. э.). Так, Т.В. Гамкрелидзе пишет: «Составитель древнегрузинского алфавита создает самобытную национальную письменность, и это положение подтверждается рядом обстоятельств: во-первых, в древнегрузинской письменности очень много букв, образующих специфическую систему, не соотносимую ни с какой другой графической системой — это буквы, символизирующие звуки (с), (3)... (х)... (з)...; во-вторых, названия букв древнегрузинского алфавита не повторяют наименований соответствующих знаков греческой системы-прототипа (или какой-либо другой письменной системы)» [4: с. 192]. Однако по отношению к глаголице, к сожалению, подобного вывода в статье Т.В. Гамкрелидзе сделано не было, т. е. не было подчеркнута, что и глаголица была образована самостоятельно и независимо ни от какой азбуки, хотя оснований для этого предостаточно: многие исследователи отмечают оригинальность внешнего вида букв глаголицы.

Далее Т.В. Гамкрелидзе анализирует возможность влияния греческого уставного письма на эти три азбуки — глаголицу, древнеармянскую и древнегрузинскую азбуку — и приходит к выводу, что такое влияние было, но речь должна идти об общем принципе, а не прямом заимствовании. Т.В. Гамкрелидзе хорошо сформулиро-

вал принцип, который объединяет эти три древнейшие раннехристианские азбуки: «Кроме сходства парадигматической структуры древнегрузинскую письменность “Асомтаврули” и старославянскую “Глаголицу” объединяет также общий принцип отдаления графики вновь создаваемой письменности от графики системы прототипа (речь идет о греческом минускульном письме. — *Е.К.*), с тем чтобы возникшая система характеризовалась всеми чертами “независимой национальной письменности”, не похожей внешне на другие современные ей системы письма. Крайним проявлением этого принципа явилась созданная Месропсом Маштоцом древнеармянская письменность с полностью отличной от греческого прототипа графикой» [4: с. 29]. Из этой сентенции Т.В. Гамкрелидзе следует, что все эти три названных азбуки осевого времени были связаны в момент возникновения с греческим прототипом, и с этим мы не можем согласиться. Все же нужно поискать другие причины сходства трех азбук друг с другом и не связывать это сходство с единым греческим первоисточником.

Более того, возможно, следует вести речь о сходстве не только трех названных, но и очень многих азбук, которые не могут не быть сходными, но не потому, что происходят из общего первоисточника. Таким образом, мы утверждаем: все три системы письменности — еркатагир, асомтаврули и глаголица были совершенно оригинальными и создавались независимо как от древнегреческого алфавита, так и друг от друга. Встает проблема их сходства, но на данном этапе рассуждений для нас важнее всего является утверждение о том, что, вероятнее всего, все упомянутые древнейшие письменности — подчеркнем еще раз — представляли собой сугубо оригинальные азбуки, поэтому попытки выводить одну письменность из другой, например, грузинскую из армянской, как предлагает С.Н. Муравьев (1962), или армянскую из грузинской, как предлагает Р. Патаридзе (1972), или даже глаголицу связывать с «Асомтаврули», как предлагает Н. Трубецкой (1954), абсолютно бесперспективны, хотя черты сходства между совершенно разными древнейшими письменностями обязательно должны быть, и ниже мы скажем о причинах этого поразительного феномена особо.

Итак, Н.С. Трубецкой, В.А. Истрин, Т.В. Гамкрелидзе и другие исследователи поставили важнейшую научную проблему: имеется три азбуки, которые похожи друг на друга, — это глаголица, еркатагир и асомтаврули (на самом деле похожих друг на друга азбук должно быть намного больше). Возникает вопрос: почему глаголица, еркатагир и асомтаврули похожи друг на друга, если встать на точку зрения, что о взаимовлиянии речи идти не может.

По нашему глубокому убеждению, эту проблему следует решать, правильно поставив вопрос: было ли сходство в момент возникновения этих трех азбук?

Мы готовы ответить положительно на этот вопрос: сходство разных азбук в момент возникновения должно обязательно быть, но совсем не потому, что одна азбука влияла на другие. Другими словами, вполне закономерным было сходство всех трех азбук в момент их возникновения, иначе и быть не могло, но при этом — подчеркнем особо — они не влияли друг на друга, а были созданы каждая самостоятельно и независимо друг от друга. Мы ответим положительно и на другой вопрос, подчеркнув, что влияние греческой азбуки на другие было значительным после принятия христианства у славянских и кавказских народов, но это влияние греческой азбуки осуществлялось на уже существующие оригинальные национальные системы письма, т. е. уже после их возникновения. Влияние греческой азбуки в осевое время усиливалось вместе с распространением христианства, поскольку греческая азбука воспринималась как один из его атрибутов.

Итак, возникновение буквенного письма — это величайшая информационная революция в истории человечества. Мы осмелимся утверждать, что именно она сделала возможным возникновение христианства и его распространение как мировой религии. Эта революция создала новое осевое время и нового человека, многократно увеличившего объем передаваемой и накапливаемой информации. Фактически с этого момента начался век информации, и следующее великое открытие, ознаменовавшее второй этап информационной революции, — печатный станок — обозначило то, что М. Маклюэн назвал гутенберговой галактикой, в которой мы живем по сей день. В конце прошлого века свершился третий этап информационной

революции, ознаменовавший возникновение глобального информационного интернет-сообщества. Так информационные подсистемы объединились в глобальную Сеть, а информация превратилась в самый ценный товар.

Не вызывает сомнения, что начало современной информационной эпохи было положено открытием буквы, и наибольший интерес в этой связи вызывает сам механизм возникновения буквы.

Мы склонны считать, что буква графически отображает некоторые черты артикуляции в момент произнесения звука речи. Еще точнее: мы уверены, что протобуква возникла как рисунок, как своеобразный иероглиф, но не предмета или сценки из жизни, а артикуляции звука, артикуляционной фигуры, которая образуется из органов речи в момент произнесения звука (назовем эту вполне материальную, зримую артикуляционную конфигурацию артикулятетой звука, помня о том, что у нее есть и ментальная копия, которую назовем артикулятемой, исходя из общепринятого уже разделения единиц языка на этические и эмические).

Итак, для нас стало очевидным, что вновь возникшая древнейшая буква представляет собой не что иное, как схематичное графическое изображение артикуляции, т. е. соположения речевых органов при произнесении того или иного звукотипа. И такое положение в определенной степени сохранилось по сей день, т. е. и сейчас в графическом облике буквы мы можем обнаружить схематический рисунок артикулятеты, т.е. конфигурации органов речи, необходимой, чтобы при продувании воздушной струи через эту артикулятету получился звук. Если мы обратимся к букве (о) в почти любой из европейских азбук, то достаточно одного взгляда в зеркало, чтобы убедиться, что эта буква точно рисует положение губ из положения анфас. Другими словами, эта буква схематически изображает округлое губное отверстие, которое изоморфно самой букве в ее графическом представлении. Не является исключением и греческая омега, которая также схематически обрисовывает округлое положение губ, которое очевидно в положении анфас.

Из сказанного следует, что если в разных языках звук произносился примерно одинаково, то и рисунок артикуляционной фигу-

ры в виде буквы должен получиться в разных алфавитах примерно одинаковым — именно в этом причина сходства букв самых разных азбук, включая глаголицу, асомтаврули и еркатагир. Важно подчеркнуть, что эти азбуки создавались самостоятельно, но результаты обрисовки артикуляционных фигур получились подобными, потому что использовался один и тот же принцип обрисовки органов речи при их схематическом изображении в виде буквы. Имя этому принципу — иероглиф артикуляции (рисунок анфас), т. е. автор азбуки рисовал своеобразный иероглиф лица в проекции анфас, точнее, части лица и видимых органов речи (губ, языка, носа).

Греческая азбука построена исходя из другого принципа — это рисунок в профиль, что было более перспективно, поскольку получающийся рисунок в виде буквы был более разнообразным и информативным.

Итак, становится ясным, что языки, имеющие приблизительно одинаковые звуки, могли совершенно изолированно друг от друга развить графику, в той или иной мере одинаково изображающую артикуляционные фигуры (артикулятивы) звуков в виде букв. Так становится понятным — повторим еще раз — феномен полного или частичного совпадения букв в графиках разных языков, которые не имели или прервали родственные связи задолго до возникновения у них письменности. Поэтому феномен схожести между раннехристианскими письменностями «Еркатагир», «Асомтаврули» и «Глаголицей» в момент их зарождения объясняется очень просто — он обусловлен сходством артикуляционных фигур и их рисунков в виде букв в самых разных языках. В этом разгадка феномена схожести график разных языков, которая была неизбежна при общем принципе обрисовки артикуляции звуков, которые звучали более или менее подобно, что и вело к более или менее подобной схематизации в буквах геометрических моментов артикуляции.

Таким образом, каждый из трех вышеупомянутых алфавитов был создан на национальной почве и в момент возникновения не испытывал какого-либо влияния извне. Что же касается второго вопроса о влиянии греческого алфавита в процессе совершенствования графики того или иного языка, то возможность влияния на них грече-

ского алфавита отрицать нельзя. И в этой связи встает вопрос о том, что же создал в 863 году н. э. Константин — кириллицу или глаголицу и какая из график была первичной по отношению к другой.

Этот вопрос может показаться странным: что же иное мог создать Кирилл, кроме кириллицы (иначе бы эта азбука так не называлась)? Тем не менее этот вопрос дискутируется, более того, доминирующим в современной палеографии является мнение, что Кирилл создал глаголицу. Дискуссия на эту тему идет уже не одно столетие, и мы не будем пересказывать ее перипетии. Сразу обозначим свою позицию: мы будем придерживаться точки зрения, что до приезда солунских братьев в Моравию у славян уже была письменность, и этой письменностью была глаголица. Рассмотрим аргументы, подтверждающие эту теорию, а также контраргументы, приводимые учеными, считающими, что Кирилл и его ученики создали глаголицу.

Первыми, кто утверждал, что у славян еще в дохристианский период было самобытное письмо — глаголица, были чешские ученые Лингардт и Антон (Anton, 1789), которые считали, что глаголица возникла еще в V–VI вв. у западных славян. Подобных взглядов придерживался П.Я. Черных, Н.А. Константинов, Е.М. Эпштейн и некоторые другие ученые. П.Я. Черных писал: «Можно говорить о непрерывной (с доисторических времен) письменной традиции на территории Древней Руси» [19: с. 18]. Значительное место доказательству существования докириллического письма у славян посвятил в своей книге В.А. Чудинов, однако он придерживается особой точки зрения, которая сводится к использованию рунического письма у славян в дохристианский период [20]. Мы также принимаем точку зрения о наличии у славян в докириллический период самобытного письма, будучи глубоко убеждены в том, что глаголица возникла в дохристианское время не только у западных, но у всех славян, в том числе и у восточных, — в очень древнее время (около V века н. э.).

В середине XIX века чешский лингвист Й. Добровольский предположил, что Кирилл создал кириллицу, но позже его ученики переработали кириллицу в глаголицу, чтобы избежать преследования со стороны католического духовенства. Эту гипотезу развивали также И.И. Срезневский, А.И. Соболевский, Е.Ф. Карский и др.

В конце XIX века В.Ф. Миллер и П.В. Голубовский выдвинули гипотезу о том, что Константин создал в Моравии глаголицу, эту точку зрения поддержал болгарский академик Е. Георгиев (1952). В.А. Истрин, также сторонник этой гипотезы, в качестве аргумента приводит следующий: «Кириллица несомненно происходит из византийского уставного письма и легко могла развиться из него чисто эволюционным путем, путем графических видоизменений или лигатурных сочетаний византийских букв, а также путем заимствования двух-трех недостающих букв из еврейской азбуки. Глаголица же не может быть полностью выведена из какой-либо другой системы письма и больше всего походит на искусственно созданную систему» [9: с. 78; в этой книге приведены и другие аргументы в пользу гипотезы о том, что Константин создал глаголицу: см. с. 145–149]. Эти бесспорно верные факты следует интерпретировать с точностью до наоборот: глаголица как уникальная, древняя и самобытная азбука самостоятельно развивалась из протоглаголического письма, сформировавшегося у древних славян в дохристианскую эпоху эволюционным путем. В работах И.А. Фигуровского мы находим описание протоглаголического алфавита, восстановленного на основе надписей на баклажках из Новочеркасского музея и на камнях и стенах Маяцкого городища на Дону. Кроме этого, имеется надпись, воспроизведенная арабским путешественником Ибн-аль-Недимом, а также надпись на глиняном сосуде X века (открыта В.А. Городцовым в 1897 г. в раскопе у с. Алексаново под Рязанью). Как пишет В.А. Истрин, близки по форме к алексановским надписям и знаки на горшках из бывшего Тверского музея, а также на медных бляхах из тверских курганов XI века [9: с. 125]. Б.А. Рыбаков считает, что некоторые из этих знаков подобны глаголическим буквам. К перечисленным примерам следует добавить и знаки, обнаруженные на свинцовых пломбах X–XIV веков на Западном Буге у села Дрогичина: на одной стороне такой пломбы видна кириллическая буква, на обратной — предположительно — протоглаголическая буква [9: с. 126].

Особое значение имеют исследования Д.И. Прозоровского, Е.М. Эпштейна, А.Л. Монгайта, Емила Георгиева, А.Д. Маневского, Ивана Гошева, А. Медынцева, Н.В. Энговатова, О. Чилики-

на, А.А. Молчанова, Г.С. Гриневича, В.Л. Янина и Б.А. Рыбакова, В.А. Чудинова, Э. Амброзича, И.Я. Бурау, С.А. Высоцкого, Л.П. Жуковской, А.И. Асова, И.С. Кузнецова, Пенчо Новакова, Горана Комара, Тома Босевского, которые приведены в сборнике «Вселенная русской письменности до Кирилла», составленном В.А. Чудиновым [20].

Мнение о том, что у славян до Кирилла было письмо, подтверждено документально, и именно об этом писал Черноризец Храбр, говоря, что у славян было письмо в дохристианскую эпоху («черты и резы»). Кроме этого, сам Константин говорит об этом: «Я рад поехать туда, если только они имеют письма для языка своего». Другими словами, он не согласился бы ехать в Моравию, если бы на этой земле не существовала письменность, которую можно было бы взять за основу для создания славянской азбуки. Кроме этого, еще до поездки в Моравию Константин уже читал и говорил на русском языке и был знаком с древнейшей русской азбукой, — весьма вероятно, что это была глаголица. Познакомился же он с русским письмом и языком, задержавшись почти на целый год в Херсонесе по дороге на знаменитый хазарский диспут с иудейскими и мусульманским проповедниками, о чем рассказано во всех без исключения списках «Жития Кирилла» [7].

Рассмотрим аргументы, которые приводит В.А. Истрин, в подтверждение тому факту, что Кирилл создал кириллицу.

1. История письма, по словам В. А. Истрина, показывает, что распространение почти любой религии сопровождалось одновременным распространением связанной с этой религией системы письма. «Так, западное христианство всегда вводилось у различных народов вместе с латинским письмом; мусульманство — вместе с арабским письмом; буддизм на среднем Востоке — вместе с индийскими системами письма (брахми, деванагари и др.), а на Дальнем Востоке — вместе с китайской иероглификой; религия Зороастра — вместе с алфавитом Авесты» [9: с. 149]. Не была исключением и восточная православная Церковь, которая несла слово Божие вместе с греческой азбукой. Вспомним при этом, что Константин не согласился бы поехать в Моравию, если бы уже там не было самобытного письма как основы для азбукотворчества.

Из этого следует, что Константин взял за основу самобытную глаголицу и создал на ее основе и основе греческой азбуки некую синтетическую письменность, названную впоследствии кириллицей, в которой греческие буквы были приспособлены для передачи славянских звуков, но часть букв была попросту позаимствована из глаголицы, что мы покажем ниже.

2. О создании Константином азбуки по греческому образцу при сохранении ряда древнейших славянских букв прямо пишет Черноризец Храбр: «Прежде оубо словене не имеху книгъ но чрътами и резами чътеху и гатааху погани суще. Крестивше же ся римскими и гръчьскими письмены нуждаахуся писати словенску речъ без оустроения но како может ся писати добре гръчьскими письмены Бъ илиживот или зело или црковь или чаание или широта или ядь или ждоу или юность или язык и инаа побнаа сим и тако беша многа лета. Потом же члколюбець Бъ строжи все и не оставлеу члча рода безъ разоума но вся къ разоумоу приводя и спсению помиловавъ род словенский посл им стго Константина философа нарицаемого Кирила мужа праведна и истинна и сътвори имъ д писмена и осьмь ова убо по чину гръчьскихъ писменъ ова же по словенстеи речи От пръваго же наченъ по гръчьскоу они оубо алфа а съ азъ от аза начать обое... Стый Кириль створи пръвое (првее) писмя азъ но яко и пръвомоу сущоу писмени азъ и от Ба даноу родоу словенскому на отвръстие оуст...» [9: с. 153–154, слова под титлом подчеркнуты].

Вполне ясно Черноризец Храбр говорит здесь о том, что часть букв Константин взял в греческой азбуке (по чину греческих писмен), а часть букв взял в славянской — «ова же по словенстеи речи», но начал азбуку Константин с буквы аз, как и в греческой. Более того, в списке текста Черноризца Храбра «Сказание о письменах», хранящегося в Московской духовной академии (список XV века), имеется однозначная запись: «глашати а, б, в, д, юс-большой, от сих суть кд побна гръчьским писменем. Суть же си. А, в, г, д, е, з, и, и-дес., К, л, м, н, о, п, р, с, т, оу, ф, х, омега, и ... по словенску языку». Здесь речь идет о том, как произносить буквы новой азбуки.

3. По свидетельству всех без исключения списков «Жития Кирилла», Константин во время путешествия к хазарам в Херсонесе

обнаружил Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами. Вот как повествуется об этом в «Паннонском житии»: «Обрете же ту евангелие и псалтырь русьскими письмены писано, и человека обреть глаголюща тою беседою, и беседова с нимъ и силу речи приимъ, своей беседе прикладаа различнаа писмена, гласнаа и согласнаа, и к богу молитву творя, вскоре начать чести и сказати, и мнози ся ему дивляху...» [9: с. 111]. Трудно трактовать это свидетельство как-то двояко. Здесь идет речь о том, что Константин обнаружил в Херсонесе священные книги на русском языке, нашел человека, «глаголюща тою беседою» (говорящего на том языке), сопоставил различные буквы — гласные и согласные — своего и русского языка и вскоре научился читать и говорить по-русски, чему многие удивлялись. Из сказанного также следует, что русские принимали христианство и переводили греческие книги еще до 988 года, — об этом есть также свидетельство арабского источника.

4. В 907 году был заключен первый договор с Византией, о чем свидетельствует договорная грамота, не дошедшая до нас, но сохранившаяся в «Повести временных лет» в пересказе. За первым договором последовали и другие. Понятно, что договорная грамота была составлена на греческом языке, с одной стороны, и на древнерусском языке, с другой стороны. Вполне понятно, что для этого использовалась русская азбука, которой в этот период могла быть только глаголица.

5. Цифровая система глаголицы последовательна: первая буква = 1, вторая буква = 2 и т. д., что свидетельствует о том, что она была исходной системой счета. Что же касается кириллицы, то в ней все смешалось, и порядок следования букв не соответствует натуральному ряду чисел, есть буквы, которые употребляются только как цифры. Такое положение дел в кириллице возникло потому, что она синтезирует греческую азбуку и глаголицу, т. е. включает буквы из разных азбук.

Греческие буквы *пси* и *кси* практически всегда употреблялись как цифры, очень редко их можно было встретить в собственных именах *АлеХандръ*, *ХсерХъ* (*Ксеркс*), иногда в словах типа *псалом* (с первой буквой *пси*).

6. У южных славян есть легенда, повествующая о том, что у них с древних времен существовало письмо.

7. В. А. Истрин и П. Я. Черных приводят и такие аргументы: если считать, что письмо у славян не существовало еще задолго до принятия ими христианства, то непонятен и неожиданно высокий расцвет болгарской литературы в конце IX – начале X в., а также позже древнерусской литературы («Слово о полку Игореве», как и «Моление Даниила Заточника», «Русская Правда» написаны на древнерусском, а не на церковнославянском языке), не будут также понятны широкое распространение письменности в быту восточных славян X–XI вв. и высокое мастерство, которого достигло на Руси уже к XI в. искусство письма и книжное оформление (пример — «Остромирово Евангелие») [9: с. 104].

Итак, наиболее непротиворечивой и документально подтвержденной версией возникновения кириллицы становится версия создания кириллицы путем замены большинства букв древнейшей глаголицы на греческие. Однако часть букв, которые обозначали звуки, отсутствующие в греческом языке, перешли в кириллицу из глаголицы.

Рассмотрим подробнее, какие буквы глаголицы были устранены и какие при некоторой перелицовке и подгонке к греческому канону сохранились. Итак, Храбр говорит, что Кирилл создал «дл письмомена и осемь», т. е. 30 и 8 = 38 букв. Из них 24 буквы восходят к греческому алфавиту (*аз, веди, глаголь, добро, есть, земля, иже, и, како, люди, мыслете, наш, он, покой, рцы, слово, твердо, ферт, ха, омега, пси, кси, фита, ижица*), при этом *кси* и *пси* не существовали ранее в глаголице.

Однако следует отметить, что из перечисленных выше 24 букв имеется в кириллице группа букв, внешне похожих как на буквы глаголицы, так и на греческие буквы, поэтому такие буквы, можно сказать, имеют двойную мотивацию внешней формы: это буквы *добро* и *дельта*, *есть* и *эпсилон*, *люди* и *лямбда*, *мыслете* и *ми*, *рцы* и *ро* (*рцы* — перевернутая *ро*), *твердо* и *тау*, *ферт* и *фи*, *о* и *омега*, *о* и *о-микрон*. Таким образом, из 38 букв кириллицы собственно и только греческими по происхождению можно при-

знать 14 букв: *аз, веди, глаголь, зело* (из греческой дигаммы), *ижсе, како, наш, покой, слово, ха, омега*, — плюс к этому *ижица, пси, кси*, две последние из которых практически как буквы не употреблялись (*ижица* имела значение (и) или (у) с умляutom и употреблялась противоречиво и непоследовательно).

Значительная часть кириллицы фактически заимствует буквы из древнейшей глаголицы, однако Константин подогнал эти буквы под общую стилистику греческой азбуки, убрав некоторую витиеватость. Тем не менее любому не посвященному в таинства графемики видно, что глаголические буквы *цы, червь, ша, шта, ер, ерь, ю* перешли в кириллицу при минимальном внешнем изменении. Глаголические буквы *юс-большой* и *юс-малый*, а также эти же *юсы* йотированные при переходе в кириллицу были просто повернуты на 90 градусов и с «боку» поставлены «на ноги», — это было сделано Константином, чтобы придать им удобный для скорописи вид. Что касается буквы *ять*, то следует признать, что она возникла при увеличении *ера* (Б) и придании ему черты в верхней части. Очевидно, что эта буква была просто придумана Константином, который решил не использовать глаголический *ять* из-за его графической сложности (треугольник с внутренним разделением тремя чертами), — и сделал правильно, поскольку преследовалась и чисто технологическая цель — азбука, позволяющая писать быстро на скорописи, что было необходимо для скорейшего распространения христианских книг и православия на славянских землях. Этот гигантский *ер* (Б) был использован Константином для еще одной придуманной им буквы, которая заменила глаголическую букву *дєрвь* и была похожа на кириллический *ять*, но у этого «испорченного ятя» не было снизу черты, — характерно, что этой букве нет соответствия ни в греческой азбуке, ни в глаголице, что приводит к выводу, что эту букву Константин придумал сам.

Таким образом, остаются диграфы, т. е. двойные буквы, образованные слиянием двух букв. К таковым в кириллице относятся буква *еры* (ы), йотированные *малый* и *большой юсы*, а также буква *я* (йотированный *аз*) и йотированная *есть*. Все перечисленные диграфы были образованы из слияния соответствующих букв с *десятеричным и*.

Двойная буква *ou* (ук), обозначающая звук (у) в кириллице, весьма вероятно, появилась как перелицовка глаголической буквы «ук», на которую она похожа, — заметим, что в греческой азбуке не было соответствующей буквы, а в глаголице — была.

Теперь перейдем к самому главному, т. е. к вопросу о том, не обнаруживаются ли в буквах глаголицы некоторые моменты артикуляции (артикулятемы), а также не переходят ли они в кириллицу «по наследству». Опять же невооруженным глазом видно, что при обозначении носовых звуков в глаголической букве у нее появляется два рядом расположенных, маленьких кружочка, похожих на ноздри, или один кружок, видимо, с такой же символизацией носа. Именно такой вид имеют глаголические буквы *мысле* (передает звук (м)), *наш* (звук (н)), *юс малый* (передает звук э-носовой), *юс большой* (звук о-носовой). Этот кружок или два кружка не сохраняются в кириллице, поскольку они сильно помешали бы скорописи.

Другим иероглифом органов речи в глаголице является буква *ферт*, однако подобным образом иероглифична и греческая буква *фи*, также имеющая функцию передачи звука (ф), — она еще более похожа на округлое ротовое отверстие с перемычкой из губ посередине, т. е. еще точнее обрисовывает артикулятету звука (ф). В современной букве (ф) мы до сих пор можем наблюдать хорошо отраженный схематический рисунок положения губ анфас при произнесении звука (ф): во внешнем облике буквы имеются два продолговатых отверстия с перемычкой между ними.

О форме буквы *о* во многих азбуках мы уже говорили выше, не является исключением в этом отношении и глаголица, хотя буква *о* в ней менее иероглифична, чем в греческой азбуке. Что касается других букв глаголицы в плане схожести их формы с артикуляционной фигурой, то мы посвятим этой проблеме свою будущую работу. В данной же статье коснемся в дальнейшем вопросов иероглифичности кириллических букв, помня о том, что обрисовке подлежит не сам предмет, а артикуляционная фигура (артикулятета) звука.

Таким образом, во второй половине IX века н. э. (в 863 году) Константин Философ усовершенствовал и приспособил ряд букв греческой азбуки для передачи славянских звуков, а также видоизменил ряд букв древнейшей глаголицы, создав альтернативное глаголице письмо, и на славянских землях эти две азбуки некоторое время сосуществовали. Подчеркнем еще раз, что Константин не изобрел принципиально новую азбуку в строгом смысле этого слова, он взял за основу две уже существующие азбуки и синтезировал их, т. е. он синтезировал глаголицу и греческое письмо и получил азбуку, хорошо передающую славянские звуки. Другими словами, Константин только лишь усовершенствовал древнейшую глаголицу, изменив часть ее букв на греческий лад и введя часть греческих букв взамен глаголических, приспособив полученную азбуку для передачи славянских звуков. Это была азбука для миссионерских целей христианизации язычников, уже много веков пользовавшихся глаголицей. Был, однако, период, когда обе азбуки сосуществуют и обе используются для переписывания богослужебных книг, но близость кириллицы к греческим первоисточникам приводит к постепенному распространению кириллицы и вытеснению ею древнейшей глаголицы, которая была менее приспособлена для скорописи.

Доказательством этому служит надпись на камне церкви болгарского царя Симеона (около 893 г.), ритуальная часть которой сделана на глаголице как на более древней письменности, а надпись «церковь святого Иоанна делан(а) Паухом Христофулазом», как более современная, сделана на кириллице. Еще один аргумент в пользу существования до кириллицы другого славянского письма приводит В.А. Истрин. Так, он пишет: «О существовании у славян протокирилловского письма свидетельствует и тот чрезвычайно малый срок, который понадобился Константину, согласно его «Житию», для разработки упорядоченной славянской азбуки. Такой короткий срок был возможен лишь при условии, что у Кирилла имелись какие-то исходные материалы» [9: с. 105]. Таким докирилловским славянским письмом была глаголица, что представляется нам более чем вероятным. Еще одним доказатель-

ством этому являются так называемые палимпсесты, т. е. кириллические написания по смытому глаголическому тексту (понятно, какой текст является более древним).

Имеется и ряд других косвенных свидетельств принятой в этой статье теории. В Новгороде Великом можно на стенах Софийского собора обнаружить глаголические буквы — именно на древнейшей части собора. Это доказывает, что кириллица не создавалась как оригинальная азбука «с нуля», а речь может идти о переделке и приспособлении как глаголических, так и греческих букв для славянской фонетики, хотя «чистая» глаголица также использовалась для написания христианских текстов переводного характера. Тем не менее тень языческого прошлого лежала на глаголице, поэтому в конкурентной борьбе двух азбук победа осталась за новоприобретенной кириллицей, созданной специально для переписывания переведенных с греческого языка богослужебных книг.

Если обратиться к онтогенетической сущности появления графики в языке, то очевидно одно обстоятельство: с появлением письменности становятся возможными существенные изменения фонетико-фонологического строя языка, так как графема принимает на себя роль хранительницы единства значения морфемы, монополию на которую постепенно начинает утрачивать фонема. Так, если до появления графики можно наблюдать усложнение фонетико-фонологической структуры языка, то после появления графики начинается процесс ее оптимизации, а затем и упрощения по закону Бодуэна (гласные упрощаются, согласные оптимизируются и усложняются).

Именно после появления графики начались революционные процессы в фонетике славянских языков (падение редуцированных, отпадение конечных согласных, возникновение корреляции по мягкости и др.). Это привело к созданию системы фонем, сохраняющейся в русском языке в своих основных чертах по сей день. Дальнейшее развитие этой системы привело к возникновению слабых позиций и слабых фонем (или архифонем), а также сверхслабых позиций и квазифонем, что было невозможным в дографическую эпоху, поскольку единство морфемы должно было

обеспечиваться фонологическими средствами, и для этих целей приходилось пользоваться исключительно сильными позициями в рамках фонемного кода морфемы (на Русском Севере такая архаическая система сохранилась в известной мере до сих пор).

С появлением письменности графемный код сначала становится вторичным символом фонемного кода, а затем, к моменту формирования общенародного письменно-сублитературного койне (национального социолекта), графемный код начинает первично и самостоятельно символизировать единство морфемы, а фонемный код идет по пути развития слабых позиций и дефонологизации, в реальной речи приводящей к развитию аканья, качественной редукции гласных, оглушения и озвончения согласных, позже (уже к началу XX века) иканья.

Из сказанного можно сделать вывод, что конец общеславянской эпохи обозначен появлением письменности у славян, и появление письменности отнюдь не связано с алфавитом Кирилла. Другими словами, письменность у славян существовала гораздо ранее 863 года, когда Кирилл и Мефодий осуществили первые переводы христианских текстов на славянский язык в новой графике — кириллице. И этой древнейшей письменностью была славянская глаголица, которая действительно похожа на «черты» и резы». После возникновения глаголицы фонетико-фонологические системы разных славянских языков развивались специфично, т. е. каждая из них пошла своим путем, что и привело к разрушению общеславянского единства и образованию трех групп славянских языков — западной, южной и восточной.

Еще раз вернемся к соотношению глаголицы и греческой азбуки. Итак, если взять глаголицу в качестве рассматриваемой графической системы, то становится заметным ее коренное отличие от греческой азбуки: многие буквы в глаголице обрисованы из положения анфас, что приводит к схожести гласных и согласных букв и в целом является большим недостатком данной графики. В определенную историческую эпоху происходит поворот точки зрения, и привлекается взгляд и проекция в профиль при схематическом изображении артикуляции в виде буквы — по греческому прин-

ципу прорисовки артикуляционных фигур при «иероглифизации» их в облик буквы. Именно поэтому в новой азбуке Кирилла буквы обрисовывают органы речи в профиль, как и в греческой азбуке.

Кроме этого, часть глаголических букв, которые также обрисовывают артикуляцию в профиль, подобно греческим, были перенесены в новую азбуку. И все же в кириллицу были перенесены и исконно глаголические буквы, которые обрисовывали артикуляцию анфас. Однако Константин преобразил их в значительной степени. Этот прием мог возникнуть на довольно развитой стадии письменности, когда буква уже превращалась в знак и в известной мере теряла, хотя и не до конца, мотивированную связь с той артикуляционной фигурой (артикулятетой), которую она изображала. Другими словами, поворот в обрисовке букв из положения анфас в положение в профиль означал поворот развития графической системы в сторону профильной семантизации, а также возможного снижения мотивированности буквы артикуляционным профилем. Для представления буквы как артикуляции в профиль была необходима повышенная степень абстрагирования, что соответствовало и повышению общего уровня общественного сознания, его способности отвлечься от конкретики предмета.

Так осуществлялся переход глаголических букв преимущественно из разряда иконических (сходных по форме) рисунков анфас (фактически — иероглифов артикулятеты) в разряд менее мотивированных буквенных знаков, что сопряжено с понижением изобразительной мотивированности кириллической буквы для языкового сознания. Новая буква теряет иконичность и все больше превращается из иконического символа в маломотивированный знак — именно так мы представляем себе букву в настоящее время, не задумываясь над ее изобразительной природой. Однако большим выигрышем такого подхода оказалось повышение информативности буквы в кириллице, поскольку была преодолена схожесть гласных и согласных букв, которая присутствовала в древнейшей глаголице.

Именно такую графическую «революцию» совершил Константин в 863 году, хотя проект перелицовки старой и создания новой славянской азбуки на греческий лад, вероятно, возник

у Константина после знакомства со славянским письмом в Херсонесе во время хазарского путешествия, о чем говорится в «Житии Константина». Кириллическое письмо было более однотипным и одновременно более информативным, поскольку почти все буквы, за исключением «омеги» и «ферта», схематизируют артикуляторы в профиль и подобны профильным рентгенограммам органов речи, как бы замершим в момент произнесения типового звука речи. Подчеркнем особо, что и в кириллице сохранилась иконическая сущность графического знака до сих пор, а в ряде случаев она даже была усилена, т. е. какие-то черты артикуляций были переданы в нарисованном облике кириллической буквы более точно, и это является достаточным основанием для рассмотрения графических элементов букв с точки зрения их соответствия артикуляционным положениям (кинетам, если дополнить терминологию Бодуэна, использовавшего термин «кинема»).

Однако прорисовка пространственных символов в кириллице, как стоит еще раз подчеркнуть, осуществлялась уже не в анфасной, а в профильной проекции, что характерно, очевидно, для большинства из существующих азбук (арабская вязь, например, очень идеографична — изображает положения языка и ротовой полости именно в профиль, как на рентгенограмме, при этом она включает дополнительные значки, передающие положения органов речи в момент произнесения звуков). В этой связи мы вновь возвращаемся к проблеме различительных признаков для букв.

Итак, если выделять различительные признаки буквы, то они не могут не быть в какой-то степени похожими (гомоморфными, по терминологии Ю. Гастева) реальным положениям органов речи, которые складываются при произнесении звуков. Именно эти положения органов речи (кинеты) следует рассматривать как специфические прообразы для графических различительных признаков (штрихет) протобуквы. Не подлежит сомнению, что в эволюции славянской графики произошел поворот некоторых букв в плоскости строки (буква «лежала», а затем была поставлена писцом на строке), что разрушало изобразительную связь между артикуляционной фигурой и графическим обликом буквы

(кинетой и графическим штрихом, соответствующим этой кинете в пространстве реальной артикуляционной фигуры). Изоморфность артикуляционной фигуры и буквы вследствие этого значительно редуцировалась, а затем у некоторых артикуляционных фигур и букв и вовсе была разорвана, что привело к преобразованию буквы из иконического знака в символический и почти произвольный.

Коль скоро в графике языка можно выделить «штрихету», позволяющую идентифицировать и различать графету (реально видимую букву) при восприятии графических экспонентов слова (буквенных знаков слова), т. е. графических оболочек слов, то в языковом сознании можно обнаружить штрихему, помогающую распознать графему. Важно установить состав и количество штрихет для языков, пользующихся одной и той же графикой. Первые шаги в этом направлении по отношению к кириллице были сделаны З.М. Волоцкой, Т.Н. Молошной и Т.М. Николаевой (1964), хотя ими не была учтена возможная связь характера артикуляции звука и формы буквы, что является, на наш взгляд, обязательным в филогенетическом и небесполезным в онтогенетическом аспектах разработки данной проблемы, поскольку своеобразный «графический символизм» во внешней форме кириллических и латинских букв, бесспорно, существует. Причем в латинской, греческой и кириллической азбуке можно даже наблюдать семантико-визуальные соответствия, например, графета (o), артикулетета (o) и звук (o) участвуют в построении слов, содержащих семантику круга, окружности.

Если предположить, что основными выразителями образного смысла в древнейший период развития индоевропейских языков были гласные фонемы под ударением, а согласные конкретизировали создаваемый звуком или артикуляцией основной, главенствующий образ, то этот феномен становится вполне понятным. В целом это позволяет обнаружить графический символизм в таких древнейших корнях, как дОм, лОг, рОг и т. д., которые в той или иной степени содержат идею круга, оболочки, сферы вокруг и т. д.

Примером подобного рода могут служить также суффиксы в славянских фамилиях на -ко (Иванен-ко, Петрен-ко и т. д.): идея

семейного круга выражена в них звуком, артикуляцией и графемой /о/; идея вхождения в этот круг лиц (или семью) передается предлогом «к», который и сейчас имеет подобное значение принадлежности к чему-либо (характерны названия статей «К вопросу о...»). Получается комплексная идея вхождения (предлог — к) в некий семейный круг, символизируемый графемой (О). Другой славянский суффикс фамилии *-ов* также содержит идею семейного круга и идею вхождения в этот круг, которая передается при помощи предлога «в», по своей семантике ничуть не изменившегося с древнейших времен. Поэтому русский суффикс *-ов* полностью синонимичен украинскому «фамильному» суффиксу *-ко*, при этом тот и другой образительны в очень значительной степени. В суффиксе фамилии *-ин* содержится совсем другая идея: «-ин» значит иной, какой-то, один из; следовательно, в фамилии «Иль-ин» содержится идея «один из семейства Ильи». При этом идея семейного круга в таком случае отсутствует, на первый план выходит идея посесивности, принадлежности лично Илье. Весьма вероятно, что такая фамилия появляется позже и соответствует эпохе развитой идеи собственности, включая право собственности на личность, что типично для рабовладения.

Следующим этапом развития фамильного суффикса оказывается элемент *-ский*, который передает идею привязанности человека к локусу, месту, местности (Львовский, Новгородский и т. д). При этом некий семантический флер приближения, совместности, свойственный предлогам «с» и «к» в совокупности, до сих пор ощущается. Что же касается символизма артикуляций и графем элементов этого суффикса, то мы не способны, пожалуй, уже сейчас ощутить этот иконизм фоносимволизма, который может улетучиваться со временем.

Возвращаясь к вопросу о различительных признаках графем (т. е. реальных букв, при этом графема — это образ графеты в лингвистическом секторе человеческого сознания), названных здесь штрихетами, подчеркнем, что стала очевидной невозможность их осознания вне связи с артикуляционными реалиями, т. е. с кинетами и артикуляциями (предложенные термины восполняют терминосистему Бодуэна). Не вызывает сомнения, что

геометрическое расположение штрихет в кириллических буквах соответствовало ранее и сейчас в значительной степени соответствует положению языка относительно пассивного речевого органа, с одной стороны, или положению губ, с другой стороны. Так, буква (В) схематизирует в профиль сомкнутое положение губ — в виде почти непосредственного рисунка губ, подобно и букве (Б), но последняя более динамична: передает прямой штрихетой движение верхней губы вверх.

Уникальной является буква (Ф), которая анфас передает смычку губ в центре и округлые, как у лежащей цифры восемь, отверстия-проходы по бокам, что хорошо заметно при рассмотрении артикуляции данного звука в зеркале. Другими словами, буква «ф» довольно точно и схематично обрисовывает артикуляцию губ при произнесении звука «ф». Весьма вероятно, что буквы (к) и (г) также изображают профильное положение органов речи. Так, вероятно, (к) символизирует распахнутое положение губ, а (г) — выпяченную вперед верхнюю губу. Буква (х) схематизирует в профиль такое же, как у (к), положение губ и наличие внутриротового резонатора. Буква (п) схематизирует запертое положение губ, при этом она развернута на четверть круга влево, т. е. не лежит, а стоит на строке, хотя рисунок органов речи более точно в букве может передаваться в том случае, если ее «положить на бок» запертым вертикальной чертой концом. Буква (м) динамична и схематизирует раскрытие губ, т. е. обрисовывает конечную фазу артикуляции, а не начальное замкнутое состояние губ.

Таким образом, губные артикуляторы передаются геометрически схожими буквами, изображающими губные артикуляции, поэтому штрихеты (графические элементы букв) в значительной мере коррелируют с кинетами (артикуляционными положениями органов речи в момент произнесения звука) и в какой-то степени являются их графическими схемами, т. е. рисунками (иероглифами).

Группа язычных артикуляторов образует свою систему соответствий, где схематизации подвержен главным образом язык как активный речевой орган относительно пассивных, а также схематизируется положение губ. Например, буква (з) в профиль схематизирует два полукружных резонатора, которые образуются губа-

ми и зубами: один образуется вогнутым языком снизу, другой — выпяченной вперед верхней губой (в более старой версии буквы полукружья не были равны, как и в артикуляционной фигуре — верхнее было бóльшим. Буква (с) схематизирует один резонатор для завихрения воздушной струи, очевидно, образуемый верхней губой, где происходит осязаемое трение воздушной струи.

В целом и в облике других букв кириллического алфавита можно обнаружить сходство с проекциями органов речи, которые те занимают в момент произнесения типовых звуков речи. При этом подчеркнем, что в некоторых языках наблюдается сходство в произношении звуков речи, поэтому схематические рисунки, которыми, по существу, и являются буквы, оказываются сходными просто потому, что их приходится обрисовывать сходным образом в профиле буквы.

Наконец, перейдем к построению фрагмента теории штрихет и кинет, которую еще предстоит создать в науке о букве. Итак, примем в качестве аксиом следующие положения:

1. Чтобы получить понятие, адекватное различительному признаку звука, различительный признак буквы должен быть охарактеризован с визуальной точки зрения геометрически.

2. Этот признак обязательно должен присутствовать и повторяться при написании буквы в любом шрифте или почерке.

И такое положение дел мы действительно наблюдаем в графике языка: графическое изображение смычки или щели различает геометрические облики букв. Нетрудно заметить, что артикуляционная щель геометрически и графически изображена через элемент округлого (круглую штрихету) в буквах (в) и (ф), (с) и (з), (ж), (ш) и (х). Такой элемент отсутствует в буквах, «рисующих» артикуляции смычных звуков (п), (м), (т), (д), (к), (г). Противоречат обнаруженной закономерности облик буквы (б) (есть округлая штрихета, а звук смычный), однако в данном случае доминирующим графическим элементом оказывается обрисовка положения губ с сопутствующим звучным компонентом — в противоположность графете (п), о чем говорилось выше. При этом именно такая обрисовка идеи звонкости «б» может быть чисто случайной, можно было изобразить этот различительный признак фонемы в виде другого различительного при-

знака графемы, но некоторая изобразительность положения верхней губы в облике буквы «б» все же присутствует, поскольку, в отличие от запертости «п», в облике «б» имеется проход, типичный для звучности (звонкости — как РП) в целом.

Выводы. Таким образом, можно предположить, что система различительных признаков графет (букв) в определенной степени мотивирована артикуляционными фигурами языка (положениями органов речи в момент произнесения звука), и такое положение сохраняется в любом самом развитом языке, обладающем фонемографией (точнее было бы в некоторой степени говорить — с позиций вышеизложенного — об артикулятографии). Становится понятным, что графическая система многих современных языков обладает достаточно изоморфным параллелизмом артикуляционной и графической системы, т. е. речь идет об изоморфизме или гомоморфизме положений органов речи (кинет) и графических элементов букв (штрихет).

В этой связи возникает удивительное и чудесное свойство изобразительности как артикуляционного, так и графического облика слова в языке. В таком случае можно говорить о константном графемном шифре написанного означающего, корреспондирующем константному артикуляционно-фонемному шифру озвученного означающего того или иного слова языка. Именно поэтому как графический, так и артикуляционный облик слова, например «о-хват», прямо изобразительно передает идею круга, круглого, охватывающего. Подобное происходит и с корневой морфемой, включающей в центр подударный «о», как уже говорилось, это слова типа «дом», «ком» (круглый предмет), «лом» и т. д. Именно по константе графемного и фонемного шифра означающего слова и происходит идентификация слова на уровне предсознания, именно поэтому философы в диалоге Платона «Кратилл» говорили о правильном имени. Думается, что платоновская идея эйдоса вещи очень точно переплетается с идеей графического и артикуляционного изображения этого эйдоса, под которым Платон понимал основную идею вещи. Не подлежит сомнению, что константа графемного шифра тождественна константе фонемного шифра означающего, из чего следует, что в индивидуальном языке пишущего слабые позиции для фонем тождественны сла-

бым графемным позициям, где графемы могут нейтрализоваться и часто устраняются в письменной речи малограмотных людей.

Показательно, что слово еще можно написать как *ишо*, *ишчо* — и все равно оно будет понятным, потому что ни в одном из неправильных написаний не затронуты константа фонемного шифра и константа графемного шифра слова (элемент (щ + о)), главным образом обеспечивающая связь с его значением в устном или письменном варианте языка (не ясно, что может означать звуко-символ и + Щ, но очень понятен звуко-символ (о)). Фактически речь может идти о существовании архиграфем и квазиграфем, подобно архифонемам и квазифонемам в звуковой форме языка, образующих вместе с собственно графемами градационную графемологию языка, по образцу градационной фонологии языка [11; 12]. Примером архиграфемы служит написание *сабака* или *симья*, где можно выделить архиграфемы (о – а) или (э – а), которые в письменной речи репрезентированы графетами (буквами) (о) или (е). Важно подчеркнуть, что при большой скорости чтения возникает непосредственная связь между значением и графическим обликом слова — минуя его звуковую ипостась.

Квазиграфему можно проиллюстрировать написаниями типа *лесница*, *солнце*, в которых может быть пропущена буква, но это не приведет к разрушению значения слова и не нарушит его понимания, более того — это даже не будет замечено при быстром чтении. Если для репрезентации гласной квазифонемы (*) в русском языке имеются специфические редуцированные звуки (ъ) и (ь), то для репрезентации квазиграфем нет специальных графет, а используется графический ноль, т. е. отсутствие буквы приобретает статус квазиграфеты. При этом не страдает ни скорость восприятия и распознавания слов, ни их смысловая нагруженность: дело в том, что воспринимающее сознание не учитывает все признаки при идентификации графического экспонента слова, а только наиболее нагруженную информативно часть, т. е. константу знакового шифра слова (фонемного или графемного шифра слова). Кроме этого, большое значение имеет опережающее распознавание, которое навевается контекстом.

Из этого можно сделать вывод, что графическая форма речи, как и звуковая, обладает избыточностью. Древнейшие системы славянского письма, использовавшие титло, были в этом смысле намного прогрессивнее любого современного письма с развернутыми и полными (без сокращений) написаниями графических экспонентов слов в наши дни. Подводя итоги, подчеркнем, что градационная графемология может быть построена как параллельная градационной фонологии разновидность лингвистической науки и принести пользу в решении насущнейшей проблемы совершенствования графики русского (или любого «графически» родственного ему) языка.

Литература

1. *Амирова Т. А.* Функциональная взаимосвязь письменного и звукового языка / Т.А. Амирова. – М.: Наука, 1985. – 286 с.
2. *Бодуэн де Куртенэ И. А.* Об отношении русского письма к русскому языку / И.А. Бодуэн де Куртенэ // Бодуэн де Куртенэ И.А. Избранные труды по общему языкознанию. – Т. 2. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 209–235.
3. *Волоцкая З. М.* Опыт описания русского языка в его письменной форме / З.М. Волоцкая, Т.Н. Молошная, Т.М. Николаева. – М.: Наука, 1964. – 386 с.
4. *Гамкрелидзе Т.В.* Происхождение и типология алфавитной системы письма: (Письменные системы раннехристианской эпохи) / Т.В. Гамкрелидзе // Вопросы языкознания. – 1988. – № 6. – С. 5–33.
5. *Гельб И. Е.* Изучение систем письменности у древних славян) / И.Е. Гельб. – Ростов на Дону: Ростовское н/Д кн. изд-во, 1957. – 156 с.
6. *Георгиев Е.* Славянская письменность до Кирилла и Мефодия / Е. Георгиев // Чудинов В.А. Вселенная русской письменности до Кирилла. – М.: АЛЬВА-ПЕРВАЯ, 2007. – С. 45–46.
7. *Гошев И.* Негреческие кирилломефодиевские знаки в так называемой кириллице / И. Гошев // Чудинов В.А. Вселенная русской письменности до Кирилла. – М.: АЛЬВА-ПЕРВАЯ, 2007. – С. 68–75.
8. *Зиндер Л. Р.* Очерк общей теории письма / Л.Р. Зиндер. – Л.: Наука, 1987. – 112 с.

9. *Истрин В.А.* Какого рода докирилловское письмо могло существовать у славян / В.А. Истрин // Чудинов В.А. Вселенная русской письменности до Кирилла. – М.: АЛЬБА-ПЕРВАЯ, 2007. – С. 53–63.
10. *Карский Е.Ф.* Славянская кирилловская палеография / Е.Ф. Карский. – Л.: Изд-во АН СССР, 1928. – 494 с.
11. *Киров Е.Ф.* Теоретические проблемы моделирования языка. – Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 1989. – 256 с.
12. *Киров Е.Ф.* Фонология языка. – Ульяновск: СВНЦ, 1997. – 541 с.
13. *Константинов Н.А.* Начало расшифровки загадочных знаков Приднепровья / Н.А. Константинов // Чудинов В.А. Вселенная русской письменности до Кирилла. – М.: АЛЬБА-ПЕРВАЯ, 2007. – С. 381–386.
14. *Константинов Н.А.* Черноморские знаки и глаголица. Очерки и исследования по истории русского языка / Н.А. Константинов // Ученые записки ЛГУ. – 1957. – № 197, серия филологических наук. – Вып. 23. – С. 110–147.
15. *Куев К.М.* Отново за годината. Когдато е била съставена славянската азбука / К.М. Куев. – Т. 54. – Кн. 1. – София: Годишник на Софийски университет, 1960.
16. *Леонтьев А.А.* Некоторые вопросы лингвистики / А.А. Леонтьев // Вопросы общего языкознания. – 1991. – № 1. – С. 8–10.
17. *Лоукотка Ч.* Развитие письма / Ч. Лоукотка. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. – 320 с.
18. *Фигуровский И.А.* Расшифровка нескольких древнерусских надписей, сделанных «загадочными знаками» / И.А. Фигуровский // Ученые записки Елецкого пединститута. – Вып. 2. – Липецк: Изд-во Липецк. пед. ин-та, 1957. – С. 48–56.
19. *Черных П.Я.* К вопросу происхождения древнерусского письма / П.Я. Черных // Чудинов В.А. Вселенная русской письменности до Кирилла. – М.: АЛЬБА-ПЕРВАЯ, 2007. – С. 30–44.
20. *Чудинов В.А.* Вселенная русской письменности до Кирилла / В.А. Чудинов. – М.: АЛЬБА-ПЕРВАЯ, 2007. – 665 с.

E.F. Kirov

Russian Graphics Before and After Kirill

In this paper we consider the origin of a letter as a language token. The solution proposed is so simple that it can explain the amazing pheno-

menon of similarity of letters in different geographically distanced alphabets. According to the paper, the letter is a schematic image of the position of speech organs at the moment of speech production. Some of the letters still remain iconic, for example, the letter “o” in the graphic systems of different languages. It is a plausible explanation for the similarity in the shape of letters belonging to different graphic systems of the world. This similarity is seen as inevitable as identical sounds existing in different languages can only be represented by similar or identical tokens.

Key words: alphabet; letter; character; genesis of the letter; grapheme; phoneme; Cyril and Methodius.

ЗАКОНОМЕРНОСТИ ПЕРЕХОДА ОТ ОДНОУРОВНЕВОЙ К ДВУХУРОВНЕВОЙ ФОНОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ РЕБЕНКА

Формирование фонологической системы в сознании носителя языка — процесс сложный и длительный, который проходит поэтапно, начинаясь с раннего детства, и продолжается в школе, оказывая решающее влияние на устную и письменную речь ребенка, в том числе и на грамотность. Можно предположить, что состояние фонологической системы носителя языка и уровень владения навыками письма влияют друг на друга.

Ключевые слова: фонологическая система; языковое сознание; устная речь; письменная речь.

Система фонем носителя языка имеет сложную, иерархически организованную структуру. Причем эта система усваивается ребенком постепенно и в определенной последовательности: сначала усваиваются базовые (центральные) элементы системы, а затем на их основе более сложные (периферийные) компоненты системы. Базовым компонентом фонологической системы является подсистема фонем, которая по своим фонологическим свойствам сходна с фонемами щербовской фонологии, т. е. с фонемами Санкт-Петербургской фонологической школы. В определенный возрастной период над этой системой надстраивается более сложная подсистема фонем. Ее составляют элементы, сходные с фонемами в понимании представителей Московской фонологической школы.

Эти уровни двухуровневой фонологической системы выделяются на функциональной основе. Базовый (нижний) уровень, который формируется первым, предназначен для того, чтобы обеспечивать процессы восприятия речи. Верхний уровень фонологической системы обеспечивает процессы порождения речи и фиксации ее в письменной форме. Эта последовательность в формировании двухуровневой фонологической системы является об-

щей для правил усвоения ребенком фонологической системы родного языка. Однако в процессе формирования фонологической системы можно выделить явления не только общего, но и частного порядка, которые отражают индивидуальные особенности носителя языка. На определенных этапах усвоения ребенком родного языка фонологическая система, обеспечивающая процессы восприятия речи окружающих, не равна фонологической системе, обеспечивающей процессы говорения ребенка.

Фонологическая система в языковом сознании ребенка формируется постепенно и имеет свои закономерности развития, проходя на пути своего становления несколько этапов. Дело в том, что формирование фонологического слуха опережает развитие артикуляторных возможностей ребенка. В период детского физиологического косноязычия фонологическая система раздваивается. Одна из них обеспечивает процесс восприятия, обладает более общими характеристиками и приспособлена к восприятию речи взрослого, другая обслуживает процесс порождения детской речи, и ее свойства более индивидуальны.

Итак, с одной стороны, у ребенка этого периода формируется система фонем, обслуживающая преимущественно процессы восприятия речи, и потому она более организована, носит более стандартный характер, более приближена к нормам взрослой речи. С другой стороны, образуется система фонем, предназначенная для обслуживания процессов говорения ребенка. Фонемы этой системы носят более синкретичный характер, и процесс ее развития относительно индивидуален.

С окончанием периода детского косноязычия эти возможности фонологических систем, обеспечивающих говорение и слушание, уравниваются. Фонемы этих двух систем становятся примерно одинаковыми и по степени обобщения (абстракции), и по степени своей организации. Вероятно, в этот период процессы восприятия и порождения речи, в том числе механизмы чтения и письма, обеспечивает система фонем щербовской фонологии. Об этом свидетельствуют первые попытки ребенка записать звучащую речь. В конце дошкольного периода у ребенка возни-

кает необходимость в формировании системы более абстрактных по своей природе фонем (сходных с фонемами в понимании представителей Московской фонологической школы).

Особую роль в этом процессе формирования более абстрактной системы фонем играет знакомство с письменными формами речи. В процессе овладения нормами чтения и письма ребенок наглядно знакомится с новой степенью обобщения фонемных представлений, так как звучание и написание слов часто не совпадает. Письменные формы речи — это важный социальный фактор, регулирующий процесс формирования новой системы фонем (фонем МФШ), которая обеспечивает новые потребности порождения письменной речи. При этом система фонем щербовской фонологии не аннулируется, а продолжает функционировать, выполняя потребности слушающего. Таким образом, система фонем носителя русского языка приобретает двухуровневый характер.

Особенно это важно, когда мы рассматриваем состояние фонологической системы школьника начальной и средней школы, так как фонологическая система носителя языка во многом обеспечивает навыки орфографически правильного письма и чтения. Без решения вопроса о взаимодействии фонологической системы с процессами письма и чтения невозможно раскрыть природу этих процессов. А без этого нельзя разработать наиболее эффективные формы обучения детей чтению и письму в школе, в частности, повысить грамотность учащихся. Фонологическая система является важным составным компонентом такого явления, как чутье языка, которое определяет успешность активного владения родным языком.

Одним из важнейших факторов для определения уровня развития фонологической системы является эффективность ее функционирования. Причем важен не сам уровень эффективности функционирования в данный момент, а перспектива ее развития, т. е. в каком направлении (восходящем или нисходящем) развивается указанный параметр. И в этом отношении период детства отличается от периода отрочества. Начиная с преддошкольного возраста и до перехода от детства к отрочеству у ребенка как носителя русского языка постепенно формируется двухуровневая

фонологическая система фонем, нижний уровень которой отвечает за процессы восприятия речи, а верхний (более абстрактный) — за процессы порождения речи. Однако окончательно данный процесс завершается в период отрочества, так как именно в этот период возрастают противоречия между сформированностью процессов восприятия речи по сравнению с процессами порождения речи. «Реально в письменной и устной речи большинство подростков испытывает явные затруднения. Кажется, отрок просто не представляет, как написать слово или выразить свои смутные мысли. Однако это не значит, что он не знает родного языка. Если при написании слова или формулировании мысли подросток впадает в состояние глубокого торможения, то с восприятием чужой речи дело обстоит более обнадеживающе. Подросток легко улавливает неправильные и нестандартные формы и обороты речи у своих учителей, родителей, находит нарушение несомненных правил речи в книгах, газетах, в выступлениях дикторов радио и телевидения» [4: с. 381].

Фонологическая система носителя языка характеризуется тремя основными признаками: степенью ее сформированности, устойчивостью и эффективностью функционирования [3].

Устойчивость двухуровневой фонологической системы школьника является одной из важнейших характеристик ее функционирования. Установление ее кратковременных и долговременных свойств, в связи с характеристиками письменных форм речи школьника, является весьма актуальной задачей. Развитие двухуровневой фонологической системы как динамической системы оказывает влияние на уровень грамотности и характеристики чтения школьника.

Главная задача возрастной фонологии как раздела онтолингвистики состоит в том, чтобы выявить, какой фонологической системой реально пользуется конкретный носитель языка, каким образом формируется и функционирует такого рода система. Таким образом, ставится задача о создании психолингвистической модели фонологической системы носителя русского языка. Фонологическая система носителя языка состоит из двух уровней и обладает иерархической организацией. Нижний уровень, который

является базовым, состоит из фонем первой степени абстракции и сходен с системой фонем щербовской фонологии, а над ним надстраивается система фонем второй степени абстракции, которая сходна с системой фонем представителей Московской фонологической школы [1; 2]. При этом раздвоение фонологической системы объясняется функциональными причинами. Фонемы нижнего уровня ориентированы на обеспечение процессов восприятия речи, а фонемы верхнего уровня — на порождение речи и фиксации ее на письме. Естественно, что такая сложная и иерархически организованная система формируется не сразу, а постепенно. Вначале ребенок овладевает одноуровневой фонологической системой, состоящей из фонем 1-й степени абстракции, а постепенно с усложнением детской речи возникает необходимость формирования системы фонем 2-й степени абстракции. При этом знакомство с письменными формами речи стимулирует данный процесс. Переход от использования одноуровневой системы к двухуровневой совпадает с периодом перехода от детства к отрочеству, который, с одной стороны, стимулирует формирование двухуровневой фонологической системы, а с другой, — осложняет функционирование такой системы [4]. Однако теоретические предположения требуют экспериментальной проверки, поэтому значительная часть исследований по возрастной фонологии посвящена описанию различного рода экспериментов.

Сравнивая представления классической фонологии и возрастной фонологии об устройстве фонологической системы, необходимо отметить, что возрастная фонология несколько иначе трактует иерархичность фонологической системы, чем это принято в классической фонологии. Последняя связывает иерархическое устройство фонологической системы с тем, что фонемы представляют собой экспоненты значащих единиц языка любого уровня. Однако в классической фонологии если фонемы и различаются по своим свойствам, то эти свойства вытекают не из их различного участия в процессах порождения и восприятия речи, а по иным признакам, например, иногда выделяется особый уровень дифференциальных признаков фонем, фонемы группируются по различному набору у них дифференциальных признаков и т. п.

Возрастная фонология не отрицает способность фонем оформлять значащие языковые единицы различных уровней, но не это главное в ее понимании иерархической организации фонологической системы. Существенным же является то, что выделение фонологических уровней связывается с различными функциями, которые выполняют фонемы в речевой деятельности. Следовательно, необходимость формирования двух уровней вытекает из различных условий, в которых разворачивается речевая деятельность носителя языка. Таким образом, по нашему мнению, иерархическая организация двухуровневой фонологической системы определяется глубинными свойствами самой речевой деятельности, наличием соответствующих уровней в механизмах деятельности человеческого мозга.

Одним из основных положений современной возрастной фонологии является положение о том, что ребенок в процессе овладения навыками чтения и письма постепенно переходит от использования в своей речевой практике одноуровневой фонологической системы к двухуровневой. Этот процесс осуществляется на фоне перехода ребенка от детства к отрочеству. Однако именно этот возрастной период (с 10 до 14 лет) остается до сих пор практически не изученным, так как большинство работ по возрастной фонологии посвящено изучению детской речи в дошкольном и младшем школьном возрасте. В то же время именно в этот период ребенок в процессе школьного обучения продолжает активно овладевать навыками грамотного письма. Фонологическая система ребенка в период его обучения в средней школе претерпевает серьезные изменения, и от особенностей развития фонологической системы на этом завершающем этапе ее формирования во многом будет зависеть ее дальнейшее функционирование. И от того, насколько успешным будет процесс овладения этим типом языковой компетенции, зависит в конечном итоге уровень грамотности взрослого человека.

Литература

1. *Аванесов Р.И.* Фонетика современного русского литературного языка / Р.И. Аванесов. – М.: Изд-во МГУ, 1956. – 240 с.

2. Бернштейн С.И. Основные понятия фонологии / С.И. Бернштейн // Вопросы языкознания. – 1962. – № 5. – С. 62–80.
3. Богомазов Г.М. Возрастная фонология / Г.М. Богомазов. – Ярославль: МГПУ–Ремдер. – 2005. – 320 с.
4. Мухина В.С. Возрастная психология / В.С. Мухина. – М.: ИЦ «Академия». – 1998. – 448 с.

Y.M. Grebenkova

Regularities of Transition from Single-Level to Two-Level System in Language Consciousness of the Child

Formation of phonologic system in the consciousness of a native speaker is a difficult and long process which develops gradually, beginning in early childhood, and goes on at school, affecting the oral and written speech of a child, including literacy. It is possible to assume that the phonologic system of a native speaker and his writing ability are co-related.

Key words: phonologic system; language consciousness; oral speech; written speech.

ОБЩИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ СРЕДСТВА ЗВУЧАЩЕЙ РЕЧИ (на материале литовского языка)

В статье рассматриваются вопросы речевой интонации, универсальных и индивидуальных функций интонации. Особое внимание уделяется интонационно-звуковым средствам, интонационной системе и ее элементам, особенностям индивидуальной экспрессии.

Ключевые слова: речевая интонация; универсальные и индивидуальные функции интонации; интонационно-звуковые средства; интонационная система и ее элементы; особенности индивидуальной экспрессии.

Įvadas

Intonacija¹ yra seniausia ir universaliausia kalbos priemonė, savo prigimtimi ir būtimi susijusi su kalbėjimu, sakytine (garsine) kalba, pasižyminti didžiulėmis turinio raiškos ir poveikio galimybėmis. Intonacijos svarbą bei poveikio jėgą nurodo visų laikų iškalbos meno žinovai ir mokytojai, tačiau jos tyrimo ir suvokimo problemos daugelyje kalbų aktualios iki šiol.

Intonacija visose kalbose susideda iš tų pačių pagrindinių akustinių komponentų (tono, trukmės, intensyvumo ir tembro), tačiau kiekvienoje kalboje išsiskiria savita garsine išraiška, sąlygota tos kalbos garsinės struktūros ypatumų. Intonacija, skirtingai nuo segmentinių kalbos elementų, yra žymiai įvairesnė raiškos ir poveikio galimybių atžvilgiu, tad iki šiol nelengva atskirti emocinę ir neemocinę, t. y. neutraliąją, intonaciją, nustatyti jos sandarą ir funkcijas.

Intonacija yra garsinė kalbos priemonė. Svarbu pabrėžti, kad ji „gimsta“ ir gyvena sakytinėje kalboje tiek, kiek trunka kalbos aktas; rašytinėje kalboje — intonacinės raiškos galimybės labai ribotos, čia ji jau nebegali betarpiškai atlikti didesnės dalies savo funkcijų —

---

¹ Lietuvių kalboje intonacija apibūdinama kaip „garsinių priemonių kompleksas, apiforminantis šnekamosios kalbos sakinį, arba frazę“ (Lietuvių kalbos enciklopedija. Sud. K.Morkūnas. Vilnius: Mokslo ir ir enciklopedijų leidybos institutas, 1999, p. 259).

būti jausmų, emocijų įtaigos, paveikos ir t.t. raiškos priemone (jei šių jos galimybių papildomai nenurodo, pavyzdžiui, meninio teksto autorius).

Kiekvienos kalbos intonacija turi universalių, pasikartojančių ir kitose kalbose, funkcijų bei taip pat specifinių, būdingų tik tai kalbai, fonetinės išraiškos požymių.

Akivaizdu tai, kad kiekvienoje konkrečioje kalboje bendrosios intonacijos funkcijos ir raiškos galimybės, lyginant su kitomis kalbomis, yra nulemtos tos kalbos gramatinės sandaros ir sąveikos su intonacija įpatumų¹; taip pat būtina pabrėžti, kad intonacinės raiškos specifika vienoje kurioje nors kalboje yra sąlygota ne tik tos kalbos garsinės sandaros įpatumų, bet ir individualiomis komunikacijos akto dalyvių galimybėmis pasirinkti ir panaudoti būtent tas intonacines-garsines raiškos priemones, kurios maksimaliai tiksliai, įtikinamai ir įtaigiai suformuos bei išreikš pasakymo turinį.

Viena svarbiausių, esminių intonacijos funkcijų yra ta, kad jos dėka kalbos segmentiniai elementai tampa suvokiami kaip žodžiai, žodžių junginiai (sintagmos) ir frazės (sakiniai). Intonacija kaip supersegmentinė kalbos priemonė vienu metu atlieka integratyvinę ir diferencinę funkciją: kalbos srautą skaido į minimalias atkarpas, kurios ištariamoms su kalbėjimo situaciją atitinkančiu intonaciniu kontūru, taigi tuo pat metu intonacija atlieka ir pasakymo dalykinio bei emocinio turinio raiškos funkcijas.

Kalbant apie bendrąsias (universalias) intonacijos funkcijas, kurios būdingos visoms² ar bent daugeliui tyrinėtų kalbų (lietuvių taip pat), didesnių prieštaravimų tyrėjų tarpe nėra: šių funkcijų skaičius palyginti nedidelis, nesiekia ir dešimties, o keletą pagrindinių pripažįsta daugelis intonologų. Taigi, be jau minėtų diferencinės ir integratyvinės, intonacijai dar priskiriamos sintaksinė, komunikatyvinė, aktualiosios

---

¹ Kundrotas G. Lietuvių kalbos intonacija: teorija ir praktika. Žmogus ir žodis. Didaktinė lingvistika. Mokslo darbai. Sud. G. Akelaitienė. – Vilnius: VPU leidykla, 2004. – 6 t. – Nr 1. – P. 13–20.

² Tikslumo dėlei būtina pastebėti, kad daugiau yra tyrinėta indoeuropiečių šeimos kalbų intonacija, o kitų kalbinių šeimų, kurių garsinė sandara visai kitokia, kaip, pavyzdžiui, toninės kalbos, intonacija tirta daug mažiau.

skaidos, emotyvinė-ekspresyvinė, stilistinė funkcijos (su paskutinėmis dvejomis gali būti siejamos ar papildomai išskiriamos paveikos (pragmatinė) ir fonostilistinė funkcijos. Svarbu pabrėžti, kad daugiausia abejonių iškildavo ne dėl intonacijos, kaip kalbos elemento, galimybės kalbos akte atlikti emocijų-ekspresyvinę funkciją, bet dėl šios funkcijos lingvistiškumo¹ — ar emocijos apskritai gali būti kalbotyros tyrimo objektas, turėti fonetines kalbines, taigi ir intonacines raiškos priemones.

Panašių diskusijų kyla ir tuomet, kai yra aptariamas neabejotinai svarbus bei specifinis intonacijos, kaip neverbalinės bendravimo priemonės vaidmuo komunikacijos akte išreikšti, nepriklausomai nuo kalbančiojo valios, specifinius ekstralingvistinius požymius: informuoti apie kalbančiojo socialinę ar profesinę padėtį (statusą), sveikatos (fizinės ir dvasinės) būklę, jo individualios šnekos ar dialekto ypatumus. Šiems požymiams (ar savybėms) apibūdinti vėlgi nėra aiškesnių lingvistinių sąvokų, kaip kad nėra nustatyta tų konkrečių požymių raiškos priemonių ar vienetų sistemos. Tokiu būdu, ši intonacijos funkcija nėra kalbinė.

Sakinio reikšmė (pasakymo semantika) yra visų kalbos priemonių — leksinio-gramatinio sakinio pagrindo, intonacijos, kalbinio konteksto — sąveikos rezultatas. Kiekvienu konkrečiu atveju (ir kiekvienoje kalboje) šių kalbinių priemonių reikšmingumo laipsnis yra skirtingas, jos gali viena kitą „pakeisti“, „pavaduoti“, reikštis „daugiau“ ar „mažiau“, „stipriau“ ar „silpniau“.

Vienais atvejais intonacija gali būti pagrindinis ir vienintelis turinio (pvz., modalinio sakinio tipo) raiškos būdas. Kitais atvejais turinio esmė reiškia leksinės-gramatinės kalbos priemonėmis, o intonacija atlieka tik antraeiles funkcijas — patikslina prasminius, emocinius ir stilistinius atspalvius. Šios savybės nėra tiesiogiai susijusios

---

¹ Per paskutiniuosius du dešimtmečius, kaip pažymi rusų mokslininkas V. Šachovskis, susiformavo pakankamai tvirta įvairių šalių kalbininkų nuomonė, kad emocijos yra kalbotyros mokslo objektas (*Шаховский В.И. Эмоции. Долингвистика. Лингвистика. Лингвокультурология.* – М.: КД «ЛИБРОКОМ». 2010. – С. 14–27); tokiu būdu intonacija, kaip ir kiti kalbos sistemos elementai (leksika, morfologija, sintaksė), gali atlikti emocionalumo raiškos funkciją.

su intonacijos fonetinių požymių kiekybinėmis ar kokybinėmis charakteristikomis¹.

Realii, konkreti pasakymo semantika yra visų jau minėtų kalbos elementų sąveikos visuma, kur kiekvieno iš jų indėlis yra skirtingas, nulemtas kalbos gramatinės struktūros ir konkrečios bendravimo situacijos.

Pasakymo semantika kalbos akte formuojama bendrųjų (universalųjų) ir individualiųjų intonacinių-garsinių raiškos priemonių ir jų atliekamų funkcijų pagalba.

Bendrosios (universaliosios) intonacijos funkcijos plačiaja prasme suvokiamos kaip būdingos jei ne visoms, tai bent daugeliui kalbų ar konkrečiai kalbų grupei; individualiosios būdingos vienai kuriai nors kalbai. Vienos kurioje nors kalboje bendrosios (universaliosios) intonacijos funkcijos ir tų funkcijų raiškos priemonės yra suvokiamos ir gali būti panaudotos visų ta kalba kalbančiųjų; individualiosios intonacinės raiškos priemonės (ir jų atliekamos funkcijos) yra labai situatyvios ir variatyvios, sąlygotos kalbos akto komunikacinės situacijos, kalbėjimo ir kalbėtojo stiliaus, kalbančiojo komunikacinių tikslų, jo individualių raiškos galimybių bei pačio sakinio teksto ypatumų.

Šiuo atžvilgiu svarbu, ar tai yra dalykinio pobūdžio kalba (informacinis pranešimas, dalykinis bendravimas, pranešimas, paskaita), taigi ramus monologas ar dialogas, ar, priešingai — pranešami netikėti įvykiai, nelaimės, netektys, skandalai, kurie pasakomi jau su emocionalią intonacija. Dar labiau intonaciškai emocionalus yra raiškus meninio teksto skaitymas, ar taip pat išraiškingas ir emocionalus literatūrinio kūrinio personažų dialogas teatro scenoje, kino ir video filmuose, pokalbių laidose televizijoje, reklaminiuose klipuose ir (ar) realiame bendravime (išraiškinga šnekamoji kalba).

Pirmojo pobūdžio tekstuose dominuoja dalykinė informacija, kuriai išreikšti pasirenkama neutrali leksika ir sintaksė; intonacinės raiškos galimybės tokiuose tekstuose smarkiai apribotos, ji čia atlieka

¹ Intonacijos ir gramatikos sąveika kalboje pasireiškia kaip substitucijos principas. Pirmasis šią sąveiką pastebėjo rusų sintaksininkas A.M. Peškovskis ir pavadino ją „princip zamieny“ (pakaitos principas). Vėliau šį reiškinį patikslino rusų kalbininkė T.M. Nikolajeva, o daugelis kitų intonologų pritaikė savo darbuose (daugiau apie tai žr.: Kundrotas G. Lyginamoji lietuvių ir rusų kalbų intonacinių sistemų analizė. Vilnius: VPU leidykla, 2009, p. 10–13.

pagrindinę jai būdingą — diferencinę ir integratyvinę funkciją — formuoja ir struktūrina tekstą (suskaido į sakinius, jų sudėtinės dalis) bei apipavidalina specifinę „dalykinio stiliaus intonacija“.

Antro tipo tekstuose daug dažnesnė arba dominuoja ekspresyvi ir emocinė leksika, ekspresyvi morfologija ir sintaksė. Ekspresyvų leksinį-sintaksinį pagrindą dar labiau pabrėžia, išryškina, patikslina ir sustiprina intonacija, pasitelkusi papildomą ir skaitlingą įvairių garsinių (foninių)-intonacinių priemonių¹ arsenalą.

Būtina pabrėžti, kad intonacijos funkcionalumas (ypač jos emocinės raiškos galimybės) lituanistikoje, deja, nėra pakankamai išnagrinėtas, nurodytos tik pagrindinės intonacijos atliekamos sintaksinės funkcijos rašytiniuose tekstuose; kai kurios kitos intonacijos funkcijos (emotyvinė, fonostilistinė) tik įvardintos, bet nesusietos su konkrečiomis raiškos priemonėmis, todėl esama situacija negali būti įvertinta kaip pakankama lietuvių sakininės kalbos intonacijos analizė ir reikalauja tolesnio jos tyrimo. Tai sąlygoja šio darbo *aktualumą ir naujumą*.

Šio darbo **objektas** yra lietuvių sakininės kalbos tekstai, o **tikslas** — nustatyti, kaip ir kokiomis garsinėmis-intonacinėmis priemonėmis gali būti išreiškiamas pasakymo turinys. Tyrimo **uždaviniai** yra šie: a) nustatyti pasakymo turinio semantikos komponentus, reiškiamus garsinėmis-intonacinėmis priemonėmis; b) nustatyti individualiosios raiškos priemones bei jų panaudojimo specifiką.

Tyrimo medžiaga — ištraukos iš lietuviškų kino ir video filmų, individualios kalbos pavyzdžiai (garso įrašai).

Tyrimo metodas — **komunikacinis-audicinis**, leidžiantis nustatyti turinio raiškos priemonių — sakinio leksinio-sintaksinio pagrindo, intonacijos, kontekstinių ryšių — sąveikos ypatumus.

¹ Svarbu žinoti, kad emocianalumo raiškoje daugiau ar mažiau (priklausomai nuo konkrečios situacijos), be taip vadinamų pagrindinių, sisteminių intonacinių priemonių, panaudojamos ir daugelis kitų funkcionaliai reikšmingų sakininės kalbos savybių — taip vadinamos garsinės-intonacinės priemonės: kalbėjimo tempas, ritmas, ritmika, registras, specifiniai artikuliacijos ypatumai — balsių labializacijos (lūpinimo) laipsnis, balsių ir priebalsių ilgimas, ar, atvirkščiai, trumpinimas, artikuliacinis kontrastas (didesnis–mažesnis kalbos padargų įtemumas). (Lietuvių kalbos enciklopedija. Sud. K. Morkūnas. – Vilnius: Mokslo ir ir enciklopedijų leidybos institutas, 1999. – P. 259–260). Šie pokyčiai lemia tokių ryškių ir kontrastuojančių emocijų, kaip, pavyzdžiui, meilumas ir pyktis, pakili ir liūna nuotaika ir t.t., intonacinę raišką ir suvokimą.

Tyrimo rezultatai

Šiame darbe kaip sakytinės kalbos tyrimo įrankis naudojama ankstesniuose autoriaus darbuose suformuluota ir apčiuota lietuvių kalbos intonacinės sistemos samprata ir sakytinės kalbos tyrimo metodologija bei intonacinės transkripcijos pagrindai¹.

Lietuvių kalbos intonacinę sistemą sudaro 4 elementai: 1) septynių vienetų intonacinių kontūrų posistemė; 2) intonacinio centro vietos kaita (centro žymėjimas); 3) sintagminė skaida; 4) papildomas elementas — pauzė sintagmos viduje.

Būtina pabrėžti, kad intonacijos sistemiškumas šiame darbe suprantamas ne vien tik kaip vienetų (intonacinių kontūrų) sistema ar posistemė. Intonacijai būdingas funkcijas atlieka ne tik kontūrai, bet ir kiti sistemai priskirtini elementai: intonacinis centras, sintagminė skaida, pauzė. Kalbos akte visi jie pasireiškia kompleksiskai, sinchroniškai. Kiekvienam iš jų būdingos specifinės raiškos galimybės, nulemtos kalbos gramatinės struktūros.

Centrinis sistemos elementas yra intonacinis kontūras². Jis yra suvokiamas kaip intonacinis vienetas, nors kartu yra ir sudėtinė intonacinės sistemos dalis, jį galima apibūdinti ne tik funkciniu, bet ir fonetiniu bei fonologiniu aspektais, turi savo struktūrą ir skiriamuosius požymius.

Intonacinis kontūras, kaip intonacinis-fonologinis vienetas, yra akustinių komponentų junginys; kiekvienas kontūras charakterizuojamas perceptyviai suvokiamais diferenciniais fonetiniais požymiais, skiriančiais jį nuo kitų kontūrų.

Kalbos sraute kiekvienam intonaciniam kontūrai būdinga pasakymo variantų įvairovė. Vienais atvejais kurio nors kontūro labiausiai įprasti, standartiniai fonetinių realizacijų variantai,

¹ *Kundrotas, G.* Lietuvių kalbos intonacija: teorija ir praktika. Žmogus ir žodis. Didaktinė lingvistika. Mokslo darbai. Sud. G. Akelaitienė. – Vilnius: VPU leidykla, 2004. – 6 t. – Nr 1. – P. 13–20; *Kundrotas G.* Lyginamoji lietuvių ir rusų kalbų intonacinių sistemų analizė. – Vilnius: VPU leidykla, 2009. – P. 10–13.

² Lietuvių kalbotyroje (kaip ir daugelio kitų kalbų intonologinėje terminijoje) nėra tikslios intonacijos vieneto sampratos, taigi ir jo pavadinimo. A. Pakerio nuomone, supersegmentiniais fonologiniais vienetais laikytini „funkciškai savarankiški prozodiniai elementai — p r o z o d e m o s“: kirčio, priegaidės, intonacijos. „Jos, kaip ir fonemos, paprastai atlieka skiriamąją funkciją <...> kai kuriuose darbuose intonacijos prozodemos vadinamos i n t o n e m o m i s“ (Pakerys, 2003, 10–11).

naudojami tik dalykiniam pasakymo turiniui išreikšti (būtina sąlyga intonaciniam vienetai nustatyti), suformuoja apibendrintą, tipinį „bazinį“ kontūro „paveikslą“ (invariantą), suvokiamą kaip neutrali, neemocinė intonacija. Šiuo atveju intonaciniai kontūrai yra vienareikšmiai ir atlieka pagrindinę, pirminę pasakymo dalykinio (prasmnio) turinio raiškos funkciją.

Kitais atvejais tas pats konkretus „bazinis“ intonacinis kontūras gali būti suvokiamas skirtingai, priklausomai nuo leksinio-sintaksinio pasakymo pagrindo, jo struktūrinių savybių. Tuomet kontūras tampa daugiareikšmiu ir atlieka papildomas, antrines, funkcijas, pavyzdžiui: sakiniuose, turinčiuose nevienodą leksinį-sintaksinį pagrindą (IKL-3), pvz.: *Šian³dien jis išvažiuoja?* (klausimas); *Uždary³kite langą!* (mandagus prašymas); *Gudru³s tu!* (aukščiausio laipsnio įvertinimas); *Jis išvažia³vo, / bet greitai sugri¹š. //* (neužbaigta mintis); *Kada jis sugri³š? / Sakė, / kad rytoj. //* (klausimo pasitikrinimas prieš atsakant)¹.

Ši aplinkybė yra labai svarbi, nustatant kontūrų funkcionalumą apskritai bei tiriant sakinio semantikos formavimo procesus, ypač tada, kai jį sudaro ne viena, o keletas sintagmų.

Kaip antrinę bazinių kontūrų funkciją reikia vertinti jų dalyvavimą emocinio turinio raiškoje, pav.: *Žiūrėjai krepšini?* *Žiūrėjau¹*. (atsakymas — neutrali semantika, pirminė IKL-1 funkcija) ir: *Žiūrėjau⁴!* (atsakymas su iššūkiu — papildoma, antrinė (emocinės raiškos) IKL-4 funkcija); *Kodėl² pavėlavai?* (klausimas — neutrali semantika, pirminė IKL- funkcija) ir: *Kodėl⁴ pavėlavai?* (klausimas su priekaištu, nereikalaujantis atsakymo — papildoma, antrinė (emocinės raiškos) IKL-4 funkcija).

Būtina pastebėti, kad emocijų raiška pagrindiniais, „baziniais“ intonaciniais kontūrais yra tik viena tokios raiškos galimybė.

Kita raiškos priemonė yra emocinės intonacinių kontūrų realizacijos. Nuo tipinių neemocinių jos skiriasi konkrečiais akustinės išraiškos ypatumais, akustinių požymių charakteristikų deriniais,

¹ Pavyzdžiuose paryškinti skiemenys rodo sintagmos kirčio vietą, kuri priyginama intonaciniam centrui. Intonacinio centro vietą, drauge ir intonacinės kontūro numerį žymi skaičius nuo 1 iki 7. Ženklas : rodo trumpą (ribinę) pauzę, ženklas / — vidutinės trukmės pauzę, dvigubas // — didesnės trukmės pauzę. Šis intonacijos žymėjimas yra pati paprasčiausia intonacinė transkripcija.

kurie perceptiviai suvokiami kaip vienos konkrečios, o dažniau kaip keletu (dviejų ar trijų) vienu metu išreiškiamų emocijų, signalai. Visi to paties kontūro variantai (baziniai ir emociniai) funkcionaliai yra sinonimiški, nors savo fonetine raiška ir skiriasi.

Įsidėmėtina ir dar viena aplinkybė: riba tarp neutralumo ir emocingumo, tarp emocijos ir neemocijos yra labai trapi tiek suvokimo, tiek ir raiškos priemonių nustatymo požiūriu.

Šiame tyrime nagrinėjamos tik neemocinių, standartinių (bazinių) intonacinių kontūrų (įskaitant pereinamuosius) atliekamos funkcijos.

Kaip pasakymo variantai suvokiamos, pavyzdžiui, intonacinio kontūro realizacijos, turinčio skirtingą tono aukštį priešskirtinės ir (arba) pokirtinės dalies diapazone, tono kitimo (kylančiojo arba krintančiojo) didesnę ar mažesnę staigumą bei intervalą intonaciniame centre. Kaip pasakymo variantai suvokiami ir kitų akustinių požymių — trukmės, intensyvumo — pokyčiai intonacinio kontūro centre ir kitose jo sudėtinėse dalyse.

Vienos realizacijų turi aiškesnius, ryškesnius tipinių kontūrų požymius, kitose realizacijose tie požymiai yra silpniau išreikšti ir diferencijuoti arba vieno kurio nors kontūro konkrečios realizacijos akustiniai požymiai įgyja bendrų savybių su kito kontūro realizacijomis, taip pat jau pastebimai nutolusiomis nuo tipinio realizacijos varianto. Tokių dviejų skirtingų intonacinių kontūrų realizacijų kai kurie fonetiniai požymiai savo akustinėmis savybėmis gali būti labai panašūs ar net dalinai sutapti; jos nagrinėjamos kaip tarpinės, pereinamosios, o kontūrai, kuriuos jos prezentuoja - kaip tarpiniai, pereinamieji (žymimi kaip IKL-1², IKL-2¹, IKL-2⁵, IKL-3⁶, IKL-4⁶ ir t. t.). Lietuvių kalboje dar nėra tokių intonacinių kontūrų aprašo. Kaip pavyzdį panagrinėsime mažiausiai sudėtingus pereinamųjų intonacinių kontūrų požymius: IKL-1² ir IKL-2¹.

IKL-1², kaip tarpinės dviejų kontūrų realizacijos pagrindą sudaro tipiniai IKL-1 požymiai: tolygus tono žemėjimas intonaciniame centre; pokirtinėje kontūro dalyje tono aukštis žemesnis nei priešskirtinėje dalyje ir intonaciniame centre. Papildomas požymis — didesnis, nei tipiniame IKL-1 kontūre, intonacinio centro intensyvumas ir didesnė trukmė (iki 50 %).

IKL-2¹, kaip tarpinės dviejų kontūrų realizacijos pagrindą sudaro tipiniai IKL-2 požymiai: krintantis tonas intonaciniame centre (pradinis tono aukštis intonaciniame centre didesnis, lyginant su IKL-1), pokirtinėje kontūro dalyje tono lygis žemesnis nei prieškirtinėje. Tačiau šios realizacijos intonaciniame centre nepakankamai (tik iki 50 %) išreikšti diferenciniai IKL-2 požymiai, lyginant su IKL-1 — didesnis centro intensyvumas bei trukmė.

Tarpinių, pereinamųjų intonacinių kontūrų realizacijos kalbos akte suformuoja ir išreiškia papildomus, dažniausiai dar nežymius, vos suvokiamus pasakymo semantikos emocinius atspalvius, šių atspalvių pustonius.

Vienas išraiškiausių ir svarbiausių akustinių-intonacinių emocionalumo raiškos ir emocinės intonacijos požymių yra tembras, jo kaita, taip pat svarbus yra kalbėjimo tempas, ritmas bei registras (viso kontūro pasakymas aukštesniame arba žemesniame tono lygyje, lyginant su įprastu vidutiniu). Registas gali būti vidutinis, pusiau aukštas ir aukštas bei pusiau žemas ir žemas. Tam tikru registru gali būti pasakoma visa didesnė ar mažesnė teksto atkarpa (keletas sintagmų), taip pat tik ir viena teksto atkarpa (sintagma). Tembros ir kalbėjimo tempo pokyčiai, kaip ir registras, priklausomai nuo kalbančiojo valios ir pasakymo tikslų, pasireiškia skirtingos trukmės sakininės kalbos (garsinio teksto) atkarpose.

Svarbu žinoti, kad emocionalumo raiškoje daugiau ar mažiau (priklausomai nuo konkrečios situacijos), be jau paminėtų, naudojamos ir kitos, apibendrintai vadinamos garsinėmis-intonacinėmis, priemonės, specifiniai kalbos artikuliacijos ypatumai. Pavyzdžiui, kalbėjimo tembras priklauso nuo balsių labializacijos (lūpinimo) laipsnio, balsių ir priebalsių ilginimo, ar atvirksčiai, trumpinimo, šie pokyčiai lemia ryškių ir kontrastuojančių emocijų intonacinę raišką ir suvokimą.

Pasitelkus intonacinę transkripciją, buvo palyginti lietuvių sakininės kalbos intonacijos pavyzdžiai, jos elementų sąveika ir raiška įvairiuose sakininės kalbos tekstuose.

1) Dalykinio pobūdžio tekstuose intonacija tik nežymiai daugiau ar mažiau paryškina leksinėmis- sintaksinėmis kalbos priemonėmis

išreikštą teksto turinį, tam daugiausia panaudojamos bendrosios, „standartinės“ intonacinės raiškos priemonės: sakinio teksto skaida sutampa su logine-gramatine sakinio struktūra, taigi skyrybos ženklais; papildomoji sintagminė skaida nebūdinga; sintagmos pasakomos su baziniais intonaciniais kontūrais; pereinamieji kontūrų variantai pasitaiko retai; intonacinio kontūro centro vieta įprastinė (paskutinio sintagmo žodžio kirčiuotas skiemuo); kalbėjimo tempas ir registras vidutinis.

Pirmajame tekste sintagmų trukmė didelė, jas sudaro net iki 10 žodžių; papildoma sintagminė skaida beveik nenaudojama, intonacinių kontūrų realizacijos standartinės, pvz:

Amerikiečiai vyrą buvo įtraukę į galimų teroristų duomenų ban³ką, / tačiau suteikė kaltinamajam Jungtinių Amerikos Valstijų vi¹žą. // Kauno rotušėje rengiamas jubilee³jinis, / dvidešimta³sis, / Kalėdinis va¹karas / ir meno kūrinų aukcio¹nas. // Šiomet surinktos lėšos bus skiriamos tuberkulioze sergantiems vaikams parem¹ti. // Taip pat bus nupirkti ir padovanoti klausos aparatai keturiolikai vaikų¹. //

(Lietuvos radijas-1)

Europarlamento rinki³mai / birželio tryliktą die¹ną.// Iš viso bus ren⁶kama / trylika atstovų iš Lietuvo¹s. // Socialdemokratai nei¹gia / konservatorių kal³tinimus, / neva bankrutavusio koncerno EBSV vado²vai / darė į³taką / nuo devyniasdešimt antrų³jų / Lietuvą valdžiusiai eldėdėpė². //

(„Žinių radijas“)

2) Ženkliai didesnę intonacinių raiškos priemonių įvairovę atrandame radio interviu, tiesioginiame eteryje, improvizuotame, kaip įprasta šiai laidai, pokalbyje, kurį veda žurnalistas Ginas Dabašinskas. Leksinį-sintaksinį teksto pagrindą sudaro aiški ir tiksli leksika, intonacinėmis-garsinėmis priemonėmis kuriama draugiško, bičiuliško, pokalbio nuotaika: papildomosios sintagminės skaidos pagalba pasakymo semantika maksimaliai tiksliai suskaidyta — sintagmos trumpos (dažnai vos vienas žodis), pasirenkami įvairūs intonaciniai kontūrai ir jų realizacijų variantai. Linksma, džiugi pokalbio pradžios nuotaika kuriama besikaitaliojančių IKL-3, IKL-6 ir jų tarpinių variantų IKL-3⁻⁶, kurią dar labiau sustiprina „kilstelėtas“ kalbėjimo registras

(aukštesnis už vidutinį). Gino Dabašinsko įvadiniame monologe prasminiai akcentai sudėlioti tiksliai ir santūriai — tik du kartus panaudotas IKL-2 kontūras, papildomai pabrėžiantis, sustiprinantis teiginį, kitose sintagmose laidos vedėjas reikalingą pabrėžti semantiką nurodo pereinamosiomis IKL-²⁻¹ realizacijomis, o dvi sintagmos / *leidė⁴jas*, / *dviejų vaikų tė⁴vas*, /, pasakytos su IKL-4 kontūru, papildo nuširdžios pagarbos atspalviu:

— *Sveiki gyvi²⁻¹*, / *šiandien su mumi⁶s* / *Marius Jo²vaiša*, / *ver³slininkas*, / *fotogra²⁻¹fas*, / *leidė⁴jas*, / *dviejų vaikų tė⁴vas*, / *tai¹p*, / *žemaitis iš Lietuvo³s*, / *iš Vil³⁻²niaus...// A²⁻¹*, / *tiesa³*, / *medalio „Už nuopelnus Lie³⁻⁶tuvai“* / *laiky¹tojas...// na nesvarbu²⁻¹ dabar*, / *svarbu³*, / *nors gal ta³⁻⁶ps kada*, / *ai²⁻¹šku*, / *kada nor²s*, // *be³t*, *kas yra svarbiausia*, / *projekto „Neregėta Lietuva“ au⁶torius*, / *viešosios į⁶staigos* / „*Lietuva³ — / Baltijos širdi⁶s*“ / *vadovas ir komunikacijos eksper¹tas*.

(„Žinių radijas“)

3) Emociškai spalvingas tekstas, pagrindinės raiškos intonacinės priemonės — panaudoti beveik visi, išskyrus ketvirtąjį (IKL-4), intonaciniai kontūrai, intonacinių kontūrų sinonimija, papildomoji intonacinė skaida, įvairuoja pauzių trukmė, kalbėjimo tempas, balso tembras, kalbėjimo registrai, emocijų kaita, pvz.:

Pirmasis: — *Na²*, / *kaip kruti³*, / *kaip se³kasi?* // (balse užslėpta nekantrumo emocija, kurią išreiškia greitas pasakymo tempas, balso tembras ir truputį aukštesnis registras)

Antrasis: — *A²čiū*, / *neblogai³*. // *O kaip pa⁶ts?* // (sintagmoje // *O kaip pa⁶ts?* // IKL- 6 išreiškia reakciją į neįprastą pašnekovo būseną bei susidomėjimą ir smalsumą; šioje pozicijoje - šnekamojoje kalboje įprastinis ir neutralus yra IKL-3 kontūras, taip pat IKL-4, suteikiantis rimto dalykiško bendravimo stilistinį atspalvį).

P.: — *Na aš aš aš³*, / *taip sa³kant*, / *kaip žir²nis prie kelio... // Supranti³*, / *Albi²nai*, / *aš tau skam³binu* / *ne be rei¹kalo*. //

A.: — *O²*, / *koks tra³giškas balsas!* // *Kq²*, / *pakliuvai į bė³dą?* // *Na klo²k*, / *nesivaržy³k*. //

(šioje atkarpoje emocinį turinį, išreikštą leksiniu-sintaksiniu pagrindu „koks tragiškas balsas“ dar labiau pabrėžia ir sustiprina

IKL-5 kontūras. Neutrali intonacija būtų tokia: „O¹, / koks tragiškas bal²⁻¹sas! ;

P.: — *Noriu tavęs paprašyti // paprašyti vieno⁶s / nedidelės paslaugo¹s. //*

A.: — *Na mielai⁷, / jei tik mano va²lioj... //* (papildomą ekspresiją — ryžtingą patvirtinimą čia žymi IKL-7 kontūras, vietoje įprastinio ramaus atsakymo „Na mielai¹. /)

P.: — *Ar negalėtum man pai³mti / lagami²ną? //*

A.: — *Gal³čiau. / Kodėl ne²? //* (- Gal³čiau. — čia IKL-3 kontūras išreiškia ekspresyvų sutikimą, kurį patvirtina ir kalbos kontekstas - Kodėl ne²?)

(Lietuvos radijo teatras. V. Žilinskaitė. „Lagaminas ir tretysis“).

4a) VPU rektorius A.Gaižučio kalba, pasakyta jo knygos pristatyme LMA 2009 03 31 d.

Na²⁻¹, / mielas kole¹ga ; Romual¹⁻²dai, / man ištikrųjų malonu išgirsti kaip kiekvienam³ / na³⁻⁶ / pagiriamuo³siaus ; žodžiu⁶s ; ir³⁻⁶ ; tai iš tikrųjų / visada yra¹ ; džiugu¹. // Ir aš norėčiau pasakyti³ ; tiktai galbūt³⁻⁶ / keletą įvadi³nių, / ne ne fra²zių, / bet kaip gimsta knyga³⁻⁶, / juo labiau, kad čia³, / mūsų tarpe yra ir³ / gamtos mokslų atstovai, labai žinomi ; profesoriai, / ir humanita²⁻¹rai, / na ir gerbiamas profesorius Romual³das ; pažymė¹jo, / kad tarsi yra daug mano to¹, / kaip pasaky³ti, / daug produktyvu²mo. //

Bet aš no³riu / štai² ką ; ištari¹⁻²ti. // Man atrodo, ka³d / knygos rašymas ir tas produktyvu³mas ; kar³⁻⁶tais / atsiranda iš tam tikro⁶s ; netgi nevilnie²s. // Kadan³gi / ne vien² tik / iš įkvėpimo ir džiaugsmo. // Juo labiau, ka³d / vis³délto, / tokios pa³⁻⁶reigos / administra²cinės / labai di²⁻¹delės, / kurios prasideda diena³⁻⁶, / baigiasi vél²⁻¹gi ; diena visgi net ne su dar³bo / valando³⁻⁶mis, / tai rektorius darbas ištikrųjų yra / pakan³⁻⁶kamai / monoto³⁻²niškas, / a²⁻¹linantis, / jis suveda su daugybe veidų⁶, / daugybe proble³⁻²mu, / bet jis visdélto labai išsunkia žmo¹⁻²gų. // Ir³ / jeigu pasiduo³ti / tam ri⁶tmu, / tai iš tikrųjų / galėtum ta¹pti / šiek tiek niurzgus to³⁻⁶ks ; administra²⁻¹torius, / kuri³s ; pyksta ant pasau³⁻²lio, / ant savęs patie³⁻⁶s, ir / kad tokiu neta⁶pti, / tai va¹t ; ir ir pradedi save³⁻⁶, / galima sakyt kar³tais, / prikalti prie ra⁵⁻²šomojo stalo, / taip kad jaustumeis vélgi ir lai³svas / ir pilnaver²⁻¹tis žmogus, / galų gale¹, ; taip kaip tu³⁻⁶ / įsivaizduo²⁻¹ji, ; ką nori rašy¹ti. //

Kalbos akustika tolygi (nes tono ir intensyvumo intervalai nedideli), bet išraiškinga. Pradžioje balse juntami lengvo jaudulio atspalviai (registrų kaita, balso tembro pokyčiai), sąlygoti aplinkos emocinio ir kalbinio bendravimo konteksto bei tiesiog kalbos akte kuriamo proginės kalbos teksto žanro.

Kalbos tekste dominuoja dalykinis-prasminis turinio komponentas (knygos atsiradimo prielaidos, aplinkybės, svarbios situacijos), kurį kalbėtojas originaliai sintagmiškai suskaido ir semantiškai sugrupuoja papildomosios sintagminės skaidos priemonėmis. skirtingos trukmės pauzėmis - dažnos labai trumpomis, ribinėmis pauzėmis. Tokią teksto skaidą ir tokias skaidos priemones vertėtų pažymėti kaip individualiosios intonacinės raiškos pavyzdį. Kaip dar vieną individualiosios A.Gaižučio intonacinės raiškos priemonę reikia išskirti pasakymo negalinėse (dažniausiai trumpose, atskirtomis ribine pauze) sintagmose panaudojamus IKL-1, IKL⁻²⁻¹ kontūrus: tokias teksto atkarpas suvokiame kaip labiau semantiškai savarankiškas; paprastai krintantis, žemėjantis tonas žymi viso pasakymo (minties raiškos) pabaigą, tad šie kontūrai, daugiausia IKL-1, paprastai yra naudojami galinėse sintagmose.

Kalbos emocinį turinį papildo ir A.Gaižučio teksto fonostilistiką galutinai suformuoja jo naudojamos individualiosios raiškos priemonės — specifiskai segmentuotas kalbos srautas (trumpos ir ilgos sintagmos, pauzių tarp sintagmų trukmės gama), savitos intonacinių kontūrų realizacijos (pasakymo variantai) bei jų sekos darna ir kompozicija. Teksto garsinę išraišką suvokiame kaip pokalbį-dialogą su klausytojais, kolegomis, draugais ir pažįstamais: tekste nenaudojamas ketvirtasis intonacinis kontūras, kuris paprastai būdingas dalykiniam ar paskaitiniam kalbėjimo stiliui, o vyrauja pirmas-trečias ir šeštas kontūrai bei jų tarpiniai, pereinamieji variantai, suvokiami kaip ...santūriai emociinga dalykinio turinio raiška.

Antrasis tekstas — VPU rektoriaus A.Gaižučio kalba, pasakyta 2009 02 19 d. LMA, akademiko R.Grigo knygos pristatyme — daug labiau emociingesnis. Nors išlieka ir pirmam tekstui būdingi sintagminės skaidos ypatumai, bet kalbos akustika ryškesnė ir perceptyviai kontrastingenė (tono ir ypač intensyvumo intervalai ženkliai didesni),

didesnė taip pat intonacinių kontūrų bei jų realizacijų įvairovė. Tekste pakankamai dažnai naudojami antrasis ir penktasis baziniai intonaciniai kontūrai ir tarpiniai jų variantai kaip sustiprinto teigimo, teigiamo ir neigiamo ekspresyvaus vertinimo, retorinio klausimo raiškos priemonės, kurios derinamos su trečio ir šešto kontūrų baziniais bei pereinamaisiais variantais. Tai kalbai-monologui suteikia papildomus nerimo, rūpesčio, atjautos ir liūdesio atspalvius:

Ger²⁻⁵biamosios ir gerbiamieji! // Iš tikrų³jų, / žiūr³rint : į Jūsų ve⁶dus, / kyla labai dau³g / šviesių ir gražių minčių¹. // Tai yra³⁻⁶ : ta³s, : saky¹kim, / susirinki³mas / žmonių³, / kurie³⁻⁶ : dėjo pagrindus nau²jqjai / lai²⁻¹svai / švietimo siste³mai, / kurie yra labai dau³⁻⁶g / ir labai⁵⁻² atsakingi / už tai³⁻⁶, : kas vyksta dabar¹. //

Aš norėčiau pradė³ti : savo to¹kį / trumpą pasisa²⁻¹kymą : nuo vienos mintie¹s. // Kai pagalvo¹ji : apie tuos dvidešimt me³⁻⁴tu, / ištikrųjų tai yra³ : didelis laiko tar¹pas / ir nedi³⁻⁶delis / ma²⁻¹stant / apie apskritai lai²ką. // Vi³stiktai, / ar yra pasie²kta : kažkas tai iškilau⁵s ir reikšmingo? // Tu³rim / turbū²⁻¹t / visi³ / nuoširdžiai prisipažin¹ti, / kad per tuos dvidešimt me³tu / yra¹ / pasiekta dau²g / esmi⁴nių laimėjimų / mūsų švietime¹. // Aš turiu galvoj³⁻⁶, / vykstant socialinio gyvenimo lū³⁻²žiai, / san⁵tvarų kaitai, / vi³sdėlto: yra¹ : pasiekta dau²g, / ne vien³ tiktai, / galima¹ / saky²⁻¹ti, / kažkuriuose tai mo²ksluose, / dė²styme, / be³t / visoj mūsų siste²moj, / galų gale³ : žmogaus ma²⁻¹styme : ir jo laiky¹senoj. // Ir kartu³ : vėl³gi / kar²⁻¹tais / ateina ir liūdno¹kos mintys: // ne visada³⁻² / mes sugebame įsiklausyti į vieni kitų³⁻⁶ / argumentu³⁻⁶s, / tei³ginius, / nei⁴ginius, / no³rus, / siekimu³⁻⁶s. //

Mane³, / kaip re³ktorių / šiuo²⁻¹ atveju / labiau³⁻²siai : domina likimas bū³tent / mo²kytojo, / pedago²go, / kaip pa⁵čio pagrindinio / šito⁶s sakykim, / didelės siste²mos / ne eleme⁵⁻²nto, / bet pagrindų⁵ pagrindo. //

Ir³ / su dideliu liūdesiu visdėlto turiu pasakyti, kad³⁻⁶ / kie⁵k buvo / bekalbėta apie tai³, : kaip pake¹t / žmogau¹s : pedago²go : socialinį statusą mūsų šaly ir visuo³menėj, / kie²⁻¹k/ vi⁵⁻²sdėlto / disku²sijų, / rei³škia / konferen⁵cijų / bu³vo / ir bu¹vo / ir⁶ / šių daly³kų / mes vistik dar¹ / nesugebė²⁻¹jom : per dvidešimt me³tu / šiek tiek ki³lstelėti / į rei¹kiamą : ir būtiną ly³gi. //

Išvados

Įvairių sakininės kalbos tekstų analizė parodė, kad pasakymo (teksto) turinio (dalykinio ir emocinio) raiškoje galima didelė intonacinių-garsinių priemonių panaudojimo įvairovė, kuri priklauso nuo kalbos akto komunikacinės situacijos, kalbėjimo ir kalbėtojo stiliaus, kalbančiojo individualių raiškos galimybių bei pačio sakininio teksto ypatumų.

Literatūra

1. Intonation Systems. A Survey of Twenty Languages / Ed. by Daniel Hirst and Albert Di Cristo. – Cambridge University Press, 1998. – 457 p.
2. *Girdenis A.* Teoriniai lietuvių fonologijos pagrindai. – Vilnius, 2003. – 387 p.
3. Dabartinės lietuvių kalbos gramatika. – Vilnius, 1994. – 743 p.
4. *Koženiauskienė R.* Retorika. Iškalbos stilistika. – Vilnius, 1999. – 463 p.
5. *Kundrotas G.* Lietuvių kalbos intonacija: teorija ir praktika // *Žmogus ir žodis. Didaktinė lingvistika. Mokslo darbai.* – Vilnius: Vilniaus pedagoginio universiteto leidykla, 2004. – 6 t. – Nr. 1. – P. 13–19 /69/
6. *Kundrotas G.* Lyginamoji lietuvių ir rusų kalbų intonacinių sistemų analizė. – Vilnius: VPU leidykla, 2009. – P. 38.
7. Lietuvių kalbos enciklopedija. – Vilnius, 1999. – 746 p.
8. *Pakerys A.* Lietuvių bendrinės kalbos fonetika. – Vilnius, 2003. – 241 p.

G. Kundrotas

Universal and Individual Means of Sounding Speech (Based on the Material of the Lithuanian Language)

The (subject and emotional) content of the utterance is expressed by the arsenal of all sound-intonation means of a language as well as by other elements (lexical-grammatical) of the language system, which are synchronically combined in a speech act. The intonation of any speech has universal functions, which are inherent to other languages, and also specific functions and expressive means, characteristic of that particular language and its phonetic expression. The paper analyzes different variants of individual intonation expression of spoken texts that are characterized by different emotional and stylistic coloring.

Key words: speech intonation; general (universal) and individual functions of intonation; sound-intonation means; intonation system and its elements; features of individual expression.

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

Абрашина Екатерина Николаевна (Abrashina Ekaterina) — кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: риторика, культура речи, лексикология. E-mail: abrashina0707@mail.ru

Беляева Мария Вячеславовна (Belyaeva Maria) — кандидат филологических наук, профессор кафедры немецкого языка и современных технологий обучения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: синтаксис немецкого языка, разговорная речь на русском и немецком языке, контаминированные конструкции грамматики немецкого языка. E-mail: belyaeva-mv@mail.ru

Ганиев Журат Валиевич (Ganiev Gurat) — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: орфоэпия, русский язык как неродной. E-mail: vlad.ganiev@yandex.ru

Геймбух Елена Юрьевна (Geimbukh Elena) — доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и общего языкознания Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: стилистика русского языка, лингвистический анализ художественного текста, типология текстов. E-mail: gejmbuh@rambler.ru

Гребенкова Юлия Михайловна (Grebenkova Yulia) — аспирант кафедры русского языка и общего языкознания. Сфера научных интересов: возрастная фонология, гендерная лингвистика. E-mail: Grebenkova-j@mail.ru

Девятова Надежда Михайловна (Devyatova Nadezhda) — доктор филологических наук, доцент кафедры русского языка и общего языкознания Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: коммуникативный синтаксис, лингвистика текста, школьная грамматика. E-mail: Deviatovan@mail.ru

Йонушас Йонас (Jonushas Ionas) — доктор гуманитарных наук, лектор кафедры языкознания Каунасского технологического университета, Литва. Сфера научных интересов: методика преподавания литовского языка, терминология, теория и практика перевода. E-mail: remjon@ktu.lt

Киров Евгений Флорентович (Kirov Evgeniy) — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка и общего языкознания Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: фонология, теория языка, грамматика русского языка. E-mail: evg-kirov@mail.ru.

Качанова Анна Алексеевна (Kachanova Anna) — кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры русского языка и общего языкознания Института гуманитарных наук Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: языковые особенности публицистики, коммуникативная лингвистика русского языка, интернет-лингвистика. E-mail: AnjaLioutaja@yandex.ru

Кундротас Гинтаутас (Kundrotas Gintautas) — доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и межкультурной коммуникации, декан филологического факультета Литовского эдукологического университета. Сфера научных интересов: интонационная система и ее элементы в звучащей речи. E-mail: kundrotas@vpu.lt

Русецкая Йовита (Ruseckaya Iovita) — старший преподаватель Литовского эдукологического университета, магистр филологии.

Сфера научных интересов: фразеология русского и литовского языков, лингвокультурология. E-mail: jovitaruseckaja@yahoo.com

Трухановская Наталья Сергеевна (Trukhanovskaya Natalia) — кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого языка и современных технологий обучения Института иностранных языков Московского городского педагогического университета. Сфера научных интересов: когнитивная семантика, теория метонимии, теория и практика перевода. E-mail: natalya.trukhanovskaya@gmail.com

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

РУСИСТИКА И КОМПАРАТИВИСТИКА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Выпуск VII

Книга 1
Лингвистика

Ответственные редакторы:

Е.Ф. Киров (Москва), *Г. Кундротас* (Вильнюс)

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

Т.П. Веденева

Редактор:

М.В. Чудова

Корректор:

Л.Г. Овчинникова

Техническое редактирование, верстка и дизайн обложки:

О.Г. Арефьева

Формат 60 × 90 ¹/₁₆. Объем 12,5 усл. печ. л.

Тираж 300 экз.

Московский городской педагогический университет

Научно-информационный издательский центр

129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный пр., 4